

«Господи и Владыка живота моего! Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя согрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».
св. Ефрем Сирийский

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Свет заходящего солнца был направлен в окно, как луч кинопроектора направлен на экран, сквозь зрительный зал крыш окрестных домов. И создавал иллюзию восприятия реальности как какого-то старого фильма. Оттого и домой спешить не хотелось. Домой? Михаил задумался, почесал подбородок. Вправе ли он называть домом квартиру, где больше ночует, чем живет? Или родительскую квартиру в Старо-Мещанске, где появляется все реже и реже?

— Все-таки дом — то место, где мы живем, — сказал он себе вслух. — Свежая мысль, хм...

А где он, Воронич Михаил Александрович, живет?

*Я в этой комнате жила,
Садилась в кресло и смотрела
На острый краешек стола,
Где лампа рыжая горела...*

Эти слова из песни «Белой гвардии» он мог отнести полноценно к своей (теперь уже бывшей) общажной комнате — там был и стол, и лампа на нем, и «дуэт расстроенных гитар»... А где вы видели в общежитии настроенные гитары? Нет, никто не спорит, они есть — но их просто держат взаперти в шкафах и играют исключительно в трезвом состоянии, то есть очень редко.

Солнце скрылось за домами, но свет зажигать не хотелось. Музыка из обшарпанной офисной магнитолы продолжала играть — теперь это уже была ставшая «народной», своей для музыкантов, художников, поэтов и прочей интеллигенции «Когда ты вернешься». Абсолютно бесснежные поля за окном поезда — даже непривычно, что так может быть в новогоднюю ночь... абсолютно пустой и близкий деревянными домами Киев... знакомое до боли ожидание чего-то непонятного, когда греется самовар, и лишь юнкерская форма младшего брата и периодическое глухое буханье пушек где-то там за окном напоминают о войне — то ли начале, то ли конце... скорее, о постоянном состоянии войны.

*Сизые сумерки прошлых лет
Робко крадутся по переулкам.
В этом окне еле брезжит свет,
Ноты истрепаны, звуки гулки.*

Свет все-таки пришлось зажечь — не тот осторожный и теплый свет керосиновых ламп, а наглый «дневной». Можно открыть окно и закурить, благо в конторе он теперь один. Песня закончилась, и Михаил переключил настройку в режим радио.

— Практически в современности невозможно увидеть, отличить сразу христианина, — ворвался из шипения и треска голос из радио. — Человек живет чаще всего так же, как и все, выделяясь лишь в чрезвычайной, данной Богом ситуации. Это

озаряет, словно вспышка при фотосъемке, и сразу становится ясно: да, этот человек — христианин.

Ну да, подумал он, а разве не может быть так — чрезвычайная ситуация, человек выделяется, а он мусульманин или атеист? Да кто угодно может быть. Из чего, интересно, сразу становится ясно, что этот человек — христианин? И почему обязательно он? «По тому узнает вас мир, что будете иметь любовь между собой...» Удачно попал, кажется, какая-то христианская программа, есть что послушать, а то попса, которую днем слушают девушки, просто достала. Но в одном прав священник, или кто он там — жизнь в городе течет по общим законам, и все заняты своими делами настолько, что не увидишь в метро, например, христианина, если только он не читает молитвенник. Точнее, не отличишь от окружающих. Там все с непроницаемыми лицами, или «спящие», как у Дж.Пристли — «Случай в Лидингтоне». Хотя, что касается лиц... тут вспомнилось сегодняшнее утро.

Он вошел после пересадки в вагон метро, огляделся по сторонам. Присел на свободное место, благо ехать на работу — всего пару остановок. Достал было сборник стихов Лорки, но тут же почувствовал взгляд, направленный в его сторону. Это была девушка, лет двадцати пяти или около того. Сидела она не прямо напротив, а сбоку, и оттого было непонятно, то ли серые, то ли зеленые у нее глаза. Впрочем, дело было не в цвете, а в выражении, настолько оно показалось ему интересным. Она смотрела не в одну точку, и не сквозь него, а прямо ему в глаза. Ага, значит, Пристли вспомнился ему еще утром. Одна из «живых».

«Вы кто, незнакомка?» — мысленно задал он вопрос, надеясь, что в вагонном шуме она так лучше услышит.

«А вы кто? Было бы приятно познакомиться с вами, но... место, согласитесь...», — услышал, точнее, прочел он ответ во взгляде.

«Вы культурная девушка», — заметил он. — Это порой мешает жить».

«Согласна — мешает, и еще как!» — ответила она.

Тут Михаил даже пожалел, что так скоро выходит.

«Извините, мне надо выходить, но я не прощаюсь».

Он встал, пошел к дверям. И уже на выходе обернулся, нашел ее взгляд: «Запомните — я не прощаюсь. До свидания».

Конечно, он все это нафантазировал себе. Мать до сих пор шутит, что он ищет себе принцессу. И все-таки... Как она выглядела? Роста невысокого, волосы каштановые — красивые, длинные, настоящая шатенка! Не то, что какая-нибудь крашенная блондинка, каких пруд пруди. Одета — деталей одежды в памяти не осталось, но что со вкусом, это факт. Опять же, на лице написано, что высшее образование имеется. Надо будет завтра с утра примерно в то же время выйти из дома — кто знает, может, опять повезет ее увидеть?

***

В огромном, рассчитанном на еще доперестроечные объемы производства, зале бухгалтерии стоял навязчивый, вызывающий головную боль запах свежей краски — наконец-то был сделан ремонт, и облупившиеся за много лет стены приобрели светло-желтый окрас. Сразу стало казаться светлее и просторнее, однако столы все равно стояли впритык друг к другу, и каждая из сотрудниц норовила устроиться попросторнее, и потихоньку двигала свой стол от себя, а значит, в сторону других. Из-за этого начинались нескончаемые выяснения отношений, и даже ссоры, то затихающие, то вновь вспыхивающие.

Когда-то, в старших классах она мечтала стать художником по книгам, затем — психологом, потом... поступила в институт на специальность «бухгалтерский учет в машиностроении». В результате такого весьма разумного выбора Валя и оказалась на этом большом предприятии с развернутой системой управления. В начале девяностых предприятие пережило нелегкий период разорения и разграбления, однако благодаря

своевременной смене хозяина устояло на плаву и теперь довольно успешно вписывалось в рыночную экономику. В частности, у них в бухгалтерии работало десять человек, а это, хотя, по правде хватило бы и шести, говорило о многом. Зарплата была неплохая, и, учитывая, что работоспособность и ум Валентины заметило руководство, ее ожидала карьера — лет так через пять должность заместителя главного бухгалтера.

Было уже около шести, но народ и не думал расходиться — бухгалтерские женщины не слишком спешили домой к уже выросшим детям, кастрюлям и телевизору. Ей же хотелось уйти сегодня пораньше, но покинуть рабочее место раньше других считалось здесь плохим тоном, поэтому Валя продолжала ковыряться в компьютере, делая вид, что работает. Мысли ее, однако, были далеко не в «1С». Но где, она и сама не могла сказать. Каждый день представлял собой практически точную копию предыдущего. Жизнь шла, крутилась своим обычным колесом, которое не позволяло выделить что-либо из происходящего, что-то запомнить и над чем-то задуматься. Когда трудно сказать, что было вчера, а когда тебя спрашивают, как твои дела, сразу не можешь вспомнить, как же твои дела?

Конечно, хорошо, когда все хорошо, как говорится, лучшие новости — это отсутствие таковых. Но ей хотелось праздника, да и просто рановато было ничего не ждать от жизни. Правда, около трех месяцев назад что-то такое, наконец, произошло. Она познакомилась с молодым человеком, и кажется, у него были серьезные намерения... Это событие не сильно выбило ее из колеи. На крыльях она не летала, отношения развивались спокойно, тепло и радостно, что казалось Валентине добрым знаком. Она с подозрением относилась к буйным страстям, скептически наблюдала за любовными передрыгами подруг, замужних и незамужних, заранее предвидя, чем они закончатся. Незачем было совершать свои ошибки, как умный человек, Валентина предпочитала учиться на чужих. Правда, и шансов ошибиться у нее практически не было, откуда-то развилась способность «видеть» и оценивать мужчин исключительно с точки зрения рассудка. Знакомясь с кем-то, Валя с первого раза понимала, что представляет собой даже очень симпатичный ей молодой человек, и чего от него ждать. Мужчины это чувствовали, натывались на ее трезвый взгляд и, не желая тратить драгоценное время, линяли в другую сторону.

Наконец-то первые ласточки потянулись к выходу. Валя быстро покидала в сумку свою мелочевку — зеркальце, помаду... Свидания с Русланом егдня не предвиделось, и она мечтала заехать в книжный на Лубянке, поискать что-нибудь новенькое для чтения — единственного настоящего удовольствия в ее жизни.

Подставив лицо под лучи заходящего солнца, Валентина с наслаждением вдохнула осеннего воздуха, хоть и смешанного с запахом гари и выхлопных газов, но все-таки более свежего, чем в помещении. Пока шла до метро, старалась думать о Руслане. Как всегда, в те дни, когда они не виделись, она испытывала к нему большую нежность и привязанность, чем во время свиданий. Ей было приятно скучать по нему, ждать его звонков.

Валентина еще раз вспомнила, как они познакомились, на лице непроизвольно появилась полуулыбка. Это произошло в гостях на дне рождения двоюродной сестры. Он тоже был чьим-то двоюродным братом. Валины достоинства Руслан, как умный мальчик, оценил сразу. И видимо, нагуляться уже успел, а близкие подталкивали его к женитьбе, поэтому совсем не испугался ее критического взгляда. Конечно, для роли жены никто лучше ее и не подходил. Поэтому он, посмеиваясь над дурачками, кружившими вокруг веселой разбитной именинницы, присел около Валентины, говоря только о живописи, стихах, короче, всячески демонстрируя наличие интеллекта, который в наше время у мужчин редкость. Ей сразу понравилось в нем отсутствие лишних, лживых и высоких слов, уверенность в себе и четкое знание того, чего хочет. Конечно же, от ее глаз не скрылись ни его игра, ни некоторое самодовольство, ни то, что к ней его толкает не чувство, а рассудок. Впрочем, в любовь с первого взгляда она перестала верить давно. А рассудок — это очень неплохо. Он выбирает того, кто подходит именно тебе, и делает это

куда лучше, чем слепая страсть. К тому же — двадцать семь лет, этим сказано много, если не сказать, всё. Парень был перед ней, как на ладони, и намерения у него были самые, что ни на есть порядочные. В общем, она чувствовала, что долго колебаться не станет.

Теперь же, несмотря на очень осмысленный и разумный выбор, Вале хотелось придать ему романтический ореол, почувствовать себя влюбленной. Каждая детская школьная влюбленность вызывала у нее несколько десятков неуклюжих, но пылких стихов. С трезвым взглядом на мужчин это сочеталось совершенно легко, так как стихи рождались только в адрес тех людей, отношения с которыми были совершенно невозможны — чаще всего эти ребята даже не замечали ее существования.

Удивительно, но стихи в адрес Руслана не получались. Тут уж одно из двух, подумала она: либо ты счастлива, либо стихи.

***

Как всегда, когда удавалось занять сидячее место в вагоне, она подняла глаза, по старой привычке, чтобы рассмотреть людей, сидящих напротив. Давно прошел тот период в ее жизни, когда все было любопытно, вызывало тревогу и острый интерес, когда она испытывала желание нравиться людям в транспорте, и было страшно, что кто-то подумает про нее что-то неприятное. Выйдя из романтической юности, Валя уже давно не искала оценивающих мужских взглядов, по которым, как в зеркале, можно точно определить, как она выглядит.

Но сейчас Валя почему-то испытывала странное разочарование, глядя на пышноволосую тетку со стеклянистым взглядом напротив себя. Ах, да, все дело в утреннем случае. Она только сейчас вспомнила об этом, скорее всего наполовину придуманном ею, эпизоде. Неужели она снова впадает в детство? Когда Валя ехала на работу, кажется, на Третьяковской, на освободившееся напротив место плюхнулся совершенно ни чем не примечательный человек с поношенным портфельчиком под мышкой (ручек у портфеля не было предусмотрено) и маленькой книжечкой в руках. Обычно, убедившись, что взгляду ее не за что зацепиться, она уходила в себя и свои мысли. Но взгляд ее, как ни странно, зацепился.

Это был достаточно молодой мужчина, не юноша, лет тридцати пяти. Одетый не то чтобы скромно, но обыкновенно, как все, кто не ездит в собственном лимузине, а вынужден пробираться туннелями и лабиринтами метрополитена. Но — глаза. Не то, чтобы красивые или выразительные... Просто они были — живые, что ли. Добрые? Нет, это было бы слишком просто. Но — не безучастные. В них присутствовала мысль, вопрос... Как же объяснить? Просто они сказали ей что-то приветливое, вероятно: «Ну что, едем? Ага, едем». Потом, опомнившись, что нельзя разговаривать с незнакомцами, хотя бы и глазами, она опустила взгляд. А когда подняла, то увидела, что он встал и подошел к дверям. И к собственному удивлению почувствовала неожиданную резкую жалость, как будто они не договорили, а он уходит из ее жизни, навсегда, навечно.

И вдруг — он обернулся. Она могла бы поклясться, что он сказал «до свидания».

Все утро она оставалась под впечатлением от этой встречи, казалось бы, совершенно незначительной и мимолетной. Но дела и суета на работе все затмили, и к обеду она уже ничего об этом не помнила... А сейчас почему-то вспомнила. Интересно, что за книжка была у него в руках? Ах, да, книжка. Собиралась на Лубянку, задумалась, и проехала пересадку. Вернуться? Нет, теперь уже неохота. Жаль... Значит, домой.

***

Каждый день у него начинался одинаково: душ, бутерброд с сыром и чай, потом уже на улице, пока идешь до метро, сигарета. Расстояние от квартиры до конторы преодолевалось минут за тридцать-сорок, что по нынешней жизни очень даже неплохо. Солнечная погода и любимая музыка в плеере поддерживали настроение в нужном русле. Во-первых, сегодня пятница, можно попробовать уйти пораньше, чтобы успеть на пригородный автобус до дома. Во-вторых, после долгого молчания на вечер в Старо-Мещанске назначен сбор старой концертной гвардии: бессменный руководитель Сашка Мудродуров (никто из посторонних не может угадать, фамилия это или прозвище), талантливый бард Антон Егоров... «Генерал Корнилов собирает казаков», — пошутил Михаил. А значит, скоро закружит концертная круговерть.

Дни пролетали в самых что ни на есть технических моментах, но пятница — всегда быстрее и радостнее, чем другие. В результате вечером, сидя в кафе «Юлий Цезарь», Михаил наслаждался «рабочей обстановкой», по которой уже успел соскучиться за неделю. Все складывалось сегодня удачно: он успел на рейсовый автобус, а дорожное настроение в предчувствии творческих споров навяло ему несколько новых идей по сценариям, которые не терпелось выложить «соратникам», обсуждающим расписание предстоящих выступлений.

— Пора нам, братцы, и о Москве подумать, — заметил Сашка, когда все идеи были, наконец, выложены, частично раскритикованы, но по большому счету одобрены. — Миш, как, попробуешь куда-нибудь пробиться?

— Попытка — не пытка, согласно изречениям Святой Инквизиции, — согласился он. — Вопрос только, куда идти. В обычный клуб мы не пойдем, да и на нас туда «не пойдут». Нужно что-то вроде Политехнического института, или ЦДХ, где принимают самую разношерстную богему.

— А на «Гнездо Глухаря» не потянем? — уточнил Егоров.

— Есть шансик, но мизерный. В общем, подумаю, и начну созваниваться с нужными людьми. На днях в ЦДХ смотаюсь. Не знаешь, что там сейчас интересного?

— Не знаю, давно не был, — ответил Мудродуров, — давай, езжай, а об успехах расскажешь.

На следующей неделе Миша взялся за дело, однако в успех этого предприятия верил не слишком. Как ни сильна была уверенность Мудродурова в новизне их идей и таланте труппы, Москве не было никакого дела до провинциальных дарований. Ее уже мутило от невообразимого количества своих. Она снисходительно глядела на Мишу мутными глазами администраторов самых разных площадок и лениво называла сумму, способную вызвать ее благосклонность. Такой суммы, не взирая на концертные сборы, у них не было.

Получив ответ в ЦДХ (сумму там называли в разы больше, чем в других местах), Миша решил сделать себе хоть что-то приятное, завернул напоследок в кафе, заказал бокал вина, мясо по-французски и какой-то салатик. Глядя в окно в узкую щель между темными, синими шторами кафе, он представлял, как будет рассказывать Мудродурову о своих «успехах». Место он выбрал подальше от входа и от народа, но не рассчитал, и столик за его спиной заняла стандартная романтическая парочка. Девушка громко и неестественно смеялась, почему-то ему стало неприятно, он быстро доел и вышел на улицу. На душе было тоскливо.

***

И все-таки, что-то сдерживало ее, поэтому знакомство, которое длилось уже достаточно долго, по крайней мере, по общепринятым меркам, все еще оставалось на уровне знакомства — театр, парк, кафе в ЦДХ. Вот и сейчас, после осмотра выставки современного живописца, она сидела с Русланом в этом кафе. Мнения их по поводу данной живописи совпадали (а может, он сделал ее мнение своим), и они веселились, обсуждая одну забавную картину: ярко-красный глаз выглядывал из-под стула, то ли

прячась, то ли подсматривая за пасущейся в комнате коровой. Руслан высказывал догадки, одну остроумнее другой, что хотел сказать этим автор. Она хохотала довольно искренне. Все складывалось пока замечательно. В какой-то момент она почувствовала, что он собирается сделать ей сегодня предложение. И весь вечер, гуляя по выставке, решала, в какой же форме будет наиболее приемлемо и достойно согласиться, и что при этом сказать. Не было ни малейшей причины для отказа, поскольку оба с самого начала были нацелены именно на брак. Ни его скоростное предложение, ни ее согласие не должны были стать сюрпризом и для Валиных родителей, которые уже нашли общий язык с Русланом. Особенно хорошо ладила с потенциальным зятем мама.

Ничто не мешало этому браку, напротив, и воспитание их, и семейные обычаи казались достаточно близкими друг другу по духу. И... не было ничего, что вызывало бы у нее чувство счастья и воодушевления. Она радовалась его телефонным звонкам и противилась всякой попытке сближения, хотя точно знала, что как мужчина он ей скорее приятен. В конце концов, она снизошла до поцелуев, остальное твердо оставив на потом. Он списал это на ее врожденную чистоплотность и редкое в наше время воспитание, что, конечно же, так и было. Она же подсознательно понимала, что, кроме того, это еще и попытка оттянуть время, возможность дать обратный ход. Но хотела ли она дать обратный ход? Нет, она хотела замуж, чего уж скрывать... И значит, пусть все идет, как идет.

И вдруг за соседним столиком она увидела знакомое лицо, точнее, профиль мужчины, задумчиво смотрящего в окно. Парень как будто разглядывал что-то в потемневшем пейзаже. Она точно помнила, что знает этого человека, но не могла понять, откуда. Он сидел вполборота и не видел ее, потом быстро поднялся и вышел. Это хорошо, решила Валентина, а то вдруг он подойдет, а я не вспомню, кто он такой, будет глупейшая ситуация.

Однако, выходя из ЦДХ, снова начала напряженно вспоминать, откуда его знает. Так бывает — мучаешься, пока не вспомнишь, но сейчас к этому еще и примешивалось чувство тревоги, словно забыто что-то очень важное.

*Меня ты узнаешь легко,
В сумбурно роящейся улице,
Людской меня схватит поток
И выплюнет, как несъедобное.
Пальто мне всегда велико,
Лицо мое складкою хмурится
От новых и старых тревог,
Да обуви неудобной.*

*Сквозь страны и через века
Судьбы предписанием сложным,
Виляя в случайностях дня,
На ощупь ступая впотьмах,
Ведет нас друг к другу, пока
Не станет однажды возможным,
Что ты повстречаешь меня,
Узнаешь в бесчисленных мирах.*

Итак, она не вспомнила, а потом и вовсе забыла.

Глава 2

Даже за кулисами были слышны аплодисменты. Откуда-то сбоку вынырнул Мудродуров:

— Твой выход.

— Мой? Почему мой? — встревожился Воронич.

— Сценарий забыл? Давай-давай, завершай.

Михаил шагнул вперёд, на сцену. Поймал уже ставший знакомым за вечер взгляд девушки во втором ряду, кивнул гитаристу и начал слегка охрипшим от волнения голосом:

Обрываются слова, словно листья —

то ли ветер, то ли что-то иное.

Я спешу не на свиданье — на выстрел.

Облака ли, тучи — следом за мною.

Непогода на душе, непогода...

И, чтобы глаза не слезились от напряжения, направил взгляд чуть вверх голов зрителей этого маленького зала. Нет, он не пел — просто рассказывал свою историю, говорил душой.

А потом ушел за занавес, чувствуя, что сегодня уже ничего больше не скажет. Приходилось опять выходить вместе со всеми, кланяться, спускаться в буфет, и только там очнуться, прийти в себя. Вся группа поздравляла друг друга — выступили хорошо, первый раз в этот сезон, зал полный набрался...

— Кстати, не хочешь в паломническую поездку поехать? — обратился к нему Мудродуров. Неудачу с московскими площадками он не принял слишком близко к сердцу, свято веря в собственную звезду и счастливый случай, который еще должен подвернуться.

— Куда?

— Э-ээ, забыл, потом скажу, в общем, монастырь какой-то действующий, под Москвой, часа два езды.

В голове Воронича что-то промелькнуло:

— Это когда будет?

— В следующую субботу. Только, сам понимаешь, сбор часов в семь утра.

— Обижаешь, я утром подолгу не сплю. Часам к трем в Москве будем? А то еще домой ехать, хоть лишний вечер со своими побуду.

— Даже раньше.

— Так это ж замечательно! Два билета пометь.

— А кто второй?

— По ходу пьесы разберемся.

Выступали они в этом тихом районном ДК не первый раз, и директор уже по традиции собрал их и местную интеллигенцию на небольшой банкет. Миша поискал место, куда бы сесть, и снова заметил черноволосую девушку из второго ряда. Чем-то она к себе привлекала.

— Вы позволите?

— Да, конечно, — она приветливо улыбнулась.

В ходе разговора выяснилось, что Юля преподаёт в школе русский и литературу, сама немного пишет — в основном для школьной самодеятельности и разных мероприятий. Странно, как везет ему на талантливых девушек... Михаил был не из тех мужчин, которым нравились девицы, основное увлечение которых — шмотки и косметика, а основной труд всей жизни — сохранение собственного товарного вида. Поэтому он частенько посмеивался над Антоном, который пользовался в их труппе

особым успехом. Правда, и сам Миша, пожалуй, у таких девушек ничего бы, кроме высокомерного пренебрежения не вызвал...

Кроме того, нахлынули школьные воспоминания (все-таки три года отдал этой работе), и из-за стола они с Юлей вышли практически друзьями.

— А вы уже сегодня уезжаете? — поинтересовалась Юля.

Тут Михаил замялся — не будь он с трупой, не задумываясь, продолжил бы общение с миловидной учительницей. Как же лучше поступить?

— Давайте я вас провожу, — решил он, — Вы далеко живёте?

...Утро было достаточно хмурым, но не дождливым.

— Жаль, что у тебя нет телефона, — сказал он, — я бы тебе позвонил.

— Даже если бы и был, я бы тебе не сказала, — ответила она.

— Почему? — он обнял девушку.

— Сколько у тебя таких встреч было и будет? Только не ври, что этот случай — единственный.

Наступило неловкое молчание. Оправдываться и доказывать единственность и неповторимость ситуации было и глупо, и лень. Попытался было отреагировать, но счел за лучшее промолчать, собраться и уехать. Всё-таки надо успеть на работу.

... Михаил прикрыл глаза, слушая кассету — единственное, что можно делать в гремящем рейсовом автобусе. Друзья не могли понять, как можно слушать органную музыку в толчее, и при этом не впасть в ступор, переходя дорогу. Он мог, однако как раз сейчас сосредоточиться на музыке не удавалось.

Интересно, с чего она так? Досадовала на себя, что легкомысленно пошла на контакт с незнакомым симпатичным парнем? Даже скажи он, что это действительно единственный случай в его гастрольной практике, не поверила бы, приняла бы как «отмазку». А услышать все равно хотела, наверное, это... Почему он не смог соврать? Встреча могла стать чем-то большим... Могла ли? Могла, если бы оба не пошли проторенной дорожкой по ускоренной программе.

Ну да — если гастроли, значит, по этой самой... полной. Он усмехнулся. Больно так, что впору с утра сразу коньячка граммов двести под лимончик и пару сигарет. Но нельзя, понедельник. Надо снова погружаться в беспокойную менеджерскую жизнь. Так что коньячок подождет до вечера.

***

«Ничего более тоскливого, чем бухгалтерия, в жизни не бывает», — подумала она, в очередной раз названивая в мелкую фирмочку. Наконец-то противно пищавший факсом или просто занятый телефон снизошел до длинных гудков.

— Когда я могу приехать к вам за счетами-фактурами? Они срочно нужны.

(До чего неохота никуда ехать, но сами они, ясное дело, не привезут — таким однодневкам плевать на документы).

— Да, хорошо. Где вы находитесь?

Оказалось, что находятся совсем недалеко, всего одна остановка метро. Это ее утешило, и уже минут через тридцать Валя заходила в офис.

— Простите, пожалуйста, я с завода, за документами, — обратилась она к проходящему мимо мужчине. Тот обернулся, и Валя ощутила дежавю.

Опять этот парень? Точно он — ЦДХ, кафе... Ее внезапно охватила тревога, но не та, что пугает чем-то заведомо плохим, а скорее предчувствие чего-то важного. Да откуда же она его?..

На всякий случай она сказала: «Здрассте». Его глаза сначала выразили удивление, потом в них мелькнула радость:

— Здравствуйте. Я знал, что мы должны встретиться. Помните, я вам это обещал.

— Обещали? — полная растерянность охватила ее. Да что у нее с головой, в конце концов, начало склероза? Значит, они действительно знакомы?!

— Мы встретились в метро. Не помните, наверно?

Валентина взяла себя в руки. В метро? Наверное, какая-то ерунда.

— Извините, не помню. Вообще-то, я за документами, — напомнила Валентина этому небритому ловеласу.

— Извините, — спохватился Михаил. Глаза его как-то сникли, выражение лица стало официально-скучным. — Пойдемте, провожу.

Они прошли в угловую комнатку, где сидела полная молодая женщина.

— Жан, это к тебе, за документами.

— Какая организация? — дама смерила девушку взглядом участкового.

Валя представилась. Парень ушел, а Жанна принялась искать счета-фактуры в неряшливой кипе бумаг на стуле.

И тут что-то переключилось у Вали в голове. Перед глазами вдруг четко возникла забытая картинка, глаза молодого человека в метро, которые с ней «разговаривали».

Тревожное чувство усилилось, надо было что-то сделать или сказать, она точно знала, что надо, и никуда от этого уже не деться, и теперь ничего уже от нее не зависит. Это не было осознанной необходимостью, как в случае с Русланом, когда свобода выбора и возможность все развернуть обратно мучила и не давала принять эти отношения, как данные свыше. Нет, она чувствовала, что теперь, выражаясь банальным языком, находится в руках... судьбы? Бога? Ощущение того, что все происходящее предопределено, наполнило ее и тревогой, и облегчением. Однако все равно надо что-то предпринять.

А, может, ничего предпринимать и говорить не надо? Раз уж это судьба, то все как-нибудь сложится само?

***

Зря он ей так с ходу: «знал, что должны встретиться», «я вам обещал»...

Михаил попытался сосредоточиться на акте сверки, но девушка не выходила из головы. Точнее, её присутствие. Ну и что он сейчас может сделать? Она заберёт бумаги, выйдет — и... «пишите письма». Тем более что даже не вспомнила. Сжал зубы — по привычке не курил в рабочее время. Взял кружку и направился на кухню. Боковым зрением можно было видеть, что посетительница сидит и ждёт, пока Жанна подпишет бумаги у руководства.

Вдруг девушка встала и подошла к нему:

— Я вас узнала. Так интересно, что мы снова встретились, — слегка улыбнулась она, неловко, но не смущенно.

— Чай или кофе будете?

— Лучше чай.

— Присаживайтесь пока, — он указал на диванчик и засуетился у шкафа с посудой. — Меня, кстати, Михаилом зовут.

— Очень приятно. Валентина.

— Взаимно. Редкое по нынешним временам имя у вас, Валя. (Что я несу? «Красивое имя, и главное, редкое», — вспомнилась фразочка из «Иронии судьбы»). Вы мне телефон не оставите? Сейчас, сами понимаете, о многом не поговоришь.

— Даже так, да? — она задумалась, на него в упор.

Но глаза ее улыбались — открыто, спокойно, как тогда в метро.

— Воля ваша, сударыня, — он поставил перед ней кружку.

— Что ж, записывайте, вот мой рабочий городской, — вздохнула она, но не нарочито, а как бы иронизируя над собой, и в этот момент каким-то внутренним зрением Михаил снова её узнал — по той самой живой мысли, сблизившей их в метро.

Рабочий городской? Странно, почему... боится? От чего? Но телефон ведь дала, утешил себя Михаил. Теперь-то он мог бы найти его и сам, достаточно взглянуть на реквизиты фирмы. Фамилию спросить у Жанны...

— Куда она делась? — слышался в коридорчике голос коллеги — Жанночка была легка на помине.

В следующий момент она появилась в дверях кухни.

— А, вот в где! Документы проверьте.

Валентина взяла файл, стала просматривать бумаги, кажется, мало понимая, что там. Отпила еще чаю. А потом, как и тогда в метро, опустила и погасила глаза, убрала папку в сумку, смущенно попрощалась и пошла к выходу.

— Обломала вам шуры-муры? — посочувствовала Жанна.

— Вообще-то мы с ней знакомы, — заметил он.

— Да? Вот уж не думала.

— Да и я не ожидал ее здесь увидеть.

— Миш, а у тебя тысячи до зарплаты не найдется?

Он достал из кармана бумажник, вынул две пятисотенных бумажки.

— Как специально сегодня взял. Держи, пока не забыл.

— Ой, спасибо. Кстати, не подумал, чтобы моему ребенку помочь с английским?

— Жанночка, не практикую я сейчас. Плюс дел выше крыши, — он провел ладонью на уровне лба. — У старых знакомых поспрашиваю.

— Вечно ты вывернешься, — хмыкнула коллега.

***

Весь оставшийся день пролетел, как во сне. Работа у нее не шла. С того момента, как Валя попрощалась и вышла из конторы, ей никак не удавалось сосредоточиться. После сделанного на прошлой неделе предложения дело близилось к свадьбе семимильными шагами. В тот же вечер мама Руслана позвонила Валиной маме, а в субботу произошла встреча семейств в полном составе, кроме отца Руслана, который лет десять назад уехал после развода в Питер.

Кажется, две мамы глубоко друг другу симпатизировали, и обе были рады, что дети оказались «в хороших руках». А Валина мама еще и вздохнула с облегчением. Кажется, она боялась, что дочка останется в старых девах. В воскресенье они созвонились снова и долго обсуждали будущую совместную жизнь детей. Накануне был горячий спор о том, где «молодые» будут жить, а сегодня уже обсуждали свадебное меню. Мама Руслана намекнула, что после свадьбы заберет к себе бабушку, а молодым отдадут ее однокомнатную квартиру.

Слово «молодые» вызывало у Вали тот же эффект, что и звук железа, скребущего по стеклу. Она ощущала нереальность происходящего, обмана, который скоро раскроется, и страх, что дело зашло так далеко. Ей постоянно хотелось придать обсуждаемому условное наклонение («когда мы поженимся», «если будет свадьба», «может быть», «если, то...»). В конце концов, мать спросила ее вечером: «Я что-то тебя не очень понимаю. Тебя словно насильно выдают. Где энтузиазм? Ты любишь его вообще-то?» В ответ Валентина сказала: «Конечно», пытаясь придать своему голосу, а главное, самой себе уверенность в сказанном. На субботних переговорах назначили и дату свадьбы, причем не без Валиного участия её отодвинули на март. Руслану, кажется, не очень улыбалась перспектива ждать целых полгода, но пришлось согласиться.

«Любовь лишь там, где есть страданье», — выразилась как-то одна из ее подружек. Вот уж кто точно любил пострадать, выбирая себе в объекты страсти недостойных ее парней.

Нет уж, не хочу никаких страданий, все хорошо, мне повезло, все замечательно, уговаривала Валя саму себя.

И вдруг — эта встреча. К чему это может привезти, Валя не знала. Она предпочла бы, чтобы встречи этой не было вовсе, потому что мучительное чувство тревоги и необходимости что-то для себя решить только усилилось. Больше всего ей хотелось бы, чтобы события сложились таким образом, когда от нее ничего бы не зависело.

*Чтоб просто и легко. А если плохо,
То верить — изменить уже нельзя,
Оставлю лишь возможность чуть поохать.
Одноколейка — верная стезя.*

*Свобода... Скользкий дар, весьма опасный.
Что делать и как быть мне, кто решит?
Крадусь по жизни тихо, не причастно,
Вокруг всем задолжавший индивид.*

*Тот, Кто меня замыслил для чего-то
Не подсказал решенья и пути.
Он думал, что достойна я свободы,
А может быть, сумею дорасти.*

*Но даже выбор мелкий, ежечасный
Мне взвешат точной мерой в небесах.
Что от свободы прятаться напрасно?
Мы все в ее безжалостных тисках.*

*Но наизусть мне правила известны.
Кого я собираюсь обмануть,
Пеняя на дороги? Бесполезно.
— Скажи, куда, идти нам?
— Я есть путь.*

Глава 3

«Что касается меня, то я всегда знала, что Бог есть. Я говорю не об ощущениях, а о знании. Это при абсолютно атеистическом воспитании в совершенно атеистической среде. То есть в полном отсутствии Бога»

(«Во вратах твоих», Дина Рубина).

***

На другое утро после встречи в офисе Михаил позвонил на рабочий номер:

— Вы очень заняты сегодня? Не сможете встретиться после работы? Ой, подождите, я знаю, так ставить вопрос нельзя, — он засмеялся. — Мне очень хотелось бы встретиться с вами сегодня, у вас получится?

— Скорее всего, получится.

Она прокрутила в голове возможные препятствия для встречи — их не было. Валина мама беспокоилась только в одном случае — если дочь возвращалась домой после

одиннадцати. Руслан же, как будто специально подгадав, утром уехал в Санкт-Петербург — отец, узнав про свадьбу, решил подарить ему машину. Как и любому мужчине, Руслану не терпелось взглянуть на подарок, он взял неделю отпуска и рванул. Пошрое «муж в командировке» пронеслось в голове.

— Вот и замечательно. Значит, сегодня в половине седьмого? — в гуде телефонной трубки явственно был слышен чужой параллельный разговор, ощущение, что кто-то подслушивает, очень нервировало.

Разумеется, случайно подключившимся людям никакого дела до них не было.

— Хорошо, — сами собой сказали ее губы, при этом она ощутила легкую панику, а в голове пронеслось: «Зачем мне это нужно? Что я делаю?» Но думать и оценивать было бесполезно, она точно знала, что придет.

*Везде случайно нахожу
Я деньги и стихи...
Нет, я тебя не постыжусь,
Не отниму руки.*

*Когда б действительно могла
Быть благодарной я,
Не так мучительно б легла
В письме строка моя.*

*Такую милость нету сил
Ущербностью понять,
Ни осознать, ни объяснить,
А только лишь — принять.*

Снова зазвонил телефон, на этот раз мобильный, и эфир был чистым. Звонила двоюродная сестра. Разговаривать сейчас с Линой, которая явно желала обсудить детали долгожданной свадьбы, где ей предстоит стать героиней номер два (и познакомила их, и будет играть почетную роль свидетельницы), совершенно не хотелось. Однако Линка настойчиво требовала, чтобы Валя отправилась с ней после работы выбирать наряд свидетельницы. Такая перспектива не прельщала, особенно сегодня. Как могла, Валя отговорила.

Линка, кажется, обиделась. Буквально на днях она уезжала с родителями в Израиль на ПМЖ, откуда и собиралась вернуться к свадьбе на пару деньков. Валя понимала, что им надо пообщаться перед отъездом, и девушки пришли к соглашению, что костюм сестрица выберет сама, а Валя завтра придет к ней ночевать и заценит наряд. Кроме того, у нее к Валентине «важное дело, нужна помощь, кроме тебя, некому», так что придется ехать...

Валя посмотрела на часы. Значит, в половине седьмого...

***

— Я верю в Бога. Я христианин, — он сказал эти слова, которые она на протяжении всей своей жизни боялась кому-либо сказать вслух, в первую же их встречу. Так спокойно, искренне и открыто, что она даже остановилась. Что сказать? «Я тоже»?

— Но, знаешь, это совершенно не значит, что я такой замечательный. Одному человеку, чтобы быть хорошим, не надо прилагать никаких усилий, другому — надо приложить все силы, чтобы хоть немножко улучшить свою природу, да и со стороны это вряд ли будет заметно. Хотя, думаю, на собственную природу и генетику можно списать

все на свете. Помнишь, как в «Обыкновенном чуде» король говорил? «Да, я такая сволочь, сам знаю, да что поделаешь?»

— Почему ты говоришь мне об этом сейчас, вот так вот сразу?

— Наверно, потому, — он заметно смутился, — что это главное в моей жизни. Просто я хочу, чтоб ты знала.

— Значит, ты рассчитываешь, что я тоже расскажу о себе самое главное? По-моему, ты очень наивен.

— Ну уж какой есть, — улыбнулся он. — Мне важнее другое — ты пришла на встречу.

— Разве так бывает?

— Наверно, только так...

Они сидели в сетевом ресторанчике рядом с метро, и со стороны выглядели стандартной парочкой. Только разговор был совершенно другой, впрочем, Валя уже ничему не удивлялась. Словно произошло то, чего она ждала последние полгода или даже дольше. Праздник или что-то похожее на праздник — просто сидеть, беседовать с интересным тебе человеком и знать, что это время твое и никуда не надо спешить...

— Ты пришел к вере сам, или у тебя верующие родители?

— Наверное, сам, насколько вообще кто-то может придти к Нему сам, без помощи созданных Им обстоятельств и посланных Им людей.

— Но какая-то точка отсчета все равно была?

— Была — после института я где-то полгода пытался устроиться работать в Москве, а потом сорвался.

— Как сорвался?

Миша потянулся за сигаретами, вздохнул:

— В одно мгновение потерял все, что имело смысл. Полная пустота была в душе. Наверное, тебе такое не понять... Давай лучше в другой раз — не хочу о грустном.

Валя помолчала, потом улыбнулась своим мыслям и сказала смущенно:

— Ты не будешь смеяться? У меня был совершенно дурацкий случай в детстве, сестрица двоюродная отравилась чем-то, ей стало нехорошо, все принялись носиться вокруг нее. Мне четыре года было, и ужасно захотелось, чтобы и меня пожалели. И я сотворила первый раз в жизни вот такую молитву: «Боже, если Ты есть, сделай, чтобы меня тоже вырвало». Через пять минут меня стошнило, и меня тоже уложили в кровать. Наверно, это было просто самовнушение. А сейчас думаю, откуда вообще у меня возникла эта мысль — обратиться к Богу? Откуда я о Нем узнала? Если кто-то и упоминал Его, то лишь в каких-то шуточках или даже с издевкой, как мой дядька. Он «Отче наш» постоянно напевал, коверкая.

Валя задумалась. Действительно, почему ей казалось надежным обращаться к Нему по любому поводу, с раннего детства? Она ведь не знала Его. Не знала, кто Он. И сказать-то было некому. Только знала, что Он есть. В начале — как адресат ее жалоб и просьб, когда просить больше некого.

Но постоянно позднее она получала доказательства (конечно же, не такие смешные) и подтверждения своему знанию, которое, впрочем, и не нуждалось в подтверждениях. Посещая иногда церковь и не понимая ничего из происходящего в ней, просто наслаждалась атмосферой и звуками песнопений, ощущением близости к Богу. Настоящее понимание того, во что она верит, пришло позже. На одном из книжных лотков она купила маленькое Евангелие от Матфея — свое первое Евангелие. Она не смогла вместить прочитанное и даже испугалась чувства возмущения, которое невольно охватило ее, когда она осознала, что понятие справедливости у Бога и у нее лично совершенно разные. «Подставь другую щеку» и «люби врагов своих» показалось ей невыполнимым. И, тем не менее, невзирая на внутренний бунт, она понимала, что написанное евангелистом — истина. С этого момента все ее поступки и мысли имели измерение, и даже если она не в состоянии была заставить себя поступать по Евангелию,

она всегда точно знала, как именно она *должна* была поступить. С этим нельзя было ничего сделать, она знала Истину, и не могла ей следовать в полной мере...

Однако многие свои помыслы и поступки она все-таки стала невольно корректировать. И намного чаще, чем раньше, поступать так, как подсказывала совесть, а не желание, лень или злоба. Почти ни с кем и никогда не говорила она о своей вере, вначале боялась показаться смешной и странной, а потом, когда нашлись силы говорить о своих убеждениях, наплевав на реакцию окружающих — потому, что совсем не отвечала собственным же представлениям о том, каким должен быть настоящий христианин, боялась в своем лице нести людям «компромат» на христианство.

Как часто мать в их глупых и пустых ссорах кричала ей: «А еще верующая!» Попытки что-то объяснить родителям относительно христианства провалились сразу, и именно потому, что мать была права. Валю бесил, выводил из себя этот попрек. Но мать была права! Нет, не умела она подставлять другую щеку. А если и получалось, то только после того, как самой себе и другим она доказывала свою силу. Но не гордыня ли это — подставлять другую щеку, в душе точно зная, что можешь и двинуть в правый глаз? Хотя имеет ли ценность бессилие и постоянное непротивление ударам, если оно происходит от слабости и полного неумения постоять за себя? Не трусость ли это тогда? И кто может дать ответ на все эти вопросы? И возможна ли золотая середина в этих вопросах?

И вот теперь, с почти незнакомым человеком, она чувствовала, что может говорить об этом. Конечно, слова казались или деревянными, или штампованно-высокопарными, так до конца и не выражающими суть того, что ты думаешь, чувствуешь и во что веришь. Но сам факт того, что она может обсуждать это, было для нее чудом...

***

«Ты не будешь смеяться?» Он мысленно улыбнулся, чтобы не спугнуть установившееся доверие. Как можно смеяться над тобой, как бы ты ни пришла к Богу? Пусть смешно или глупо, это неважно. Главное, чтобы ты никогда не пережила того ужаса перед следующим мигом... когда внезапно нечем дышать, или безумно хочется открыть окно на третьем этаже и полететь... Только в рай этой дорогой улететь нельзя.

Но сейчас не хотелось думать про прошлое, уж больно хорошо было в настоящем. Михаил не понимал до конца, что происходит с ним. Словно и надо-то было всего лишь оказаться в кафе и начать общаться. Волна совместного душевного порыва увлекла их, понесла за собой. Вот только куда?

Глаза девушки казались ему то иронично-зелеными, то задумчиво-серыми, а иногда темнели и становились почти что карими... Точный их цвет он так и не смог определить, а может быть, он просто зависел от слов и настроения (его или ее?). Иногда Миша терял нить разговора, ловя себя на старом и любимом ощущении, с которым всегда было связано что-то редкое и чудесное в его жизни: палуба парусного корабля, и они вдвоем, помимо вахтенных офицера и матросов. Брызги от волн в лицо, и где-то там вдали, на горизонте темнеет полоска берега... «Другое место», — снова вспомнился Пристли. Надо только не ошибиться, не торопиться, не нарушить чего-то... В этот раз он даже не сразу заставил себя стряхнуть с себя детские романтические образы и ехидно посмотреть на себя со стороны.

— Разве так бывает?

— Наверно, только так...

***

— Что, Руслан уже вернулся? — спросила мама, когда Валя вошла в прихожую.

— Нн-ет, — немного удивленно ответила она.

— А-а, звонил, наверно. Кушать будешь? — мама ушла на кухню.

Разувшись и сняв плащ, девушка скрылась в своей комнате. Что-то произошло? Вином от нее пахнуть не должно. Вдруг она поняла и одновременно испугалась: мама увидела ее радостной.

«Ну и что?» — сказала себе Валя. — Появился этот Михаил, но ведь хода событий он не изменит. Через неделю вернется Руслан, и все опять пойдет своим чередом».

«Именно этого-то и не хочется — чтобы все шло своим чередом».

«Опомнись, ты знаешь этого Михаила буквально несколько часов, в общей сумме и дня не наберется. Парень — не москвич, чем живет, неизвестно. Что ты вообще знаешь о его образе жизни? Да, такой человек хорош для общения, но в семейной или обычной жизни — увы, это не то, не то... Да и трудно представить, что скажет мама, услышав про Старо-Мещанск вместо Руслановой однокомнатной квартиры. К тому же, еще неизвестно, предложит ли он тебе выйти за него замуж».

«Ну и почему сразу замуж? Нельзя же все сводить к замужеству».

«А ты нашла для себя новую форму отношений? Дружба? Или внебрачный секс? И, кстати, что ты скажешь маме, особенно если позвонит Руслан?»

«Придумаю что-нибудь».

***

«Интересный вечер получился», — думал он по дороге домой. Было что-то необычное во всем этом... практически телепатическом разговоре в метро, затем встрече в конторе. Только вот — для чего, к чему это все?

Зазвонил мобильник, прерывая мысли — как всегда, не вовремя. И сразу головная боль, напоминающая о прошлом. Это была Вероника Соколова, или Ника, «девочка в стиле рок», старая знакомая по ряду концертов, недавно перебравшаяся в Москву, что-то среднее между толкиенисткой и хиппи. Человек очень тяжелый, талантливый, известный своими скандалами на всю старо-мещанскую богему, но при этом достаточно нежно воспринимающий Михаила.

— Миш, мне тут предлагают альбом записать. Подъедешь, поможешь песни отобрать?

— Ник, вообще-то мне завтра на работу. Ночь почти. Ты что, свои песни уже не можешь отобрать сама?

— Мне нужен взгляд со стороны. Мы ж с тобой не так часто и видимся. На Таганке когда сможешь быть?

Воронич задумался, слегка приостановился. Ехать куда-либо на ночь глядя не очень-то и хотелось, тем более на встречу с человеком из прошлого, из «Старо-Мещанского пасьянса», как он привык называть год своей болезни. Но отказать Нике...

— Минут через сорок подъеду, давай у театра встретимся.

В отличие от обычных тусовок эта встреча оказалась вполне рабочей — никаких посиделок с московскими гитаристами, только порядка двух часов прослушивали и отбирали песни. Наконец, костяк альбома был сделан, и можно было спокойно ехать к себе домой.

— С тобой все в порядке? — уточнила она.

— Не переживай, — улыбнулся. — Извини, я поеду.

*Мой дом — поезд, моя квартира — купе,
Где пьют на троих, а я вроде лишний.
Мы едем одни, каждый — сам по себе,
О наших путях знает только Всевышний..*

Интересно все-таки, почему тогда он не нашел другой рифмы? Можно было бы «И от шума колес сам себя не услышишь».

Вспомнилось вот. Интересно, отчего и к чему он назвался христианином? Точнее, что этим хотел ей сказать? «Мы с тобой одной крови», — известный с детства клич-приветствие. А тут — «мы с тобой одной веры», не иначе. «Мы с тобой одной боли — желающие жить по Закону и Духу, а идущие ежедневно на компромисс с миром. Извини, что не так сказал при встрече. А сейчас понял, как надо было лучше сказать. Надеюсь, ты меня слышишь».

***

Вечер у Линки выдался сумбурным. Она жила отдельно от родителей, и была женщиной самостоятельной во всем. Даже теперь, уезжая вместе с семьей, отправлялась к своему молодому человеку, который эмигрировал уже несколько лет назад. Квартиру тоже продавала сама, шмотки собирала сама, и сейчас пыталась всучить Валентине все вышедшие из моды наряды, которые, по ее собственному признанию «ну так жалко выбрасывать». Валю это ничуть не обижало, она хорошо знала Линку и не обращала никакого внимания на ее взбалмошность в сочетании с уверенностью, что весь мир крутится вокруг нее.

Она твердо и беспрекословно отказалась от шмоток и по десятому разу выслушала историю с шубой. Сестра так хотела презентовать Вале свою практически новую норку, которая «в Израиле ей не пригодится». К сожалению, шубу сперли у нее на стадии сборов. Да так интересно: открыли квартиру ключом, вытащили шубу из большого чемодана вещей «не с собой», прихватили пару забытых на столике колечек и все. Расчет на то, что за несколько дней до отъезда никто не будет бегать по милициям, оказался верным. Настроения это происшествие, само собой, перед отъездом не прибавило.

Валя и слушала, и не слушала, глядя на нее со снисходительной нежностью. Линка была отзывчивой и доброй, и, если надо, прибежала бы на помощь в любой час дня и ночи. Валю она любила всегда, считая своей младшей сестренкой. «И как я без нее буду...»

Тут Линку переключило со шмоток, и она начала рассказывать подробности своих сборов.

— Ладно, остановись, что там у тебя за дело, говори сразу, потому что у меня уже голова от тебя кружится.

— А платье-то, платье, ты обещала посмотреть. Я же хотела костюм, все перемерила, уже уходить собиралась, тут смотрю, висит в углу, но вдруг...

Валя решительно прервала длительную историю покупки платья вместо костюма.

— Посмотрю обязательно. Давай про дело.

— А, ну да. Ты же знаешь, квартира продана, завтра я уже должна отдать ключи. Ключи-то я сама отдам, а с деньгами не знаю, как и быть...

— С какими еще деньгами? Ты не получила еще денег за квартиру?

— Нет, я все получила давно. С теми деньгами, которые я должна посреднику. Ну, ты же знаешь, нам помогал Оскар Андрианович, он частный риэлтор, можно сказать, наш семейный, он и Чернявскому с бывшей маминой работы полгода назад помог квартиру продать, и отцовскому брату еще давно, в общем, надежный человек. Я должна ему за услуги пять тысяч баксов, он продал обе квартиры, ты знаешь, а он, как назло, уехал на две недели в отпуск, только в воскресенье поздно вернется. А меня тут уже тью-тью.

— Что же это он денег-то не дождался?

— Ой, да разве для него это деньги?

— Ну и отдашь летом.

— Нет, я не могу так. Надо уезжать с чистыми руками. В общем, Валечка, миленькая, передай ему в понедельник, ты же его знаешь, он был у матери на дне рождения, ну помнишь ведь, да?

— Вроде помню. Но деньги передавать... такие большие...
— Ва-а-ля, ну что тут такого? Я ему уже позвонила перед его отпуском и сказала, что оставлю тебе. Дала твой телефон.
— Ну, спасибо тебе. Может, для начала спросила бы у меня?
— Я знала, что ты мне не откажешь... — сестра смотрела умоляюще.
Вале это было не по нутру. Деньги немаленькие, да и вообще... как-то неприятно.
— Оставь маме... — Валя сделала трусливую попытку переложить все на мать.
— Твоей? — ужаснулась Лина. — Да ты что? Ты забыла, что она с нами чуть не поругалась из-за того, что мы наняли частного риэлтора. «Обратитесь в агентство...» Как будто в агентствах мошенников нет! А этот человек свой, проверенный. Ты же ее лучше меня знаешь, всю плешь переест. Валюш, ну некому, кроме тебя. Ведь ты же никогда-никогда мне в помощи не отказывала... Что же мне теперь делать, менять билеты, что ли? Сенечка будет встречать меня... — на глазах у Линки показались слезы.
— Линочка, пойми, я вообще денег боюсь. А вдруг я их потеряю?
— Я все продумала, мы положим их завтра утром в банковскую ячейку, ты будешь носить только ключ, в случае чего, данные оставим твои, и без ключа возьмешь. Я дам тебе телефон Оскара Андриановича, ты позвонишь и договоришься, чтоб он приехал прямо к банку. Так что в руках ты их держать будешь всего несколько минут. Я бы сразу на него ячейку оформила, да паспортные данные нужны.
Поводов для отказа не было, и Валя, скрепя сердце, согласилась. Даже сейчас она восхитилась Линкиным организационным талантом. Все возможные «но» были отмечены заранее четко продуманным планом.
— Ну, хорошо, — вздохнула она. — Давай, показывай платье, а то я очень устала. Как спать-то будем? У тебя уже все собрано.
— Я постелила в гостиной, а белье заберешь с собой, оно новое, дорогое, будет тебе подарок. Не оставлять же здесь... А у меня все упаковано уже. Самолет в пятницу, рано утром. Эх, шубу жалко... Вот сволочи, а?

Глава 4

«...Стоит ли ставить такой светильник на всеобщее обозрение, если он коптит все вокруг себя?» (из переписки)

*Святая, тихая обитель,
Ты даже среди тиши лесной
Как будто тайное открытие,
Как остров жизни неземной.*

*Ничтожность собственная сразу
Ясна, как взгляд со стороны,
Смешны свои шаги и фразы,
Ужимки, принципы и сны.*

*Но благодати не мешает
Все глубже проникать вовнутрь.
Лишь торопливость не нужна здесь,
Все может суета спугнуть.*

Но что здесь есть — стена, стронья,

*Откуда эта благодать?
И через пару дней, наверно,
Все будет трудно осознать.*

*Святая, тихая обитель,
Останься в сердце у меня,
Я не турист, не гид, не зритель,
Но трепетная гость твоя.*

Они возвращались домой, то ли нечаянно, то ли нарочно отстав от группы. Чудесный осенний день, проведенный в духовном заповеднике с человеком, близким по мировоззрению, расположил Валю к новому, неведомому настроению. Они не виделись с того раза, хотя и созванивались каждый день на работе, и подолгу, насколько это было возможно, говорили в обеденный перерыв, когда бухгалтерских теток как ветром сдувало, стараясь не обращать внимание на чьи-то параллельные разговоры. Вероятно, все дело было в качестве связи у него на работе.

Михаил несколько раз предлагал увидеться, но Валя всякий раз мягко отказывалась, но давала понять, что не хочет лишиться перспективы дальнейшего общения. Это была слабая попытка компромисса и с совестью, напоминавшей об уехавшем женихе, и с рассудком, внушающем ей, что встречи с Михаилом совершенно бесперспективны. Однако когда Миша предложил поехать в Новый Иерусалим, тут же согласилась, уговаривая саму себя, что это не только совершенно невинно, но еще и полезно, ведь она всю неделю собиралась пойти в храм.

Михаил чувствовал, что Валю что-то тревожит, но сейчас ему меньше всего хотелось просчитывать настроение девушки — на душе было очень даже хорошо. Атмосфера монастыря проникала в душу, и сейчас надо было именно расслабиться, поддаться этому состоянию. Словно окунувшись в источник, вышел из него и теперь надо идти, удерживая на себе его живую влагу...

— Как хорошо ты сказал тогда: я верю в Бога. А быть верующим - это что значит? Вот я — все понимаю правильно. А живу... Не по заповедям, в общем, — задумчиво произнесла Валентина, глядя на сверкающие золотом купола, которые были видны даже с пригородной платформы. — А как же «будьте святы, ибо Я свят»? Я вообще не знаю, что могу реально предъявить... Как не идти на поводу у окружающих, моды, желания успеха?

— Валь, понимаешь, мы с тобой сейчас ничего нового не откроем. Когда обращаешься к Богу, сначала кажется, что приближаешься к святости, и только потом вдруг осознаешь, что все прежнее прилипает к тебе с той же скоростью. И начинаешь винить окружающий мир, людей, которые тебя провоцируют, заводят, обижают. Наступаешь в ответ на ногу... Наверно, единственная мерка для нас — Божья любовь. Только через нее мы можем все. Помнишь, "возьмите иго мое на себя, ибо иго мое легко, и иго мое благо" — так, кажется? Или как Августин говорил: "Люби, и поступай, как хочешь".

— Хорошо, оставим в покое грехи. Предположим даже, что их у нас не было бы. А все равно, можно ли называть себя христианином, если при этом ничего и не делаешь? Как там поется: «я добрый, но добра не сделал никому»*.

Миша посмотрел на часы. Электричка через десять минут. Они стояли на подмосковной платформе, дышали чудесным октябрьским воздухом, свежим и прозрачным. Валя, похоже, думала, что, вот сейчас они найдут ответы на все вопросы, надо только поскорей задать их друг другу, и даже не замечала, что, говоря о каких-то книгах или намечая темы, она уже подразумевает, что Миша читал эти книги и обдумывал эти темы. Ну да, и читал, и думал.

---

*песня группы «Воскресенье»

Удивительно, всегда удивительно то, что человек почти тридцать лет существует вне тебя, и так близок по своим мыслям! Даже разговор между ними больше похож на монолог, спор с самим собой. Этот день сблизил их так, что даже не хочется расставаться. Но надо проводить девушку и спешить на другую электричку — домой...

Когда уже дома Валя вспоминала прошедший день, это открытие поразило и ее. В ее жизни ни разу еще не было такого человека, с кем она могла говорить вот так — обо всем. Конечно, самое глубокое и личное все равно остается только между человеком и Творцом. Миша молодец, в монастыре его присутствие было ненавязчиво, и она чувствовала себя естественно, когда подходила к иконам. Он просто отходил в сторонку и не мешал. А на заданный ею вопрос ответил так:

— Наверное, каждое мгновение жизни и ставит перед нами проблему выбора. Мы живем и выбираем каждую секунду, иногда не задумываясь, а иногда мучительно решая, как правильно...

Как это верно, подумала Валя. А как правильно поступить мне сейчас, ведь скоро вернется Руслан? А что тут гадать? Надо сказать обо всем Михаилу. Тогда все и решится.

«Скоро я все ему расскажу», — решила она, уже засыпая, вспоминая Мишино обещание позвонить в понедельник в конце рабочего дня.

***

В голове звучало танго. Ровное, размеренное. Михаил никогда не занимался танцами всерьез, если не брать в расчет первый семестр третьего курса — ровно до сессии. Потом возвращаться было лень. А вот сейчас играл именно ритм танго, оттого и идти хотелось, немного пританцовывая.

Стоп. Танец — он и она. Декорации — непременно осенняя аллея. Или не декорации, а съемки в такой аллее — но это пока из области фантастики. Нет, если осенняя аллея, тогда лучше не под танго, а что-то другое, в духе «L'ete Indienne». Или Морриконовского «Chi Mai»? Надо продумать музыку, надо продумать...

Осенний ветер растревожил душу —
ей хочется дороги и любви.
И тишины, чтоб шелест листьев слушать.
Чтоб миг — как жизнь:
Иди,
дыши,
живи.

И кстати — кто идет? Откуда и куда они идут? Что связывает этих молодых людей? Девушка — невысокая шатенка с задумчивым взглядом, непременно в синем или темно-голубом платье, похожем на бальное, этаким романтический образ... Та-ак, значит — романтический образ? Невысокая шатенка с задумчивым взором?

Ну да, всего час назад расстались. Причем именно романтична в классическом понимании этого слова — там, в монастыре, когда подходила к иконам, даже неловкость брала. Чувствовал только, что у него настолько искренне не получится. Хотя здесь со своими мерками нельзя: у каждого свой путь к Богу, через свои сомнения, страдания, обретение и потерю иллюзий.

Его путь начался не так естественно, как у этой одухотворенной, но такой домашней девушки, прошлое которой так чисто и просто. А у него в прошлом — белые стены убогого здания, тоскливые елки и забор... Нет, сейчас вспоминать не хочется. Не надо портить себе настроение.

Но для чего произошла эта их встреча, такая чересчур литературная? Сначала — метро, потом — контора, теперь так все совпало, что им удалось целый день вместе провести... Да еще в монастыре, где им обоим действительно надо было оказаться. Интересный сюжет...

В приподнятом настроении он и вошел в квартиру, только сейчас обратив внимание на время: четыре с лишним часа в дороге (два — от Москвы до монастыря и обратно, остальные в электричке до Старо-Мещанска), не говоря о времени в монастыре, должны были порядком измотать его. Однако чувствовал он себя на удивление бодро. Отец поприветствовал сына, уточнив:

— Молодой человек, вы сегодня, похоже, навеселе?

— Обижаете, барин, — в тон ему среагировал, — я в паломничество ездил.

— Хорошо поездка прошла? — из кухни уточнила мама.

— Да, все хорошо.

— А с кем ездил?

— Мам, ты ее все равно пока не знаешь.

— Ну, надеюсь, все-таки пока?

— Там будет видно.

— Видно, не видно, а возраст уже соответствующий. У тебя сколько подруг-то?

— Ну, положим, самих подруг — раз-два и обчелся. Есть еще коллеги по творчеству.

Есть бывшие и нынешние коллеги по работе. Наконец, просто знакомые.

— На этот раз-то кто была? Коллега или знакомая?

Кто... Кто бы ответил...

— Ладно, давай, переодевайся и иди есть. Опять твой мобильный из куртки надывается ... Да сиди, сейчас принесу. Небось, твой Саша неугомонный.

Это действительно звонил Мудродуров.

— Ну, как, хорошо погулял?

— Даже более чем. У тебя-то почему не получилось?

— А, потом расскажу. Тут такие дела, можно сказать, проводил кастинг. И знаешь, интересное занятие. Ты много потерял. Кстати, ты в курсе, что Ира снова в городе?

— Вернулась?

— Так вот и я о том же. Ну что, в восемь у «Цезаря»?

— Саш, я и так весь день на ногах провел.

— Смотри, конечно... Только Ирке позвони сам, а то исчезнет, ищи потом. Она же у нас дама с характером.

Михаил прикрыл глаза, мысленно оценивая свое состояние — все-таки два с половиной часа в электричке можно записать в счет сна. Да и Иришка, «сестра», как ее привыкли уже все называть...

— Ладненько, сейчас я с ней созвонюсь, и обговорим. Ты пока дома?

— Ну да. До связи.

— Не успел приехать, уже опять исчезаешь? — заметила мать. — Ты сначала хоть пообедай.

— Пообедаю, мамуль, конечно...

Глава 5

День рождения Жанночки, хотя начальство и разрешило начать праздновать юбилей пораньше — сорок пять, как никак, — затянулся. И угораздило этому дню рождения прийти на понедельник. Миша хорошо знал, что увлекаться ему не надо, тем более, что головная боль, хоть и не сильно, но давала сегодня о себе знать. Но в какой-то момент контроль был все-таки потерян, поэтому, уже выходя из конторы, он почувствовал себя неважно, и решил на метро не ехать, а поймать такси или попутку, тем более что

бдительная милиция, без сомнений, не дремала у входа в подземку. Конечно же, сегодня не могло быть и речи ни о каких свиданиях — он скорее бы дал оторвать себе руку, чем предстал перед Валею в таком виде.

Было еще светло, однако, кажется, ни одна собака не хотела сегодня видеть его в своем лимузине. Рука уже начинала действительно отваливаться, когда — о чудо! — рядом притормозила выдавшие виды «Волга». Сидящий за рулем парень был примерно его возраста, насколько можно было разглядеть в темноте салона. Обрадовавшись, что так быстро сошлись в цене и направлении «полета», Миша залез вперед. «Волга» тронулась. Парень явно был не прочь поболтать, но его речь показалась Михаилу какой-то странной. «Уж не подшофе ли он?» — Миша не чувствовал запаха спиртного, так как и сам источал соответствующий аромат.

— Извините, а вы случайно не выпили сегодня? — решился он все-таки уточнить.

— Да, есть такой грех, — ответил парень, лихо крутя баранку.

— И как, в состоянии контролировать ситуацию?

— Да ты не бойся, доедем! У меня вчера дочка родилась, а в такой день ничего со мной случиться не может, верно? У тебя есть дети?

— Не завел. Ты хотя бы потише на поворотах-то... — взмолился Михаил после очередного виража.

— Слушай, я не первый год за рулем. И в таком состоянии тоже.

— Ты этим хвастаешь, что ли? У тебя жена, вот дочка родилась, с какого перепуга водку-то кушаешь?

— Да ты и сам сегодня малость поддал, разве нет?

Машина с ревом свернула в переулок, и Миша решил, что выйти будет безопасней, чем читать парню мораль.

— Ладно, останови, я лучше пешком.

— Да не дрейфь... Суждено быть повешенному — не утонешь.

— Жену не жалко? Эгоист чертов!

— Слышь, дядь, а ты часом не из семинарии? Ладно, не обижайся. Вот ты сидишь, смотришь на меня, презираешь, да? Думаешь, примитивный водила, водку жрет... Я, может быть, не меньше тебя книжек прочитал. Только нет в них, в книжках-то, никакого ответа, как жить...

«Ну, все, — подумал Михаил, — сейчас товарищ начнет излагать свои взгляды на жизнь, и начнется один из бессмысленных пьяных разговоров про ее смысл жизни и про то, что его нет».

— Захочешь — найдешь ответы. Для меня все ответы — в одной книжке. Точнее, книге.

— Ага, думаешь дурной, не пойму твоих загадок? Нет ничего в Библии твоей о том, что мне — вот мне конкретно, Паше Симонову, помогло бы сегодня.

— Думаю, что есть. Езжай, блин, потише, сказал тебе...

— Ну, про веру давай не будем, — Паша Симонов не обращал на его слова никакого внимания. — У меня своя истина, я её выстрадал. Я, между прочим, Афган прошел, и многое повидал, кто может учить меня тому, во что верить?

— Таких выстраданных истин до фига и больше, а настоящая только одна. Чем она отличается от наших — узнаем потом. Только не сегодня, я надеюсь...

Надежды было мало, они только что едва разминулись с маршруткой.

— А почему я не могу оказаться правым? Если уж и быть верующим, то для чего мне ваша церковь? Вера должна быть в душе, — Павел махнул рукой.

У Миши раскалывалась голова, он нервничал, совершенно не имея настроения что-то доказывать. Чисто автоматически, через силу он произнес:

— Церковь создана Христом. В ней есть то, чего нет у нас дома. Таинства. И потом — плохо быть пастырем самому себе. Ты вон уже себя не туда завел.

— Ну да, ты сейчас меня прям просветил! Да нет, я может, согласен, церковь дисциплинирует слабых людей. Но я-то — сильный. Больше, чем ты можешь себе представить. Поэтому я могу идти своей дорогой. И потом не известно ещё, не впала ли церковь в заблуждение. Ты глянь на иных попов — сраму не оберешься.

Миша вздохнул.

— Гордыня у тебя. Безмерная и глупая. Мы все слабые, все рабы своего греха. Мне, может, тоже многое не нравится. Но от грехов некоторых священнослужителей Таинства, данные Христом, своего значения не теряют.

— Ну ладно, красиво говорить хорошо. А вот ты можешь взять, выслушать незнакомого человека, да и помочь ему — помнишь, как самарянин, а? Вы все, верующие, такие. Проповедь прочтете — и вперед, в теплую квартирку. А на деле никто из вас по вашим же законам не живет. Там что сказано — отдай последнюю рубашку, помоги ближнему. А, слабо тебе?

Вот это номер! Только позавчера, в субботу, разговаривали на эти темы с Валею. И вдруг из уст шофера, случайного человека, получить такой же упрек. Что с ним вообще происходит? Где следующий разговор будет?

Миша вздохнул.

— Расскажи, что у тебя случилось, там посмотрим. Только скорость убавь, а то я и так ничего не обещаю.

Он решил перестать следить за дорогой — видимо, Бог сейчас действительно распоряжается его судьбой сам.

Из бессвязного и периодически сворачивающего на ответственные темы рассказа парня, который решил начать свою биографию из далекого детства, в конце концов вырисовывалась одна основная проблема, или, скорее, основное следствие духовной пустоты и мании величия: алкоголизм. Написано это было красным курсивом по всей биографии, однако оставалось совершенно незаметным для самого Паши. Люди кругом оказывались сплошь непонимающие и злые. Сначала родители, посмеявшиеся что-то требовать от него, вместо того, чтобы вырастить и отвязаться, потом друзья, которые его предавали на каждом шагу, потом любимая женщина, которая не хочет понимать, что человеку плохо, что он ищет чего-то в жизни.

Оказалось, в начале перестройки Павлу даже удалось раскрутить небольшой бизнес с бывшими сослуживцами по Афгану, который рухнул, по его словам, из-за происков партнеров. Воронич подумал, что, скорее всего, партнеры просто сами постарались избавиться от пьющего товарища. Не трудно догадаться, что новые проблемы были залиты новыми порциями спиртного. Затем на какое-то время Павел взялся за ум, устроился на работу в автосервис, благо руки золотые, пару лет не пил, познакомился с будущей женой, прожил с ней около года. Но и с ней в итоге вышло полное непонимание. На настоящий момент, несмотря на рождение ребенка, отношения на грани разрыва. Кажется, жена поставила условие: чтобы к ее возвращению из роддома его и его вещей дома не было. Видишь ли, ее разозлило, что он, вместо того, чтобы купить все необходимое для выписки, потратил деньги на то, чтобы отметить рождение дочки с друзьями. Не понимает, что пили-то за ее здоровье!

Чем больше Миша слушал, тем больше понимал, что никакого желания помочь парню, который даже не способен понять, в чем его проблемы, да и просто запутался в себе основательно, не испытывает. Услужливая совесть даже готовое оправдание подкинула: уйма времени уйдет, да и не по силам ему вытащить из болота другого... самому бы не увязнуть. Однако обещание было в некотором роде дано. Поэтому Михаил решительно прервал Пашины излияния, тем более, они уже подъезжали.

— Послушай... Я обычный человек, и проблем, и грехов у меня не меньше. В свое время мне повезло, мне очень помогли. Но без твоего желания не получится. Единственное, что я могу, это отвезти тебя к одному человеку. Он действительно священник (да подожди ты, не ёрничай), у нас в маленькой церквушке служит. Раньше

был врачом-наркологом, в психиатрии тоже специалист. А потом понял: надо лечить не последствия, а причину — то есть именно душу. Окончил семинарию, стал священником, но и врачом тоже остался. Если хочешь, я договорюсь насчет тебя. Вот здесь останови, за углом. И еще. Перестань во всем винить судьбу и окружающих, посмотри на себя со стороны хоть раз. Больше ничего предложить не могу.

— Думаешь, я псих или алкоголик? — Паша резко затормозил у подъезда, — я хоть завтра перестану, если захочу.

— Можешь не рассказывать, слышали. Ты сейчас снова на грани потерять все — семью, нормальную работу. Не хочешь, как хочешь, уговаривать не буду, вроде взрослый, сам отец уже. Ладно, вот телефон. Решишь — звони.

Миша написал на обрывке бумажки свой рабочий и мобильный телефоны. Павел взял бумажку, сунул в карман. Помолчал, что-то обдумывая, потом, кряхтя, сказал:

— Ты тоже мой телефон запиши, а то вдруг я твой потеряю, — вид у него теперь был растерянный.

Мише стало его жаль... видел он таких. Способный ведь парень, должно быть...

— Хорошо. Давай договоримся — завтра вечером я тебе отзвонюсь. Только протрезвись, поезжай с утра к жене. Возьми еще... — Миша достал из кармана какие-то деньги. — Не возражай, отдашь потом. Купи, что она просила для ребенка. Не пропей, смотри.

— Обижаешь... Что я, совсем скотина, что ли? У меня тоже понятия имеются.

Миша вздохнул и вылез из машины. И правда, скорей бы «в тепленькую квартирку», что-то сегодня совсем голова нехорошая. Другого учить замечательно получается... Он глянул на часы: сейчас мать начнет звонить по межгороду, видишь ли, по мобильному слишком дорого. Надо бы позвонить самому, но она сразу поймет, что он сегодня выпил.

И действительно, не успел он закрыть за собой дверь, как услышал разрывающийся звонок телефона. Бросился к городскому, но потом сообразил, что трезвонит его мобильник. Кому он еще понадобился сегодня? Дайте же человеку отдохнуть...

Глава 6

Завтра ничего рассказать и обсудить с Мишей не удалось. Завтра оказалось непредсказуемым (впрочем, как и каждое наше завтра). Утром Валя отпросилась до обеда, чтобы доделать Линкины дела. Накануне она созвонилась с Оскаром Андриановичем, и они договорились встретиться возле банка в девять утра. Приехала заблаговременно и торчала теперь снаружи, предусмотрительно решив не доставать из ячейки деньги, пока не подойдет риэлтор.

Бабье лето закончилось, шел мелкий противный осенний дождик, и Валя уже начала зябнуть, когда подъехала красная новенькая иномарка, из которой вышел вальяжный солидный мужчина. Она узнала его, он ее тоже.

— Здравствуйте, я Валентина.

— Да, да, здравствуйте, милая.

— Деньги в ячейке, пойдете, получим вместе, чтобы я не ходила с ними по улице.

— Конечно, конечно, не волнуйтесь.

Они отправились в банк, все складывалось очень удачно. Из ячейки Валя достала положенный Линкой пакет, протянула риэлтору. Пакет Лина заклеила аккуратно. Оскар небрежно засунул пакет в карман пиджака.

— Ну, милая, вас подвезти?

— Нет, спасибо, — Валя облегченно и радостно улыбнулась. — Мне здесь недалеко до работы.

Уже сидя на привычном рабочем месте, она улыбнулась еще раз. Прямо груз спал с ее плеч. Правда, что-то слегка беспокоило. Но что? И только вечером, влезая в вагон

метро, Валя вспомнила, что Линка велела пакет вскрыть и деньги пересчитать вместе с этим Оскаром. Да ну, в самом деле, что их пересчитывать, Линка ведь знала, сколько кладет. Глупости, даже неудобно представить, как она заставила бы этого делового и серьезного человека пересчитывать деньги. Да и где? Прямо возле ячеек? У него в машине? Все, успокойся и забудь.

Валя ждала Мишиного звонка, но он не звонил. Она несколько раз порывалась позвонить сама, но решила, что это неуместно. Расстроенная, она потащилась домой, гадая по дороге, что случилось.

Не успела она прийти с работы и умыться, как раздался телефонный звонок — однако звонил не Михаил. Она несколько секунд смотрела на незнакомый номер, уже почти догадавшись. Сердце ее заколотилось, и, когда она услышала мягкий и низкий голос риэлтора, то даже не удивилась.

— Что-то не так, Оскар Андрианович?

— Валенька, в пакетике было только две тысячи. А где же остальные, Лина ведь обещала мне пять...

— Как две? Лина сказала, что положила пять, — руки у Вали затряслись, голос задрожал. Ей казалось, что она в страшном сне.

— Девочка моя, я умею считать. Если Лина положила пять, то куда же делись остальные? Вы поймите, раз договорились на пять, то надо отдать...

— Да нет, там все должно было быть. Я позвоню Лине в Израиль, спрошу, может быть, она ошиблась...

— Так вы не видели, сколько она положила? Как беспечно с вашей стороны! Завтра, в крайнем случае, послезавтра, недостающие деньги должны быть у меня. Вы не хотите неприятностей, я не хочу неприятностей. Мы же с вами люди серьезные...

Это не беспечно, думала Валя, бессильно сидя перед телефоном, это, это... Собственная глупость, возмущение самой собой, ощущение жуткой переделки — все нахлынуло на нее.

Она подняла трубку, набрала межгород. Слава Богу, в Израиль удалось дозвониться с третьего раза.

— Лина, сколько денег было в пакете?

— Пять штук, почему ты спрашиваешь, что-то случилось?

— Оскар Андрианович говорит, что там только две...

— Что значит — говорит? Вы посчитали?

— Нет, я, идиотка, отдала ему запечатанный тобой пакет.

— И правда — идиотка! И он говорит теперь, что там две? Но этого не может быть! Алле! Алле! Валя — он проверенный человек...

Валя опустила трубку на рычаги. Что делать, она не знала. Достать деньги. Где она достанет такие деньги? До зарплаты далеко, да это и третьей части не наскребешь. Родителям говорить нельзя, у них тоже лишнего нет, плюс объяснения... Что-то продать?

Ей казалось, что она смотрит плохой фильм со стандартной историей, которую знает наизусть. И как поступают глупые жертвы в таких фильмах?

Позвонить Руслану в Питер? Он ей звонил оттуда через день, правда, последний раз, когда он звонил, ее не было дома. Руслан с отцом занимались оформлением машины. Может быть, он поможет с деньгами? Однако позвонить Руслану она не могла. Это трудно объяснить, но... Чувство вины, а кроме того — ощущение, что он не поймет, как она попала в столь дикую ситуацию.

Валя снова потянулась к телефону.

— Миша, здравствуй, — она уже не помнила свое удивление и легкую обиду, что он так и не позвонил ей сегодня.

— Здравствуй, — обрадовался немного усталый голос в трубке. — Подожди секунду, я только вошел, запру дверь.

Валя молчала, едва сдерживая подступившие слезы.

— Валя, — позвал голос. — Ты что молчишь, что с тобой?

— Мы не могли бы увидеться, — Валя не смогла сдержаться, и слезы потекли по щекам.

— Что у тебя случилось? — голос встревожился.

— Пожалуйста, помоги мне. Мне нужно три тысячи долларов. Я отдам, за несколько зарплат отдам...

Боже, как это все напоминает дешевый сериал. Нет, это не с ней, это происходит с кем-то другим, более глупым и наивным...

— Знаешь что, давай встретимся, и ты все для начала расскажешь, — твердо сказал Михаил. — Не боишься ехать, уже темно все-таки? Минут за сорок доедешь? Тогда хорошо, давай в девять на Третьяковке, в центре зала.

Миша положил трубку, провел ладонью по лбу. Так, надо срочно привести себя в человеческое состояние. Еще не хватало, чтобы Валя увидела, что он «подшофе». Правда, алкоголь давно уже выветрился. Все-таки одно он сделал правильно: не мешал вино ни с чем другим. Вот только голова... Так, ладно, как там учил отец Владимир, Владимир Яковлевич, лучший друг семьи и священник церкви Успения в Старо-Мещанске? Значит, принимаем меры. Но сначала — контрастный душ, затем чашка зеленого чая...

***

Пока Валя в метро сумбурно, еле сдерживая слезы, объясняла суть дела, Миша лихорадочно соображал. С кем посоветоваться? Он вспомнил пару зацепок, еще из прошлой, Старо-Мещанской биографии, но надо было дозваниваться и искать нужных людей. Его театральная гвардия в этом вопросе помочь не сумеет.

Он прервал девушку.

— Валюш, денег набрать можно, только не за ночь. Но мне это совсем не нравится. Не спеши пока, я попробую кое-что предпринять... Правда, мне нужны будут подробности. Хочешь, я провожу тебя домой, потом вернусь и займусь этим вопросом... До которого часа тебе можно звонить?

— Да ты что, я при родителях не смогу говорить. Да и заметят они сразу, я не смогу притвориться. Хорошо, что ушла, когда их не было.

— Тогда такое предложение. Поехали сейчас ко мне, будем разруливать по обстоятельствам, от меня и позвоним кое-куда.

— Уже поздно. Как я буду возвращаться?

— Поймаю такси и отвезу. Хотя... родители будут волноваться, если поздно вернешься? Может, скажешь, что ночуешь у подруги, или что там говорят в таких случаях родителям, и останешься у меня? А я лягу на кухне. Меня можешь не бояться, я не маньяк.

— Ну что ты, мне даже и в голову такое не пришло бы, — порозовела она. — Спасибо тебе, только я не буду тебе в тягость? Я бы так и сказала родителям, про подружку то есть, а подружку предупредить можно...

Миша задумчиво смотрел на нее. Валя, ясное дело, боится возвращаться домой со своими мыслями, ей хочется что-нибудь предпринять. А ситуация кажется ей настолько из ряда вон выходящей, что и нестандартные действия, невозможные для нее еще вчера, уже оправданы.

А главное, ей хочется на кого-то положиться. Ему вдруг стало так тепло на душе... девушка доверяет ему. Надеется на него.

А на слова «мне даже и в голову не пришло бы» он решил не обращать внимание. «Прежде всего надо помочь, а остальное — по ходу пьесы. Не расслабляйтесь, маэстро».

Вслух он сказал:

— Тогда поехали, не будем терять время.

Квартиру Михаил снимал в хрущевке, недалеко от метро Перово. Обыкновенная кривая однушка с достаточно стандартным набором: диван, шкаф, пара книжных полок на стене. Кресло, тумбочки (одна бельевая, вторая под дорогим магнитофоном) и журнальный столик с кипой книг оживляли стандартную пустынную уютным и обихожным выглядел только этот уголок у окошка, в котором и происходила Мишина «домашняя жизнь». А когда они вошли, он быстро убрал с кресла привычный ворох одежды, не менее привычно запихнув все это в гардероб, а со столика — пустую бутылку из-под пива и кучу исписанной вручную бумаги.

Уже немного успокоившись, Валя повторила свой рассказ с упущенными подробностями. Маме и подружке она позвонила сразу, причем мама поверила в ее версию моментально и без лишних расспросов. Подружка же, судя по разговору, услышав стандартную просьбу о прикрытии из Валиных уст, несколько раз переспросила, Валя ли ей звонит и правильно ли она ее поняла. Видя, как Валя, раздражаясь и при этом краснея, пытается что-то той втолковать, он мысленно улыбнулся — похоже, девушка впервые ночует в гостях у мужчины.

— Забавный риэлтор, — задумчиво протянул он, забыв даже спросить у девушки, можно ли при ней курить и безбожно дымя сигаретой. Впрочем, ему редко встречались некурящие девушки, так что действовал он уже рефлекторно. — Сестра твоя рекомендовала его как человека надежного?

— Проверенного.

— Замечательно звучит. Его телефон у тебя, разумеется, есть?

— А что ты хочешь сделать? — видимо, уверенный голос Миши вселял в нее надежду.

— Да вот думаю. Значит, давай договоримся сразу — денег мы ему передавать не будем. Пока, во всяком случае. А то опять попросит. Скажет, что фальшивые, или еще что-нибудь придумает. Он как, один с тобой общался, или кто-то еще с ним был?

— К банку подъезжал один.

Михаил нахмурился, потянулся за новой сигаретой. Отхлебнул чай.

— Блин, вот здесь бы не ошибиться. Ладно, будем считать, что и тут он будет один — не захочет, чтобы ты уж слишком испугалась.

— Ты мне объясни, что хочешь сделать.

— Поговорить по душам с человеком, — он снова закурил. — А где он живет, ты не знаешь?

Валя с тревогой смотрела на него.

— Миш, я зря тебя в это ввязала, ничего хорошего не выйдет. Я теперь понимаю, что вообще ничего о нем не знаю. Мало ли с кем он связан, пожалуйста, давай лучше соберем деньги...

Миша невольно подметил это «соберем», и на душе стало просто тепло от ее доверия, от того, что девушка искренне рассчитывает на его помощь. Однако мгновенно сработала самоирония: «Ты прямо супермен... почувствовал себя заступником и героем? А что собираешься делать?» Хорошо, что он никогда не выбрасывал записные книжки. Где-то в тумбочке должен быть синий блокнот от тех времен, когда в записных книжках еще хранятся номера телефонов бывших одноклассников... Ага, вот он.

— Не бойся. Сам-то я мало что могу. Попробую найти кое-кого, если меня еще не забыли... Не думай пока ни о чем, хочешь, послушай музыку.

Миша нервничал и старался, чтобы это было незаметно. Во-первых, он жутко устал сегодня, а расслабиться не предоставлялось никакой возможности. Но даже усталость не могла отвлечь его от мыслей о сложившейся ситуации, когда Валя неожиданно оказалась так близко от него. Хотелось просто обнять и поцеловать девушку. «Вполне естественное, кстати, желание, да и расклад достаточно стандартный», — поймал он себя на мысли. Однако уверенности, что стоит сейчас это делать, не было никакой. Абсолютно ясно, что

Валя впервые оказалась в подобной ситуации. Всё поведение девушки — спокойное и доверчивое, казалось, говорило о том, что подобных мыслей она даже не допускает.

Он ей, наверное, все-таки нравится, и, может, она даже не воспротивится, если он попробует ее обнять. Только что толку себя заводить, а потом думать всю ночь, что она рядом? Видит око, да зуб неймет...

Все, стоп. Он даже поморщился, вспоминая приятный вечерок с учительницей недельной давности. Здесь все по-другому, совсем по-другому.

Человек приехал за помощью, на этом и остановимся.

— А можно, я чайник поставлю?

— Конечно, разберешься сама? Посуда, ложки — все в шкафчике.

Вале, очевидно, хотелось хоть что-то сделать, чтобы отвлечься от неприятных мыслей. Вскоре Миша услышал, что она взялась мыть посуду. А он почувствовал себя свободнее.

— Кухня у меня типично холостяцкая, — усмехнулся он, когда Валя крикнула ему, что можно идти пить чай, — вот спасибо тебе, прибралась.

— Ну, это я очки вправляю, — улыбнулась Валентина. — Я не из тех, у кого все в руках горит. Просто люблю гармонию. И мне приятней пить чай в чистоте.

Неловкость прошла как-то сама собой. Валя порезала купленный по дороге вафельный торт. У Миши в плане чаев, к ее удивлению, оказался полный выбор: черный, зеленый, каркадэ, какие-то экзотические чаи из Китая...

Потом он снова принялся названивать по старым знакомым. Уже около часа ночи Миша оставил девушку спать на своем диване, надеясь, что чистое белье, которое он достал из шкафа, не покажется ей слишком застиранным. Также ей была выдана объемная и старомодная ночная сорочка, в которой обычно спала мама, когда приезжала в Москву. Закрыв на кухне дверь, он делал звонки еще до четырех ночи, пока, наконец, нужный ему человек не отыскался через многочисленных посредников.

Кухонный стол пришлось унести в комнату, иначе раскладушка не вмещалась в пятиметровое помещение «трапезной». Поэтому будильник Миша водрузил на крышку плиты, и когда это орудие утренней пытки начало издавать невыносимые для невыспавшегося человека звуки, никак не мог сразу понять, где он находится и как выключить эту чертову штуковину.

Раскладушкой, когда у него ночевали девушки, он, прямо скажем, пользовался не часто, поэтому спина теперь немного болела. Миша встал, умылся, стараясь сильно не громыхать, поставил чайник, собрал раскладушку. Потом вежливо постучал в дверь комнаты.

— Я уже встала, можешь входить, — ответила Валя, собирая с диванчика белье. — Как бы на работу не опоздать... Хорошо, косметичка в сумке всегда, а то представляешь — поехала бы в офис в таком виде. Ты не смотри на меня пока, я себя еще не привела в порядок, — слабо улыбнулась она.

Он и раньше не замечал на ней особой косметики, ну, наверное, подкрашивала ресницы. И сейчас лицо выглядело не бесцветным, «слепым», как часто приходилось наблюдать ему по утрам, а таким же выразительным, хотя и не выспавшимся. Правда, глаза немного опухли от вчерашних слез. Миша не нашелся, что сказать, но почему-то заволновался. Очень захотелось ее пожалеть и сказать что-то ласковое, но ничего не приходило в голову, и, чтобы снять натянутость, он заговорил нарочито деловым тоном:

— Валь, сейчас позавтракаем, и ты набери этого типа, попроси отсрочить встречу на день или два. Скажешь, что деньги собираешь. Будет давить, клади трубку, мол, перезвоню. Встречу назначим... м-м... на Китай-городе. Старосадский переулок, рядом с исторической библиотекой. По дороге объясню подробнее, а то действительно опоздаем.

— Я ведь даже не спросила тебя, во сколько ты лег... Я уже сквозь сон слышала, как ты разговаривал, но мозги уже отключились...

— Бутерброды будешь? Тебе с сыром или с вареньем?

***

Как и в самую первую встречу в метро, Миша вышел на Тургеневской, пообещав позвонить ей на работу. А Валя, оставшись одна, постаралась привести в порядок свои мысли и чувства. Все то время, что она находилась у Миши, она была словно тумане, но частично этот туман был осознанной необходимостью. Стрессовая ситуация помогла — и дала запрет на романтику. Но, если подумать... она переночевала наедине с малознакомым парнем в его съемной квартире!

Выход был один — способность убедить себя в том, что говоришь. Поэтому Валя каким-то образом ощущала, что ночевала у Оли по поводу ее дипломной работы. «Замечательно звучит», — наверно, сказал бы Миша. На этом она и постановила, поскольку осознать и оценить вчерашний вечер пока не могла. Что-то, однако, норовило подцепить ее, добавить еще одну червоточинку к переживаниям по поводу риэлтора, а также мукам совести за обман — матери, жениха и собственных убеждений. Когда она поняла, что это, то даже рассмеялась. Ей вдруг стало обидно, насколько равнодушно Миша воспринял ее присутствие в своем доме. Конечно, она была благодарна ему за тактичность и совершенно не знала, как повела бы себя, попробуй он к ней приблизиться. Но он не сделал ни единой попытки... может, она совершенно ему не нравится? А действительно, как он к ней относится? Неужели и правда, только как к другу?

Она представила Мишино лицо, вспомнила, как он на нее смотрит — нет, ошибиться она не могла. Конечно же, она ему нравится. Просто он действительно на редкость благородный человек. А все-таки, почему он не позвонил ей вчера сам? За всеми перипетиями она и забыла спросить. Что, если у него есть кто-то еще? Вдруг и он выбирает, как ему быть...

Валя постаралась вникнуть в очередную проводку, но это ей никак не удавалось. Все мысли крутились вокруг одного и того же. «Надеюсь, Линка не названивает матери», — подумала она. Утром она успела еще дозвониться из Мишиной квартиры по городскому в Израиль, и, хотя Линку не застала, попросила передать ей, чтобы дождалась ее звонка. Теперь Мише придет немаленький счет за разговор...

***

Валя стояла около «Исторички», крепко прижимая к себе сумочку. Она нервничала, а когда увидела подъехавшую машину риэлтора, руки опять предательски задрожали. Оскар Андрианович, спокойный и вальяжный, словно солидный бизнесмен на переговорах, подошел к ней, приветливо улыбаясь.

На припаркованную рядом «Ауди» он внимания не обратил. Его даже забавляла растерянность и беспомощность девушки. Быстро она, однако, нашла эту сумму. Похоже, он недооценил ее возможностей. Оскар усмехнулся, вспомнив, как вчера, в ответ на сумбурные вопросы Лины, называющей из Израиля, укоризненным тоном произнес: «Линочка, как же так, милая, я вам доверился, даже не пересчитал деньги, а ваша подружка оказалась такой непорядочной. Значит, вы сами плохо ее знали... »

— Здравствуйте, — выдавила из себя Валя.

— Здравствуйте, милая, — улыбка прямо не сходила с его лица, — как наши дела? Все принесли?

— Вот о делах сейчас и поговорим.

Оскар повернулся на голос — сзади возник крепко сбитый, даже полноватый парень характерной внешности. Около «Ауди» маячил второй. Соображал риэлтор быстро, и рванул уже было к машине, но второй парень просто перекрыл ему обратный путь.

— Паз-звольте, — упавшим голосом начал было Оскар, но после небольшой и непродолжительной возни оказался плавно запихнутым в машину на заднее сиденье — между двумя «пацанами». Валя села вперед, на водительском месте расположился Михаил.

— Так сколько денег ты получил, дорогой? — спросил полный.

Риэлтор молчал.

— «Милый», ты в школе плохо учился, может, тебя считать научить? Так сколько? — парень угрожающе повысил голос, — пять, не так ли?

— Д-да.

— Так какого хрена? Лишних бабок решил срубить по-легкому? Ручка и бумага у тебя есть?

Осознав, что лучше быстрее покончить с формальностями, риэлтор достал из внутреннего кармана пиджака «паркер» и органайзер.

— Так ты у нас писатель? — удивился парень. — Ну, пиши, писатель: «Я, такой-то Оскар Андрианович, паспортные данные такие-то, принял у Ильинской Валентины Анатольевны за риэлторские услуги пять тысяч долларов США. Претензий не имею». Число и подпись.

— Мне паспорт надо достать, — заметил риэлтор.

— Ну, достань, — добродушно разрешил второй парень и, вынимая откуда-то резиновую дубинку, перехватил ее поудобнее. Пару раз дернувшись, но быстро смирившись с воздействием грубой силы, вежливый риэлтор вписал свои паспортные данные и передал расписку Вале.

— Надеюсь, теперь никаких вопросов нет? — спросил он, извлекая из глубин подсознания остатки собственного достоинства, а заодно пытаясь сообразить, какие будут последствия у этого события, и как побыстрее добраться до своей машины.

— Надежда умирает последней, — с неприятной усмешкой ответил второй парень, постукивая дубинкой по ладони. — Ладно, иди, если что, паспортные данные и номера твои мы знаем. Так что вопросов точно нет.

— Надо же, даже подпись расшифровать не забыл, — не сдержался Михаил, провожая отъезжающую иномарку взглядом. — Спасибо, ребята.

— Да ладно, делов на пять рублей — хмыкнул первый, — Мишань, у тебя прав вроде нету. Вам сейчас куда?

— Аа, извини? — Михаил пересел назад. — До Чистых прудов тогда подбросьте.

***

— Миш, — Валя все еще не могла успокоиться, — мне же надо позвонить Линке, она, наверное, уже билеты купила в Москву.

— У нее мобильный есть? Да? Тогда звони с моего.

— Это дорого, наверное, туда по мобильному? Тебе и так счет за межгород придет.

— Не дороже денег. Звони, давай, успокой сестру. И где она этого хмыря-то выискала?

— У него же такой вид, иномарка, она говорила, что эти деньги для него — копейки. Зачем они ему? — Валя искала номер в записной книжке.

— А ты думаешь, что кидалы в лохмотьях ходят? Их внешний вид — это главный инструмент, как они иначе в доверие войдут? Вот и ты приняла его по одежке. Парочку таких, как ты, разведет, и новый костюмчик еще прикупит.

— Але, Линочка!

— Валя! — голос сестры дрожал и прерывался в телефоне, — я в субботу вылетаю к тебе, я звонила Чернявским, узнавала про Оскара. Знаешь, они говорят, у них тоже был с ним неприятный инцидент, в последний момент, перед самой сделкой вдруг оказалось, что его вознаграждение должно быть на тысячу больше, чем договаривались, иначе он не

отдаст документы. Они спешили, деваться было некуда, и доплатили. И ведь не рассказали ничего нам! И знаешь еще что, шуба-то, шуба!

— Да причем тут шуба...

— Как причем! Кто мог знать, где она у меня? Ведь ни один чемодан не вскрыли больше! А Оскар этот приходил, я сейчас вспомнила, я еще спрашивала, не хочет ли он для жены купить, и доставала ее! А потом про тебя вспомнила, что тебе бы шубка как раз...

— Все, Лина, успокойся, шубы уже не вернешь, а с деньгами улажено.

— Как — улажено? Ты ему что, денег набрала?

— Нет, у него больше претензий нет, он мне расписку дал, не волнуйся, сдавай билеты, и забудь. Потом расскажу, звоню с чужого телефона.

— Ох... ой, Валенька, прости меня, что я тебя впутала, хорошо?

— Хорошо, хорошо. Я сама виновата. Короче, я жду тебя... в марте... — у Вали едва не вырвалось слово «на свадьбе». — Целую! Своим привет!

Глава 7

Они сидели на скамейке на Чистых прудах. День был прохладный, но сухой, даже светило солнышко.

— Ты как? Уже легче? — спросил Михаил.

— Знаешь, какой-то камень остался. Даже не могу сформулировать, в чем дело. Жалко мне его, что ли?

— Кого жалко? Оскара?!

— Да. Я никогда не пользовалась такими методами, и, хотя твоим... — замялась она, — друзьям очень благодарна, но и с такими, как они, сама бы столкнуться не хотела. Не думаю, что они намного лучше Оскара... Понимаешь, о чем я?

— Клин клином вышибают. Или это — «не наш метод»? Хочешь — давай догоним «милейшего парня Костю Сапрыкина, вернем ему кошелек», извинимся перед ним...

— Между прочим, я в этом споре всегда была за Шарапова.

— Я, пока в школе учился, тоже, — вздохнул. — Только по-другому как можно было поступить?

— Ты не обижайся на меня, ладно? Спасибо тебе большое, ты меня просто спас...

— Всегда к вашим услугам, сударыня, — шутливо поклонился Миша, явно желая прервать поток благодарных фраз. — Однако вам не по нраву наши средства? Все правильно, порядочный человек всегда сомневается в методах. А вот такие, как Оскар, совестью не мучаются и средства не выбирают.

— Может быть, стоило набрать ему денег, отдать и поглядеть ему в глаза? Может, сказать что-то, от чего бы его совесть проснулась?

— А потом расплачиваться, вспоминая, что совесть его не только не проснулась, а он еще и смеется, что развел тебя, как дуру, прости. И счастлив твоим благородством. Еще вопрос, счет бы он это благородством... Он про такие вещи может и не знать. Мы с тобой правы в главном, он хотел украсть, мы не дали.

— Я понимаю... и не понимаю... вот как в Евангелии сказано — подставь другую щеку, а человек решает, что да, да, конечно, но это образно, а в конкретной ситуации, вот сейчас прямо — я врежу, Бог поймет, что я прав. Но ведь мы должны выполнять все, что в Его законе, да? Какие же мы христиане, если по факту считаем, что этот закон не выполним? — Валя глубоко вздохнула и посмотрела виновато. — Ты прости, пойми правильно, я тебе благодарна ужасно. Я сама не знаю, как мне было «любить Оскара». Я радостно воспользовалась помощью твоих «пацанов», а теперь вот рефлексирую.

Довольно подло с моей стороны... Приди сейчас Оскар с новым требованием денег — и я бы в испуге рванула искать твоих ребят, чтобы помогли...

— Любить врага» — не значит испытывать к нему чувство любви. Это значит поступать с ним так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой, «люби, как самого себя», поступай так, словно ты его любишь... В данном случае, Оскару это было только на пользу.

— Ты сам сказал про средства... А эти ребята — они тебе счет за это не выставят? Кто они тебе?

— Насчет этого даже не волнуйся. В одной школе вместе учились. По понятиям, тут все нормально. Земляки и так далее.

— А вдруг они потребуют от тебя встречных услуг?

— Да ладно тебе, не беспокойся. Какие еще от меня услуги?

Валя съежилась — ее знобило.

— Знаешь, у меня, наверное, поднялась температура, — растерянно сказала она. — Так бывает, когда я очень нервничаю. Ты почему так на меня смотришь? — вдруг спросила она, заметив на себе его взгляд.

Он молча обнял ее за плечи и легонько притянул к себе. Валя замерла. Почувствовав ее напряжение, Миша убрал руку, встал со скамейки и подошел к воде. Чуть-чуть поколебавшись, Валя подошла к нему и встала рядом. Оба смотрели на пруд.

— Миша, спасибо тебе, — нерешительно произнесла девушка.

— Поедем, провожу тебя. А то действительно заболеешь...

Обратную дорогу ехали молча, но молчали, похоже, об одном и том же. Вале ужасно хотелось что-то сказать, но никакие слова не могли отразить полный хаос в ее душе. Попрощались сердечно, но нужных слов не нашлось у обоих.

— Я хочу увидеться с тобой завтра, — сказал он. — Какие у тебя планы?

— Я тоже хочу. Давай созвонимся...

Уже уходя, Валя обернулась.

— Я все как-то забываю рассказать тебе. Я ведь тебя еще один раз встречала — ну, до того случая в конторе. В ЦДХ. Ты меня не видел, а я все вспомнить не могла — откуда я тебя знаю...

***

Уже выйдя из метро в Перово, Михаил неожиданно вспомнил, что обещал позвонить Паше — тому случайному шоферу. Господи, когда же это было? Жаннин юбилей — в понедельник. А сегодня что у нас — среда? Набрал номер, но там было занято. Спустя какое-то время абонент оказался «вне зоны действия сети». И так — весь вечер, Миша звонил через каждые десять минут, но... На душе остался неприятный осадок: обещал же человеку, и вот...

«Мог бы и сам позвонить, если надо ему, а я переключился в тот вечер на Оскара, не до того было», — Миша пытался заговорить собственную совесть. Но она строго отвечала: «парень пьян был, и бумажку твою наверняка потерял. А позвонить ему — времени бы не утянуло. Получается, прав он был, упрекая тебя. Да ладно, если бы еще тебя, а то ведь всех верующих... в твоём лице».

Но думать об этом сейчас не хотелось. Хотелось думать о Вале. Все-таки он сумел ей помочь... Было еще много, о чем хотелось подумать, и все это вертелось вокруг нее.

Завтра они снова увидятся. Завтра...

***

В этот день Михаилу пришлось заменять бухгалтера — ругаться с партнерами из-за непогашенных долгов, проверять финансовую документацию... А после обеда приехал шеф, и начались новые «гонки», как Воронич про себя называл решение разных вопросов, — от трех до десяти одновременно. Но в конце дня бросил все дела и помчался на встречу с Валей.

Свидание, однако, началось не совсем так, как хотелось. Откуда-то опять появилось напряжение. Снова начали обсуждать происшествие с риэлтором, так было легче. Постепенно вернулись к оставленному разговору, который произошел после поездки в монастырь, к теме христианства в обычной жизни. Разговор очередной раз крутился на месте, и тема была все та же.

Миша задумался, не зная, как поточнее ответить на ее реплику.

— Знаешь, ведь настоящее христианство — это не попытка соответствовать образу, это наши взаимоотношения с Богом. «Люби, и делай, что хочешь», — так это, кажется, звучит у Св.Августина?

— То есть, если любовь к Христу — истинная, значит, и поступки будут соответствующими? Значит, возвращаемся на тот же круг, — нахмурилась Валентина. — Если я осталась прежней и поступаю по-прежнему, значит, никакой любви к Богу у меня нет по-настоящему...

— Мы слабые грешные люди, в нас сидит первородный грех. Это, наверное, самое сложное — жить, и каяться. И снова, еще и еще раз разбираться в себе.

— Ага, каяться, зная, что все останется по-прежнему... не пытаюсь измениться...

— Хочешь сказать, что в тебе совсем ничего не изменилось с тех пор, как ты поверила в Христа?

Она помолчала.

— Ну... вот, к примеру, если надеваешь маску, то пытаешься соответствовать образу. Так и здесь, что-то теперь делаешь иначе, заставляешь себя думать иначе, а внутренней потребности не испытываешь.

— Это сперва не испытываешь. А если не снимать эту маску, то она к тебе прирастает, и ты уже не изображаешь, а становишься. И ведь ради чего ты стараешься? Ради Христа, верно? Иначе ради чего бы мне себя сдерживать?

— Может, из страха?

— Ну... для начала, наверное, достаточно и страха Божия, если просто из любви не получается... Есть стандарт, недостижимый, но мы просто обязаны к нему двигаться. Только пойми, я не про себя говорю, а в теории. Про себя лучше промолчать, — Миша усмехнулся. — Так вот, я думаю, ты права, если что-то в законе написано, это должно быть выполнимо. И человек, как он был задуман изначально, мог бы с этим справиться. Но после грехопадения — сам, без помощи благодати, никто не доберется туда, куда его зовет закон. Надо только продолжать стараться, не терять надежду.

Она смотрела вдумчиво и доверчиво, словно именно он может дать ей ответы на все вопросы. Кажется, девушка принимает его не совсем за того, кто есть. Впрочем, она еще и совсем не знает, кто он есть. Он помрачнел. Разговор вызвал у него со дна памяти массу ненужных воспоминаний, от которых на душе стало противно...

И внезапно показалось, что сам он — не настоящий, а какой-то фантом. Стоит здесь, рядом с этой девушкой, такой честной и чистой, объясняет ей, как правильно верить... словно ему тут место, рядом с ней. И воображает себе, что они созданы друг для друга, что их привела друг к другу цепочка (не) случайностей.

Но, даже если так... даже если у них общая вера и убеждения, значит ли это, что он имеет право войти в ее жизнь? По крайней мере, для начала надо бы упорядочить свою. И рассказать ей о себе то, о чем не хочется даже вспоминать. Иначе нельзя.

***

Весь следующий день с утра Валя летала как на крыльях. Ей казалось, что сегодня вечером, после работы, ее встреча с Михаилом решит все вопросы, все поможет понять. Она будет с ним предельно откровенной, она скажет про свадьбу, и скажет, как относится к нему самому, а потом они вместе поймут, как быть. В том, что у Миши найдется решение, она уже не сомневалась. Как, впрочем, и в том, что нужна ему, также, как он ей.

Руслан не звонил уже несколько дней, и сказать, что она это замечала, было бы неправдой. Скорее, если и замечала, то с некоторым облегчением. Как себя вести с забытым женихом, она понятия не имела.

Впрочем, сейчас она не знала, и как вести себя с Мишей. Он больше не пытался ее обнять, и они снова говорили только о вере.

Она нарочно сменила тему, и они поговорили о работе. Потом о родных. Миша забавно рассказывал о своей семье, было видно, что он их очень любит, хотя и говорил шутливо. «Наверное, мне бы очень понравилась его мама», — вдруг подумала Валя. «Свекровь», — мелькнуло у нее в голове. Свекровь? Две свекрови не бывает, милая моя, как сказал бы Оскар Андрианович. Твою, кажется, будут звать Элеонорой Петровной. Ей стало просто невмоготу.

— Миша... — начала она тихо, но решительно. Они остановились у каменного парапета набережной Москва-реки.

Видимо, что-то в ее голосе изменилось, потому что Михаил снова помрачнел, и тревожно взглянул на нее, предчувствуя неладное.

— Я выхожу замуж. Завтра приезжает мой жених.

— Понятно, — коротко ответил он и потер лоб своим непонятным жестом, не глядя в ее сторону.

— Это все?

— А что ты хочешь от меня услышать? Что я предчувствовал это? — кажется, ему самому было совестно, но ничего добавлять к этому Миша не собирался. Или собирался? И какая-то спокойная злость в глазах: выходишь замуж, ну и выходи. Тягостное молчание затянулось.

— Ну, тогда мне тоже все понятно, — сказала она по-детски, на глазах выступили слезы, и, круто развернувшись, Валя быстро зашагала в другую сторону.

Он постоял немного, закурил и медленно пошел дальше.

***

«До чего банальная и глупая сцена... Может быть, он вообще не понимает, причем тут «замуж», раз мы общаемся с ним, как друзья, и говорим о высоких материях. Ну и пускай. Пускай с кем-нибудь еще общается о высоком, я так не могу. И разрываться тоже не могу», — мысли путались, на сердце лег камень.

Потом, уже подходя к дому, Валя даже испытала некоторое облегчение. Больше не надо было ничего решать. Все решено, все будет, как раньше. Никаких мук, никакого выбора. Но зачем, зачем Бог послал ей эту встречу, почему она показалась ей такой важной, почему не сработала эта «судьба», которая должна была найти (и казалось, нашла) ее и на печке. Разве она что-то сделала не так? Она была готова разорвать с Русланом, готова на скандал дома, но не могла же она заставить Мишу насильно полюбить себя и жениться на ней?

Валентина открывала дверь, когда в квартире раздался телефонный звонок. «Михаил», — сердце запрыгало, не разуваясь, она рванула в комнату и дрожащими руками схватила трубку. И услышала уже почти забытый, но такой знакомый и ласковый голос Руслана:

— Валенька, привет, я приехал, и тачку пригнал. Ты где ходишь?

— Ой, здорово, как я рада тебе, давай встретимся, приходи прямо сейчас. Я люблю тебя! — никогда она не говорила Руслану эти слова так искренне и от души...

***

Звон дверного колокольчика пропустил его в библиотечно-уютное пространство книжного магазинчика. Атмосфера книг всегда помогала ему. Задумчиво бродил, брал в руки разные томики, перелистывал. Ну почему так произошло?

Да, можно было сказать что-то очень красивое и правильное вроде «сколько мы с тобой знакомы? Что-то около недели? А кажется, что гораздо больше. Я не хочу никаких твоих замужеств». Только что это изменило бы? Что он может предложить ей взамен? (книжная, безумно книжная фраза!). Жених — человек, видимо, проверенный, известен давно, не без году неделя... Тут он усмехнулся. Свадьба — дело решенное, заранее продуманное. А разговоры о высоких материях — ни к чему особо и не обязывают.

И все-таки... Ведь неспроста же было это духовное совпадение, все эти навороты-повороты! Да, ему пока было просто достаточно того, что они вместе. Да, ей, как и другим, нужна определенность. И почему, интересно, они все хотят определенности? Да и насколько он ей был нужен, тоже неизвестно, все между ними происходило на каком-то тонком, внутреннем уровне, и он почему-то не знал, как правильно себя вести с Валей. Невольно вспомнилось состояние — то, которое было однажды утром после расставания с симпатичной учительницей. Нет, здесь совершенно другое. То, что, единожды найдя, так больно терять...

Ну и что? Будет работа, помощь родителям, какое-то творчество, общение с друзьями... Которые знают о нем все, до которых ему не надо еще дорастать и мучительно думать, на своем ли он месте... не надо менять образ жизни. В общем, все будет как обычно. Таким вот образом.

Наверное, он сделал что-то не так, иначе почему его мучила совесть? Но для того, чтобы сделать иначе, надо откуда-то черпать убежденность... Нет, он все сделал правильно. Разрушишь чужое, а что взамен? Или неправильно? Господи, опять эта ассоциация с «Другим местом» Пристли. Все изменилось, возврата нет. И входа нет. Тупик, стена.

— Молодой человек, ваши документы? — козырнул милицейский прапорщик.

— А в чем дело? — он сразу подобрался, спокойно протянул паспорт.

— Стену магазина с какой целью долбите? Дыхните-ка.

*Сквозь страны и через века
Судьбы предписанием сложным
Виляя в случайностях дня,
На ощупь ступая впотьмах,
Ведет нас друг к другу, пока
Не станет однажды возможным,
Что ты повстречаешь меня,
Узнаешь в бесчисленных мирах.*

*В том месте, где треснут асфальт
И брошен пакет из-под сока,
Ты сделаешь двадцать шагов
На север. И сразу поймешь,
Что это действительно я,
Стою, тебя жду одиноко
Минуту и пару веков!*

*... Узнаешь.
...И мимо пройдешь.*

***

Она бежала, буквально летела на встречу с женихом. Лучшая блузка, ярко-синяя, которая так идет к ее темным глазам. Минимум косметики, но волосы сегодня уложены просто чудесно. Сама себе в зеркале она нравилась очень. Руслан, видимо, тоже немножко ее подзабывший, был приятно удивлен, она видела в его глазах, что сегодня действительно очень ему нравится. Весь вечер — они гуляли на Партиарших прудах, посидели в уютном кафе, причем в отличие от Михаила, Руслан заказывал самые дорогие блюда, даже не глядя в меню, — она была возбуждена, говорлива, много смеялась.

Руслан, кажется, был просто в восторге. Конечно же, он проводил ее до самой квартиры, но домой пить чай с мамой она его почему-то не позвала. У самой двери он притянул ее к себе и поцеловал. Точнее, попытался. Нет, все, сил у нее больше нет, на сегодня нет. Со смехом она вывернулась из-под его руки, шутливо махнула и захлопнула дверь, оставив жениха по ту сторону. Сразу же прошла в свою комнату, заперла задвижку и бросилась на кровать. «Я не могу, не могу, видеть его не могу». Валя вскочила и выбежала на кухню, где ужинали родители.

— Не могу, понимаете, не хочу и не буду, ясно вам! И плевать мне на ваши салаты и приглашения. Я не выхожу замуж. Не трогайте меня, я ничего не знаю! — и вылетела вон.

Глава 8

Кажется, мать тайком созванивалась с мамой Руслана, о чем-то шепталась с ней, потом бедной маме пришлось объясняться с Русланом, так как Валя наотрез отказалась подходить к телефону. Что-то несла ему про кризис, просила потерпеть и выждать время. Говорила, что это потому, что все у них решилось слишком быстро. Валя ругала себя за трусость, знала, что объясняться должна сама. Но она слышать не могла его несчастный нелюбимый голос. Ей было жаль его. Но она не могла выйти за него замуж.

С Михаилом она больше не виделась и не встречалась. Надежда, что он позвонит, рухнула уже через пару дней. Валя была реалистом, она понимала, что звонить ему ей совершенно незачем.

Постаралась погрузиться в работу, набрала себе и своих, и чужих заданий, благо одна из сотрудниц ушла в декрет, и работы стало навалом. Думать о будущем не хотелось вообще. Казалось, его просто не будет. Мать перестала с ней разговаривать, обиделась на то, что все ее надежды на замечательный брак не оправдались. Кажется, она уже не боялась, а просто уверилась в том, что любимый ребенок останется старой девой. Как ни странно, Лина заняла Валину сторону, несколько раз говорила сама с ее матерью по телефону и одернула свою тетку. После чего дома стало немного легче.

По прошествии нескольких недель Валя смогла наконец более трезво оценить происшедшее. До настоящего момента ей казалось, что сильное влияние рассудка над чувствами, присущее ее характеру, все время выносило ее мироощущения за грань реального, сиюминутного момента, и не позволяло испытывать настоящих сильных чувств, как испытывают другие. Она почти всегда какой-то частью себя видела всю ситуацию со стороны, находясь над ней, с налетом сомнения — я ли это, здесь ли я. Наверное, есть люди, способные всецело наслаждаться пейзажем, но она чувствовала только, что должна наслаждаться; любящие мужчину, но она, внушая себе, что любит,

ничего в то же время не испытывала. А на страх рассудок реагировал на порядок медленнее — со мной ли это? Зато, когда момент проходил, оставался в прошлом, она с болью, что воплотить уже ничего нельзя, наслаждалась пейзажем, которого уже не было перед глазами, испытывала любовь необыкновенной силы к тому, чьи глаза только что оставили ее равнодушной, а прошедшие боль и страх испытывала многократно усиленными, хотя ситуация, слава Богу, разрешалась благополучно.

Но боль, которую она испытывала сейчас, была совершенно настоящей, реальной, и не проходила, она погрузилась в страдание полностью, жила внутри него, не представляя, что когда-то не знала его. Но, по крайней мере, вернулась способность что-то анализировать. Возможно, до любви в ее прямых проявлениях в отношениях с Мишей дело не дошло, точнее, зародышу не пришлось развиваться, думала она. Но она успела осознать, что бывает духовная близость, понимание друг друга, когда с человеком интересно каждую минуту, не надо придумывать, о чем говорить, и даже молчать можно в гармонии, вместе. А главное, можно быть самой собой, никого не разыгрывать из себя. Ей было легко с Мишей. И стало страшно представить, что каждый день будущей жизни с Русланом ей придется разыгрывать из себя «любящую жену Валу», играть, играть.

Она поняла, что так угнетало ее в отношениях с Русланом. Во время общения с ним внутри нее не исчезала утешительная мысль, что вот сейчас, еще часок она поиграет в любовь, и можно будет зайти в свою комнату, закрыть дверь, и остаться одной, без него. Остаться собой. С ним она не могла молчать в унисон. А если они поженились бы, где бы она чувствовала себя собой — в ванне, в туалете? Ведь именно в эти два места ей нередко приходилось скрываться от наставлений матери.

Любила ли она Мишу — она точно не знала. Может быть, это была любовь к своему состоянию, в котором Валя находилась при общении с ним? Или это звено было первым, просто продолжить цепочку не удалось?

*Кому вы протянули свои ветки?
Застыли в напряженном ожидании.
И в позе неудобной замирая,
Прислушались — не пахнет ли весной?
А я — опять негодные отметки
В дневник своей гордыни получаю.
Но, выходя с работы, доиграю
Привычную уверенную роль.*

*Снимаю маску, выйдя за ворота,
Опять упрусь глазами в эту точку.
Другим ее, конечно же, не видно,
Тем более, у каждого своя.
Да что работа — хобби, не работа,
Так что ж усталость поселилась прочно?
Нет, я достану краски и палитру,
Как только будет время у меня.*

*Когда просилась в детстве — чтобы взяли
Меня в игру: «Пожалуйста, возьмите!
Я научусь, я, может быть, сумею!»,
То даже принимали иногда.
Теперь меня повсюду принимают,
Но кажется, не на моей орбите.
Зовут — а я стучусь в иные двери.
В далекие чужие города.*

*А вот нашелся часик и на отдых!
Но тупо возлегаю на диване,
Смотрю всё в ту же точку — на экране?
Да нет, конечно, там какой-то фильм.
Всего пол-оборота — и иконы.
Но взгляда я на них не поднимаю.
На них Глаза — Они опять все знают.
Я не готова к разговору с Ним.*

*Я знаю, что Он ждет — так терпеливо...
И верю, Он не будет слишком строгим.
Но доброты Его не заслужила...
Ах, правда ведь, что легче кирпичи
Таскать, чем сотворить одну молитву,
Предстать пред Ним — какой уж есть убогой.
Порыв, и воля, — нет, не хватит силы...
...Белье бы, кстати надо замочить.*

*...И пусть лежит. Потом и достираю.
Все терпит... Время есть, (как там) — «покамест».
Как говорил Безухов — жизнь проходит,
Покамест мы ее и проживем.
...Деревья — в странной позе замирают.
Как будто знают сроки. Я покаюсь.
Успею, может. Тишина в природе.
А я-то? Будто вовсе — ни при чём?*

***

На работе ее старания были замечены. Главбух уже просто души в ней не чаяла. Кстати, эту даму даже весьма порадовало, что Валино замужество отменилось. Теперь она не потеряет ценного сотрудника, и в декрет Валя не уйдет, как обычно, через год с небольшим. Кроме того, Нина Илларионовна давно точила зуб на свою заместительницу — довольно нескладную, часто болеющую женщину. Правда, Вика (а все звали немолодую замшу по имени) была опытным и старым работником, поэтому ее терпели.

Валя ее тоже не любила, с первого же дня работы на предприятии. Эта Вика все время говорила ей что-нибудь неприятное: «ты бы постриглась помоднее, что ли, а то так никто на тебя и не посмотрит», или «эта юбка не для твоих ног». Притом, что сама она одевалась в жуткие балахоны. Видимо, сравнивала Валю со своими дочками, в которых души не чаяла.

В этот день главбух позвала Валентину в свой кабинет.

— Садись, дорогая, отдохни немного. Как твои дела?

— Нормально, — слегка удивленная, Валя присела на краешек стула.

— А я так устала, голова просто заморожена, — вдруг начала жаловаться Илларионовна. — А Вика-то опять на больничном. Сколько уже можно! Я тоже, например, вся больная, давление скачет. А она все лечит свои ноги. И откуда у нее варикоз, работа сидячая, не понимаю...

Валя вежливо слушала, автоматически поддакивая и кивая.

— В общем, так, дорогая, я уже решила, директор меня поддержал. Вику мы уберем. Будешь моим замом. Оклад — сама понимаешь, какой. Сможешь приодеться. Я вижу, как

ты, бедная, пытаешься сохранять вкус при такой зарплате... Ну, что скажешь? Ты рада? Директор сказал про тебя, что ты умница и справишься. Год закрыть я тебе помогу. Все равно она, если и выйдет, то ненадолго.

Главбух смотрела на нее торжествующим взглядом, ожидая приступа неподдельного счастья и благодарности.

— Ой, да... ой, спасибо большое. А как это, уберем Вику? Она же на больничном, сама же она заявление не напишет?

— Не важно, как только выйдет, напишет. Я нашла у нее ошибку в отчете. Из-за нее предприятие понесет убыток, налоговая обязательно выставит нам дикий штраф. Так что, если не захочет платить из своего кармана, уйдет сама.

— Ей же дочек кормить, они же учатся на дневном.

— Я что-то не пойму, тебя-то это с какой стороны волнует? Нечего болеть так часто, работала бы и зарабатывала на дочек. На биржу пусть встанет. Не твои проблемы, ты давай, возьми пока эти папки и разберись.

Нина Илларионовна подхватила со своего стола пять громадных папок и всучила их Вале. Валя пригнулась к земле и пошла, ошеломленная, на место.

Вечером, лежа в постели, она пыталась понять, что так ее мучает, и почему она не радуется. Сказать, что жаль эту противную бабу Вику, она не могла. И все-таки чувствовала, что в этом назначении есть что-то подленькое. Но что? В конце концов, сейчас не социализм, и те работники, которые не справляются... Но ведь она болеет... А может, пользуется возможностью поболеть, да, это все говорят, а другие — работай за нее. Но что тогда?

А, кажется, нашла. Способ, которым хотят уволить Вику. Почему бы ни пригласить ее в кабинет и не сказать прямо: «Вы нам не подходите?» Ведь отчет-то, в котором ошибка, еще не отправлен в налоговую! Полный бред... таких ошибок бухгалтера делают много, просто надо вовремя исправлять их, все еще раз проверив, и потом уже отослать нормальный отчет. Да вот и сама Валя, задумавшись, на днях написала не ту цифру. Однако главбух, мило улыбнувшись, сказала:

— Ничего, не расстраивайся, бывает.

Но, в конце концов, при чем тут она, Валя? Не она же увольняет эту Вику, она ее не подсигивала, подлости не задумывала. Какая ей разница? Тем более, что это реальный шанс вырасти наконец в должности, а Вика явно собирается работать до самой пенсии, не меньше. Немного успокоившись, Валя заснула.

***

На другой день... появилась Вика. Довольная, и судя по всему, отдохнувшая на больничном. Совесть Вали, глядя на нее, совсем замолчала. Увидев у Вали на столе свои папки, Вика фамильярно спросила:

— Начала уже? Тогда заканчивай, а я покурю.

Не успела она выйти, как, проходя мимо Валиного стола, главбух заговорщически подмигнула своей протее.

А дальше... Валя встала спокойно с места, и, ни о чем не думая, спустилась вниз, в вестибюль, где, дымя сигаретой, Вика рассказывала своим подружкам из отдела доставки, что у нее теперь новый сосед на площадке — зажиточный пожилой мужик. Вика явно имела на него планы.

— Можно вас на минутку?

— Что, не можешь без меня разобраться? — Вика презрительно посмотрела на девушку.

— Могу. Мне надо кое-что сказать вам.

Недовольная, Вика отошла вместе с ней.

— Ну что?

— Вы уже сдали отчет? У вас ошибка в расчете налога.

Валя вкратце сказала, где.

— Скорее пойдите к Илларионовне и скажите, что нашли сами. А то вас собираются под этим уволить.

Валя развернулась, и, не глядя на изумленную Вику, побежала наверх. На душе было легко.

Глава 9

Падал первый снег, словно укутывая все белым пледом, оттого и настроение было мягко-пушистое, умиротворенное. К остановке подъехал вечерний автобус, и оттуда вместе с другими вышла Иринка. Точнее, выпрыгнула — в своей кошачьей, грациозной манере.

— Привет! Я тебя не сильно напрягла?

— Да нет, что ты? Мы с тобой так давно не виделись. Даже снег идет — специально из-за тебя, наверно.

Иринка рассмеялась:

— Наверно, ты заказал в небесной канцелярии?

— Думаешь, мой заказ рассмотрели бы?

— У тебя что-то случилось?

— Непонятно на душе...

— По городу побродим?

«Поедем на Чистые пруды», — чуть не сказал он, и поймал себя на мысли, что его тянет туда — как на место преступления. Наверно, у наркомана ломка так же протекает. Хотя... Дела потихоньку налаживались, все удавалось и шло так гладко, что даже было подозрительно — слишком похоже на затишье перед бурей.

На той неделе приезжали Саня с Антоном — вели переговоры с одним дружественным театром, и, кажется, что-то должно было из этого получиться, наверно, Ирка сейчас расскажет. Правда, все события происходили как будто параллельно, касаясь его лишь по краю, не затрагивая души. Хотя почему, вот к Веронике на днях на концерт ездил, и действительно получил удовольствие. Молодец Ничка, заметно, что растет — и в текстах, и в музыке.

Когда в среду позвонила Ира, Миша совсем этому не удивился, напротив, даже обрадовался. Договорились, что она приедет к нему в Москву, пообщаться, как было заявлено, на тему творческих планов. Встретились в результате на Пушкинской, забежали в блинную.

Говорила все больше Ира, об институте, о проблемах на работе, в семье, а Михаил просто слушал ее голос, не вникая в содержание, просто радуясь тому, что ловит какие-то интонации.

*Я спешу из суеты в бездорожье,
В городах ищу смятение улиц...
Разделяет нас с тобой невозможность,
Оттого живу, немного ссутулясь.*

*Я найду тебя, вернусь... но узнаем
Мы ль друг друга на вокзале, в трамвае?
То ль прощаемся с тобой, то ль прощаем.
Только ветер нам слова обрывает.*

— Ты бы хоть иногда впопад отвечал, — наконец, обиделась она.

— Извини, отвлекся. Я тебя внимательно слушаю...

— Ну да, слушаешь. Думаешь, все вокруг тебя слепые? Что с тобой, может, объяснишь? И ребята волнуются уже... Ты в курсе, что у нас два концерта сорвалось? Сашка, наверно, не говорил тебе, не хотел расстраивать. Да и с тем театром вряд ли что выйдет.

— А что не получилось?

— Нам просто отказали в самый последний момент. В среду уже стало ясно.

— Грустно.

— И это все, что ты можешь сказать? Антон уже отказывается от сотрудничества — его дела поджимают. Сашка на меня хочет часть работы спихнуть.

— Я понимаю... самоустранился. Свинство с моей стороны, конечно, но ничего не могу сейчас поделать, абсолютно глухое состояние. Нечего сказать, пустота. Наверное, просто на спаде.

— Ты хоть не пьешь?

— А это не помогает от неизвестных науке болезней, — улыбнулся он.

— Науке все давно известно. Депрессией твоя болезнь называется. На почве несчастной любви. Мне, кстати, совершенно не интересно, кто она, мне обидно, что ты так киснешь.

Миша с удивлением поднял на нее глаза. Так-так... Значит, вот она, общегвардейская версия. Какие глупости, и вовсе одно с другим не связано.

— Да ерунду вы придумали. Тоже мне, психологи.

— Понятно, значит, мы и себе не признаемся. Это уже хуже. Чтобы лечиться, надо правильно поставить диагноз. Слушай, мне противно видеть, как старший брат мучается черт знает из-за чего, — Ира демонстративно достала из сумочки папку каких-то распечаток. — Проводи меня на автобус, мне еще над сценарием работать надо.

— К какому числу?

— Что «к какому»? — лукаво сверкнули ее глаза.

— Сценарий должен быть готов?

— Через две недели.

— А мне можно взглянуть? Вы что, меня совсем выкинули? А говорили — главный идеолог.

— У тебя же кризис... Ладно, не обижайся, куда мы без тебя! Специально и привезла. Где посмотрим? Не на улице же, холодно.

— Поехали ко мне, тем более поздно уже. Что за тема-то?

Сидеть со сценарием пришлось до трех часов ночи, при этом Ирина была вынуждена раза три открыть окно для проветривания.

— Как ты можешь столько курить! — в очередной раз сказала она. — Все, я устала. Давай закругляться... Хотя, на мой взгляд, канва уже проглядывает. Где у тебя тут белье?

Ирина уверенным движением открыла тумбочку, достала постель и начала стелить. Она все делала быстро и ловко. Мише импонировала ее естественность и отсутствие малейших сомнений в правильном ходе событий. Но он все-таки сделал усилие, чтобы задать единственный вопрос, который немного напрягал его весь этот день:

— А...как Антон? То есть, я хотел спросить — что у вас с ним сейчас?

Иринка непринужденно пожала плечами:

— Расстались на дружеской ноте, и каждый пошел своим путем. Такое впечатление, что мы с ним перегорели. Или остыли. Общему творчеству эти вещи не мешают, — она спокойно и немножко кокетливо улыбнулась.

Итак, Миша счел свой долг перед Антоном выполненным.

Утром, развалясь на не слишком удобном диване так, как если бы это было королевское ложе, лениво подтягиваясь (ну точно, кошка!), Иринка заявила:

— Ты по гороскопу у нас кто? Ах, да, Скорпион. Я как тебя в первый раз у Мудродурова увидела, ну, помнишь, когда он меня привел, так сразу решила — где-то в прошлой жизни мы пересекались. Не зря же мы считаемся братом и сестрой? Такое ощущение, что когда-то мы действительно ими были.

— Я не верю в реинкарнацию, — благодушно отозвался Миша.

Он уже встал и собирал со стола грязную посуду.

— Впрочем, если принять твою версию, мы были братом и сестрой в семействе Борджиа.

— Ах, да, я и забыла, ты у нас ортодокс. Но почему? Я могу привести тебе сотню свидетельств людей, которые в состоянии транса вспоминали свою прошлую жизнь, и незнакомые языки! А у Блаватской...

— Ириш, — начал Миша мягко, уж больно не хотелось спорить, — ну, честное слово, мне совсем не обрадовало бы, если бы ты оказалась египетским фараоном в прошлом, а я — твоей будущей внучатой племянницей... А если серьезно, то жизнь нам дана одна. И ответственность за нее мы будем нести по полной, не кочуя из судьбы в судьбу. Поэтому и нельзя нам разворачиваться лет эдак на тысячу, все свершается для нас сейчас. А насчет транса... Наверное, есть такая штука — память поколений, какая-то духовная библиотека, что ли. Из нее, может, и черпаются эти сведения.

— Ну, ты же не можешь отрицать, что астрология тоже иногда четко может людей определить — судьбу, характер? Вот я составила свою натальную карту...

— Ирин, в этих вопросах — главное, не увлекаться, не погружаться. Астрологию можно воспринимать как развлечение, или даже как науку о влиянии на нас планет, но не как мистическое знание, это опасно, знаешь ли. До конца неизвестно, какого духа эти знания. Так, забавно посмеяться над схожестью характеров у людей, родившихся под одним знаком, но не строить же жизнь в зависимости от гороскопа?

— А мы с тобой совместимы по гороскопу — я Козерог, земная стихия, а у тебя — водная.

— Ну и замечательно. Ты домой сегодня поедешь, или в Москве побудем? Я, в принципе, съездил бы, а то и в прошлые выходные не был у своих.

— Поедем, тебя и ребята заждались уже, вопросов море...

— Тогда вставай, а то пропустим субботний автобус, придется в электричке мерзнуть, — прекратил спор Миша и отправился на кухню варить кофе.

Достал чашки, свою и дежурную, бежевую — для гостей. Кажется, из нее пила Валентина тогда... утром...

Миша убрал бежевую чашку обратно в буфет и достал другую. «Все хорошо, очень хорошо, главное, не расслабляться. Есть сценарий, есть работа, что может быть лучше», — подумал он, глядя в окно. Вчерашний первый снег быстро таял от неизвестно откуда взявшегося мелкого, теплого дождика...

***

Ребята обрадовались возвращению своего блудного брата. Тем более не с пустыми руками, а с почти готовым материалом. На общее место сбора Миша пришел вместе с Ирой, все восприняли это совершенно естественно. Антон смотрел спокойно, общался одинаково ровно с ними обоими. Лицо у него было непроницаемым, да и обычно он больше молчал, только изредка прерывая Мудродурова лаконичной и меткой фразой, если того заворачивало уж совсем не туда.

Антон приезжал из Москвы, где жил вместе с матерью, в Старо-Мещанске прошло его детство, здесь был дом его бабушки. Лето, выходные — он проводил у нее. Здесь остались самые лучшие друзья. Конечно, когда поступил в институт, стал приезжать пореже, однако потом старые связи возобновились.

Когда Мудродуров, лучший друг детства, попросил его исполнить свои песни на концерте, эта идея показалась Антону смешной, чересчур детской. Сочинял он еще со школы, да и в институте в любой компании был неизменным гитаристом — любимцем публики. Но одно дело петь перед компанией в десять человек, а другое — выступать перед целым залом. Но Сашка настаивал, просил, номеров в концерте не хватало, и Антон согласился. С тех пор он втянулся, поверил, что что-то может получиться, и увлекся не хуже Саши и Миши. Но, в отличие от них, считавших творчество главным делом своей жизни, а работу — вспомогательным, расставлял акценты с точностью до наоборот. Даже то, что в детстве он посещал художественную школу, впоследствии получило практическое применение. Антон закончил дизайнерские курсы, параллельно обучаясь программированию.

Может, именно потому, что его отношение к творчеству было не слишком серьезным, Антон стал пользоваться большим успехом. Теперь ни одного концерта без его участия и представить было невозможно. С Мишей он держался на некотором расстоянии, в близкие друзья не лез, в основном, задавал вопросы, желая услышать его мнение, но не споря, и не оглашая никаких своих выводов. Мишу несколько напрягал его закрытый характер, никто не знал, что у него на уме в данный момент. Правда, в песнях своих он выкладывался полностью, и по ним можно было судить и о его убеждениях, и, как ни странно, о влиянии на него Воронича.

Душой, главной движущей силой и бессменным руководителем был Мудродуров. Он утверждал, причем без капли скептицизма, что их ждет большое будущее. Идеологом Сашка назначил Мишу (точнее, друзья сошлись на том, что один умеет руководить, а другой — давать идеи), и доверял ему в этом вопросе полностью. Иногда ребята уставали от излишней активности своего руководителя, а также привычки балагурить и шуметь по любому поводу, но относились к нему с мягкой иронией и любовью.

Они трое, а со временем и Иринка, составляли костяк их «Гвардии». Ира обладала острым умом, схватывала идеи налету, привносила свои интересные сюжеты. Кроме того, отлично пела, у нее был красивый низкий голос, в концертах они с Антоном составили неплохой дуэт. Уверенность в себе и своих силах иногда совмещалась в ней с детской капризностью, но Ира всегда могла посмотреть на себя со стороны и посмеяться над собой. Остальные окружающие их люди частенько менялись, кто-то оставался, что-то делал, кто-то уходил, иногда возвращался.

Сейчас Миша с головой погрузился в новый сценарий. Ему поднадоели концерты, хотелось сделать нечто совсем другое, полноценный спектакль, который от начала и до конца являлся бы их творением, самобытным и новым. Когда сценарий был готов и начались репетиции, казалось, Миша не мог вообще ни о чем больше думать. На работе он глядел в окно и придумывал новые повороты и реплики, и не мог понять, как начальство еще терпит его после завала двух объектов, на которые он забыл поставить материал.

Спасибо Жанночке, как могла, прикрывала, полагая, что Воронич влюбился. Он не стал ее разочаровывать, тем более, новый спектакль захватил его так, как если бы это было влюбленностью. Народу не хватало, и он выступал то в качестве звукорежиссера, то помрежа, не говоря уже о том, что взялся играть одну из главных ролей, кстати, вместе Иринкой. За декорации взялся Антон, он же сочинил почти все песни к спектаклю.

Премьера была назначена на середину января. Казалось, они ни за что не успеют все нормально подготовить. Новогодние праздники провели в репетициях, радуясь, что наконец-то могут не отвлекаться на жизненные пустишки вроде работы и учебы.

***

С Ирой было легко и хорошо. Миша удивлялся, почему они не сошлись раньше. А, ну да, Антон же...

Она не любила выяснять отношения, не задавала ненужных вопросов. А главное, не навязывала ему никаких обязательств, да и сама в них совершенно не нуждалась, чувство собственности было ей чуждо. Мишу не покидало ощущение, что Иришка оставалась спокойным, доброжелательным спутником, «сестрой», причем, наверное, старшей. Правда, девушка она была с характером, умела поставить на место любого, могла обидеться на неудачное слово или разозлиться на ровном месте. Однако в отношении Миши ничего этого не происходило, ей даже немножко нравилось покровительствовать ему, чувствовать себя в чем-то старше, хотя и была моложе лет на семь.

Ирина училась заочно, но не в Москве, а в другом городе, и периодически уезжала туда на сессию или консультации. Отчим устроил ее на работу в Старо-Мещанске, что было не таким уж простым делом для их небольшого городка. Ведь большинство населения ездило работать в Москву. В пятницу или она приезжала к Мише в столицу, и тогда они проводили время, гуляя по городу, ходили в театры или на концерты. Но чаще всего он уезжал домой, и они виделись там. А на новогодние каникулы практически день и ночь были вместе. Поддержка Иришки — товарища и единомышленника, была неопенимой, да и просто наполняла его жизнь теплом и смыслом.

Маме, правда, Ира была не по душе. Она ничего не говорила, однако это чувствовалось. Так как Миша привык к искренности в отношениях с матерью, он сам вызвался на разговор, спросил мать, чем ей не нравится девушка.

Мама помолчала, потом сказала:

— Да нет у меня никаких претензий, к тебе она относится хорошо, ну и смотрите сами.

— Но что-то не так, я же чувствую?

— Просто это ненадолго, ты ведь сам знаешь. А главное не это. Буднично все как-то у вас. Я, наверное, старомодна, только любовь немножко по-другому представляю. Скучно. Ни ухаживаний тебе, ни романтики. Живут люди вместе, как будто сто лет.

— Не нужно мне сейчас никакой романтики, нет у меня сил на нее, — ответил Миша, подошел к матери и поцеловал ее в щеку. — Не волнуйся за меня, как раз сейчас у меня жизнь налаживается. Есть чем заняться, все отлично.

Он подошел к окну, открыл форточку и взялся за привычную уже сигарету.

Мать посмотрела с сомнением, но ничего не сказала. В кухню вошел отец, услышал его последнюю фразу и проворчал:

— У них вся жизнь теперь по ресторанам-театрам проходит. Мы с матерью деньгами не пылили, о будущем и о детях думали. Вы словно жизни не видите, для вас она — один большой праздник...

Михаил слабо улыбнулся. Праздник? Нет, это не то, что он сейчас чувствовал. Он ощущал хрупкое равновесие и дал себе слово беречь его всеми силами.

Глава 10

«Дура», — вот и все, что вертелось у нее в голове спустя время. Но она твердо знала, что ей легче быть душой и показывать самой себе на мозги (вообще-то другие тоже показывали), чем жить с тяжестью на совести. Анализировать, хвалить или ругать себя не хотелось.

Кончилась та история вот чем. Недолго думая, Вика сразу же вперлась в кабинет главбуха и принялась выяснять отношения, да так наехала, что Илларионовна скисла, заверила Вику, что ничего такого и не собиралась делать, и списала все... на Валины интриги. Из кабинета главши Вика с Илларионовной вышли лучшими подругами. На Валю смертельно обиделись обе. Илларионовна назвала ее предательницей. И, хотя по собственному желанию ее попросили, она бы уволилась и сама.

То, что все это случилось почти в середине декабря, перед самым Новым Годом, оптимизма не прибавляло. Поначалу была легкая паника и отвратительное, унижительное чувство, что ее выгнали. Большинство женщин из бухгалтерии глядели с осуждением, по странной логике жалея бедную больную Вику, которую прежде чуть не в глаза называли симулянткой. Валентина, по их версии, решила ее подсидеть.

Морально ей должно было быть легко, но оказалось, что чистой совести для душевного комфорта ей мало, и было тяжело перенести несправедливость. Обидно, что никто-никто не поверил и не поддержал. Но почему она ждала этого от людей? Валя искренне надеялась на поддержку от Бога, ведь она поступила правильно, но почему-то не ощутила ее. Может быть, она что-то сделала не так?

После того, как она осталась без жениха и без работы, появилось ощущение, что ее выгнали отовсюду. Нет, дома, наверное, ее бы все-таки поддержали. Но она замкнулась в себе и не стала рассказывать причины ухода. На Новый Год просто закрылась в своей комнате и легла спать в девять часов. Родители молчали. Валя понимала, что они ни в чем перед ней не виноваты и переживают за нее. Она не срывала на них зло, просто не могла сидеть с ними за праздничным столом и изображать веселье.

Настал период неуверенности в себе, старые страхи проявились сильнее, может быть, поэтому ей и не удавалось устроиться ни в одно из мест, куда она ездила на собеседования, да и рынок труда еще спал после десяти дней бестолковых, наполненных пустотой выходных. Валя старалась уходить из дома и гулять где-нибудь в центре, впрочем, в любимый прежде ЦДХ она не заворачивала, искала какие-то выставки, бродила по книжным магазинам. Финансовых затруднений не было, в семье никогда не делили денег на свои и чужие, но так не хотелось сидеть на шее у родителей. А дело затягивалось.

Бегая по различным собеседованиям в поисках новой работы, в автобусе она как-то встретила бывшую одноклассницу Ленку Стрельникову. Правда, учились они вместе только до восьмого, а потом Ленка, хотя и училась сносно, ушла в ПТУ. Скоропалительно вышла замуж, не менее быстро развелась, затем ни с того ни с сего вдруг проявила чудеса энергии и целеустремленности: окончила заочно институт, организовала свою турфирму, вкалывала в ней день и ночь, чтобы содержать маленькую дочку, рожденную, похоже, без мужа. Правда, потом их фирмочку поглотили, но хозяин питал к Ленке дружеские чувства и сделал ее управляющим директором нового филиала.

В школе Валя с Ленкой мало замечали друг друга, а тут вдруг обрадовались. Слово за слово, общаться было приятно, выяснилось, что у них много общего. Обменялись телефонами. Про поиск работы Валя специально ничего не говорила, не хотела напрашиваться на жалость или помощь.

Чтобы хоть как-то скрасить существование, Валя снова взялась за рисование и стихи. Впрочем, рисование никогда особенно не шло, а вот со стихами, как это всегда бывает в трудные периоды, пошло на удивление плодотворно. Она и раньше знала, что стихи плохо пишутся в благополучии. Вопреки ожиданиям, это была совершенно не любовная лирика. Валя боялась касаться этой темы, она была ей неприятна. Так, рефлексии, на тему жизни и веры.

***

В конце января вдруг объявилась Лена, та самая одноклассница. Честно говоря, Валя не ожидала ее звонка — после таких случайных встреч все договариваются созвониться, на этом все и заканчивается. Однако Лена позвонила и даже пригласила ее в гости в воскресенье. Повода отказываться не было, Валя была только рада провести время вне дома, тем более жила Лена в шести автобусных остановках.

Смешная лысенькая девочка, улыбчивая и не капризная, цепкими ручонками хваталась за прутья кровати и подтягивалась в первых попытках сесть. Это чудо

поразило Валу, вызвало прилив необычайной нежности и радости, как будто осветило всю ее скучную жизнь. Ленка, которой нехуденькая малышка уже оттянула все руки, с удовольствием откинулась в кресло, наблюдая, как Дашка удовлетворяет жажду познания мира с помощью новой тети, готовой развлекать ее бесконечно.

Потом ребенка уложили спать, уселись на кухне, и все никак не могли наговориться. Каждой хотелось поделиться с другой, рассказать всю свою жизнь. Валя почувствовала, что Лена, при всей ее внешней энергии и силе, нуждалась в помощи и утешении, очень одинока и замучена жизнью. Мама помогала ей, но она неважно себя чувствовала, ей было тяжело. Поэтому Валя, устыдившись за свое нытье, с радостью предложила немножко помочь, пообещав по возможности сидеть с малышкой, когда ее совсем уже не с кем будет оставить.

Зашла речь о крестинах Дашки, Валя испугалась, что ребенка до сих пор не крестили, и Ленка неожиданно пригласила ее в крестные. Близкими подругами они пока еще не были, поэтому Валя растерялась. Ей не очень-то хотелось брать на себя такую ответственность.

— Что я могу дать ребенку, чему научить? Кроме того, ты сама-то меня хорошо знаешь?

— Не волнуйся, знаю тебя достаточно. Лучше никого не найти. Никому больше не доверю, даже представить себе не могла, кого позвать, а тут тебя встречаю! Судьба! — резким и решительным голосом припечатала Лена.

— Вот только про судьбу не надо, — усмехнулась Валя.

Подумала и согласилась.

Расставались они неохотно, уже поздним вечером.

В понедельник Валя снова начала названивать по объявлениям, готовая выйти уже куда угодно и на любую зарплату. Наконец-то договорилась о собеседовании. В фирме, занимающейся продажей офисной мебели, требовался секретарь. Секретарь так секретарь, вернемся к началу, усмехнулась она про себя. По правде говоря, она уже и на это-то не слишком надеялась.

Фирма располагалась в центре, арендуя несколько комнат в здании бывшего НИИ. Несмотря на то, что организация была небольшой, в ней имелся кадровик, решивший отработать свой хлеб на сто двадцать процентов — щеголеватый молодой человек с крупной родинкой на подбородке, изображающий из себя гениального психолога.

Скептически оглядев ее — внешность да и возраст не секретарские, — он усадил соискательницу за стол и выдал анкету на десяти страницах. Неизвестно, из каких наработок человечества в кадровом вопросе исходил этот господин, составляя анкету, но видимо, постарался охватить все, что прочитал за свою сознательную жизнь. Среди составленных им вопросов самым конкретным был такой: «Что вы ожидаете от новой работы: а) денег; б) карьерного роста; в) радости труда в хорошем коллективе; г) повышения уровня своих знаний; д) уважения окружающих; е) способа проведения свободного времени; ж) хотите быть членом одной команды; з) заслужить доверие руководства; и) познания собственных возможностей; к) творчества...»

Дойдя до вопроса номер восемнадцать: «Каковы ваши религиозные убеждения и какую роль они будут играть в вашем отношении к работе? (выполнение распоряжений начальства, религиозные праздники, отношение к работе, отношение к сослуживцам, деловитость и опрятность внешнего вида и рабочего места), Валя отложила в сторону ручку, встала и, взяв со стула пальто, двинулась к выходу.

Навстречу ей в дверь входил немолодой полный мужчина в дорогом, но не слишком ладно сидевшем на нем костюме. Вале пришлось посторониться и сделать пару шагов назад, так как человек заполнил собой весь дверной проход, а в кабинет не проходил. Активный кадровик тотчас выскочил ему навстречу и начал тараторить что-то, отчитываясь в своем нелегком деле поиска достойных кадров. Раздраженно махнув рукой, директор (а это был, по всей видимости, он), посмотрел на Валу:

— На какую должность?
— На секретаря, — услужливо подсказал кадровик, интонационно намекая — мол, знаю-знаю, она вам не подойдет, и строго глядя в Валину сторону, спросил у нее:
— Вы что, уже все заполнили?
— Нет, я ухожу. Мне у вас работать расхотелось.
— А почему, позвольте спросить? — в глазах директора мелькнуло любопытство.
— У вас идиотская кадровая политика, а анкету составлял маньяк-недоучка, — заявила Валя, которой уже нечего было терять.
За этот месяц у нее накопилось немало злобы на всех этих работодателей, за собственные вежливые улыбки, расшаркивание, попытки понравиться.
Щеголь-кадровик чуть не задохнулся от возмущения. Однако директор расхохотался и взял со стола не заполненную до конца анкету:
— А какое у вас образование? Высшее, бухгалтерия? И ВУЗ солидный. Почему в секретари-то рветесь? Мне нужен хороший экономист со знанием бухучета, фирма у нас небольшая, так что надо будет совмещать ряд вопросов, в том числе и администрирование. Так что давайте-ка, пройдемте лучше ко мне, там и поговорим.

Глава 11

Воронич сидел в офисе и попивал чай, приготовленный заботливой Жанной. Улыбался про себя: ей все еще кажется, что его состояние внушает опасение. Чем-то она напоминала ему маму. Впрочем, основные объекты на работе, тянувшиеся еще с осени, были закрыты почти без его в том участия, и наступал период «спячки», скорее всего, до марта, когда пойдут новые заказы. Перед глазами лежала программка их спектакля и радовала глаз.

Все прошло, как во сне. Только эта программка и напоминала теперь ему, что спектакль действительно был. Премьера состоялась. И состоялась удачно, причем настолько, что ребята даже не ожидали. Все находились в полушоковом состоянии — планировали три спектакля, и все прошли на «ура». И перед третьим никому уже не снились страшные сны про то, как он забыл текст или опоздал к началу, или — самое ужасное — совершенно пустой зал. Мало того, образовался неплохой сбор, ничуть не хуже концертного.

Пора было начинать не проедать гастрольные деньги, а вкладывать их во что-то серьезное, возможно, в аренду помещения в столице, разумеется, с кем-нибудь на паях. Театр, отказавший им в предоставлении площадки, снова проявил интерес, и надо было вести переговоры, причем кому-то, кто знал бы финансовую сторону дела. Финансы не были Мишиным коньком, поэтому он предоставил ребятам действовать. У него уже появились новые идеи. Но почему-то заставить себя работать над ними не получалось. В наступившей после-стрессовой тишине мозги отказывались включаться.

Мама оказалась права — отношения с Ирой сошли на нет так же легко и непринужденно, как и начинались, причем безо всяких переживаний с обеих сторон. Даже слово «перегорели», которое она употребила, рассказывая тогда про Антона, не подходило, так как никто и не «горел». Мишу все это время несколько тяготило даже не то, что он не ощущал никакого особенного романтического подъема, а скорее то, что Ире, похоже, этого и вовсе было не надо.

Они увлеченно работали над подготовкой к спектаклю, когда же спектакль был сдан, новой темы для близкого общения так и не нашлось. Они реже встречались, все чаще придумывали отговорки, помогая в этом друг другу. В начале февраля Иринка, ни капли не смущаясь, долго рассказывала Мише по телефону подробности своего нового романа с молодым преподавателем. Миша даже дал ей пару житейских советов и с облегчением повесил трубку. Тишина наступила и в личной жизни.

— Выпил? Давай чашку помою, — зашла к нему Жанна.

— Сам помою, спасибо тебе. Слушай, а кофе у нас есть?

— После чая сразу кофе? Ты вроде бы кофе не пьешь? Я на обед, пойду прошвырнусь немножко, — сообщила Жанна, надевая дубленку. — Ты здесь будешь?

— Да, посижу, покопаюсь в интернете...

Даже выходить на улицу не хотелось... Жанна ушла, и он остался в офисе один — все правильно, даже если начальство в разъездах, хоть один вахтенный должен оставаться на месте. Нерешительно протянул руку к телефону. «Главное, это не думать, что сказать, может быть, просто послушать голос, убедиться, что все у нее в порядке...» Рука сама нажимала кнопки на телефоне, набирая городской номер — оказывается, он помнил его наизусть. Трубку подняла женщина.

— Здравствуйте. Валентину Анатольевну можно?

— Это еще кто такая?

— Ильинская.

— А, так она уже давно здесь не работает.

— Спасибо, извините.

Короткие гудки — сплошные короткие гудки... можно позвонить по мобильному... нет, нельзя. Он сам удалил ее номер — тогда, в первый вечер, когда у него осталась Ира. Решил, что пути назад нет.

Миша встал, закурил в форточку, хотя знал, что девчонки будут ругаться. Все произошло неожиданно. Пустота надвинулась на него откуда-то сверху, неотвратно, она была почти осязаема — темная, густая, непрозрачная туча. Она наваливалась, перекрывая воздух, стало невозможно дышать. Уже в следующую секунду он понял, что с ним происходит, попытался нащупать стул, но в глазах потемнело, и Миша провалился во что-то вязкое, липкое, тошнотворное...

***

Когда он очнулся, все вокруг было другим. Свет был тусклым, но дышать стало легче. Кажется, Михаил находился внутри просторного автомобиля. Рядом сидела женщина в белом халате, с грубоватым мужским лицом с черными усами над верхней губой. «Неотложка, наверное, Жанна вызвала, какая чепуха, разве от этого можно уехать...» Женщина, увидев, что он очнулся, произнесла хрипловато-ласковым голосом:

— Ну, вот и хорошо. Постарайся не спать, сейчас уже приедем.

Однако глаза закрывались сами собой, хотя Мише казалось, что голова его совершенно ясная, она даже ни капельки не болела, как тогда. Он спал, и во сне думал про все так же четко, как если бы бодрствовал. Решал какие-то срочные проблемы. Кажется, опять эта молоденькая актриса путает текст, надо сказать Мудродурову... Да нет, это же Валя, но что же она несет со сцены — полную чушь: «Я выхожу замуж за Пашу, таксиста. У нас уже ребенок есть, ты знаешь... Ты должен быть свидетелем». И смотрит — не в зал, а на него, как будто не репетировали сто раз... Он попытался подсказать ей слова, но губы не открывались, слиплись. Потом сон стал уже совсем непонятным, почему-то привиделась лоснящаяся физиономия Оскара. «Так это и есть новый друг Иришки», — удивился во сне Миша, и опять провалился в черную липкую пустоту...

***

— Ты просто переволновался. Всю душу вложил в этот спектакль, — ребята сидели в палате вокруг него.

Он засмеялся, и сам испугался своего истерического смеха. Все молчали, не зная, о чем говорить дальше. Ирина посмотрела на него со страхом, потом отвернулась,

притворившись, что разглядывает свежеразкрашенный потолок. В палате было уютно, на окошках — веселенькие занавесочки в цветочки. За окном — небольшой парк с заснувшим на зиму фонтанчиком, ребята говорят, здесь даже приличная кафешка, в соседнем корпусе... Никаких тебе белых обшарпанных стен и отвратительного забора.

Клиника неврозов в центре Москвы, на Шаболовке, ничем не напоминала ту, другую больницу. Ароматерапия, музыкальная терапия, лечебная физкультура... И все же... Ощущения были те же. Он выпал из реальности в черную дыру, а вот так называемая «гвардия» этого не понимала, не могла понять. Тревожно-изучающе смотрел Сашка, настороженно — Антон. Они были чужды Мишиному состоянию, хотя, по-видимому, догадывались, что он не с ними... Сейчас все воспринималось Вороничем через призму какого-то математического, жесткого тумана, где существуют только «плюс» и «минус», без эмоций. Миша смотрел на их лица, и не хотел их видеть, ждал, когда же они уйдут наконец...

Ребята пытались сгладить неловкость, шутить и что-то рассказывать, но тревога не исчезала из их взглядов. Впрочем, Вороничу было все равно, и он даже пальцем не пошевелил, чтобы разрядить ситуацию. Уже выходя из палаты, все столкнулись с его матерью, и Миша автоматически заметил растерянно-извиняющийся взгляд Ирины и излишне холодный мамы. Но даже ее видеть сейчас не хотелось, и особенно потому, что она понимает все лучше других. Ее нужно было успокоить, облегчить ее переживания. Ничего этого сделать Миша не мог и не хотел. Как же они не понимают, что никто не может помочь. Леденящий страх сидел под сердцем — в любую секунду оно может снова догнать, нахлынуть, и от этой черной волны никуда не спрячешься. Он принадлежал этой пустоте, лишь она сейчас имела на него права...

***

Через пару недель Михаил стал приходить в себя. Страх больше не поджидал его за каждым поворотом. Зато вернулись мучительные головные боли, причем, с ними он знал, как бороться. Как только появились моральные и физические силы, Миша начал делать упражнения по их совместной еще с отцом Владимиром методике. Но тоска не уходила. Как раз сейчас-то и нужен был кто-нибудь из той, нормальной жизни. Ребят он не винил, он прекрасно знал, как они старались быть рядом, и как это было нелегко при полном отторжении с его стороны. Но у них были собственные дела, да и ездить из Старо-Мещанска в Москву было достаточно накладно. Поначалу они навещали его через день, а теперь кто-нибудь заходил раз в неделю. Кто-то иногда звонил на мобильный, задавал отвратительный вопрос: «Как ты себя чувствуешь?» и Миша отвечал скучным голосом: «Да все уже в норме, скоро выйду».

Вернулась ясность мыслей, вспомнились заботы — как теперь будет с работой, например, или догадается ли Жанна, что документы он переложил в зеленую папку.

И вдруг появился Антон. Пришел и принес с собой кипу бумаг. Он не стал спрашивать про самочувствие, а начал сразу в лоб:

— Не надоело отдыхать? Я тут без тебя совершенно зарылся. Помнишь идею с постановкой Пристли? Сашка скинул на меня, ты уж извини, но раз ты придумал, тебе и отдуваться.

Антон говорил так, словно у Воронича был легкий насморк. Идея с Пристли... Она и идеей-то еще не была, так, как-то обмолвился при Антоне. Миша прекрасно понимал, что никакой Мудродуров не мог заставить Егорова работать над какой-то мифической, едва названной идеей. Но Антон говорил про это так, как если бы все сто раз обсуждалось.

— Здорово. Но я не смогу ничего написать, у меня под рукой ни литературы нет, ни компьютера. Да и просто нет сейчас сил душевных...

— Ничего не знаю. Комп я тебе принес, — Антон достал маленький дорожный ноутбук. — Что касается литературы — заказывай. А я к тебе буду приходить после работы, не возражаешь против совместного труда? Условия тут у тебя замечательные, прямо дворец писателя: твори — не хочу.

***

В конце зимы, выйдя из больницы, Воронич взял на работе отпуск и уехал на пару недель в Одессу, в город своей мечты. В Москву он вернулся отдохнувшим и немного удивленным, шо здесь не знают украинской мовы. Сразу же поехал в Свято-Мещанск, где за один вечер написали пару сценариев к концертам и одну пьесу. И закрутилось по новой — выступления, клубы, «ДэКашки»...

Сценарий по рассказу Пристли «Другое место», созданный за время, проведенное в больнице, после выхода из нее был отложен, спрятан в долгий и дальний ящик. Для полноценного сценария, который можно было бы запустить в производство, работа грешила избыточностью чувств, слишком большим надрывом, с которым Миша отнесся к материалу. Но свою роль эта работа сыграла.

Трудясь над пьесой, Миша вывел из своего подсознания все, что старательно пытался замазать в эту зиму новыми красками. Эти нарочито яркие краски ложились на негативный черный фон, перемешивались с ним, становясь грязно-бурыми, но Миша продолжал ничего не замечать, пока, наконец, черный не одержал реванш, завладев всей картиной... Рассказ, который Миша вспомнил в момент расставания с Валей, как нельзя лучше подходил ему для осознания происшедшего. При работе над сценарием особенный акцент он сделал на потере предназначенной герою женщины, несколько оставив в тени духовную линию.

А теперь не хотел уже к этому возвращаться, поэтому и попросил Антона ничего не говорить ребятам про готовый сценарий. Миша боялся уговоров, так как в процессе работы Антон был увлечен не меньше его, а результат называл гениальным. Жалко было его разочаровывать, Егоров так сильно старался. Не глядя Антону в глаза, Миша объяснил, что, когда в вещь вкладывается избыток реальных чувств, получается, как ни странно, неестественно. К удивлению Воронича, Антон легко согласился забыть про работу.

Кстати, единственным не прописанным местом в пьесе остался эпизод в аэропорту — герой встречает предназначенную ему женщину, но изменить ситуацию уже нельзя, все изначально нарушено, в этом мире она совершенно чужая и принадлежит кому-то другому. Это место рассказа сильно отозвалось в Мишиной душе, но поскольку такая встреча в жизни была совершенно не реальна, он оставил эпизод сырым, набросав лишь пару абзацев. Начинались они так: «Прошло три года...»

Эпиграф: «Прошло три года»...

ЧАСТЬ 2

Глава 1

Пока Ленка произносила какие-то общепринятые для знакомства слова, Валя молча разглядывала обросшего бородой Воронича. Как всегда предательски задрожавшие руки спрятала в карманы длинного пальто.

— А мы, кажется, знакомы, — нехотя произнесла она, когда пауза совсем уже затянулась.

И вдруг засмеялась: ее дура-судьба, кажется, с маниакальной решительностью кружится на одном месте. А может, попросту забавляется? Ну уж нет, хватит. Она больше не станет, как маленькая, цепляться за это надоедливые совпадения и случайные встречи.

— Очень смешно, — глухо сказал Михаил.

Его глаза, раньше такие живые и говорящие, были опущены в пол, и ничего нельзя было прочитать в них.

Похоже, он боялся, не скажет ли Валя лишнего. Однако именно благодаря его замешательству она быстро пришла в себя, голос стал веселым и уверенным.

Повернувшись к изумленной Ленке, она объяснила:

— Встречались как-то несколько лет назад.

— Если точнее, три года, — буркнул Воронич, словно не желая принимать навязываемые правила игры.

Валя уже несколько лет работала на новом месте, и была, по большому счету, довольна. Правда, зарплата — несколько ниже, чем раньше, но и обязанности оказались не слишком обременительными. Работалось легко, народ оказался приветливым, особенно по сравнению с прежним, бухгалтерским. Даже фронт-кадровик вел себя по отношению к ней уважительно и явно заискивал. Похоже, он подозревал ее в связи с директором, но Валя не обращала на это внимание.

Директор действительно относился к ней очень хорошо, даже слишком, и сначала ее это напрягало, но шеф никогда не переступал пределов допустимого. Роста зарплаты не предвиделось, не из-за вредности руководства, а из-за небольших оборотов. Валентина помогала главбуху в текущих вопросах, а фактически вела всю финансовую работу, да и многие организационные вопросы плавно перешли под ее руководство. Так что симпатии директора объяснялись высокой оценкой ее деятельности. Сначала работать было интересно, но потом все стало рутинным, появилось свободное время, а от него, как известно, больше всего и устают.

Лена предлагала ей перейти в ее фирму, но Валя не решалась, боясь испортить отношения. Да и зачем менять шило на мыло. И оказалась права. Ленкина фирма накрылась, и она засела на какое-то время дома. Дашка стала часто болеть, один раз они даже лежали с ней в больнице... Тянули кое-как, на прежние сбережения, пенсию бабушки и даже Валину помощь. Иногда подруга подрабатывала дома, берясь за все, что только можно — работу на телефоне, интернет-рассылки. Устроить к себе Валя ее не могла — у них всегда было ограниченное количество работников.

Удивительно, но властная и решительная Ленка по отношению к Вале вела себя очень трогательно, с уважением и даже немножечко снизу вверх. Причину такого отношения Валя понять не могла. Крестницу свою, Дашку, она обожала. Вся ее неиспользованная нежность вылилась на малышку. Когда ребенок растет на твоих глазах и руках, и ты вытираешь ему сопли и сажаешь на горшок... В общем, Валя считала Дашку родной, и Ленка ничего не имела против.

Иногда, целуя девочку, Валя жалела, что не вышла за Руслана. Родила бы себе малыша, и наплевать на всех мужиков. Дашка тоже души в крестной маме не чаяла и

каждый выходной ждала, «когда Валя пхидет». Вале только не нравилось, что Ленка, кажется, стала воспринимать ее как источник правильных жизненных решений.

— Нашла кого превращать в идеал, — сказала она как-то со злостью.

Но на вопросы всегда отвечала — так, как ей казалось верным. Как могла...

Иногда она со страхом, чуть ли не в холодном поту видела свою жизнь со стороны, ощущая ее мимолетность. В эти моменты больше всего ощущалось собственное бездействие, невыполнение чего-то самого важного, отсутствие воли сделать хоть что-то для спасения своей души.

Эта инерция, с которой Валя прокатывалась по жизни, вызывала ужас — подъезд, метро, диван, автобус, телевизор — замкнутый круг, ускорение которого с каждым годом становилось все невыносимее. Иногда даже идея стихотворения терялась только из нежелания записать его, вот в этот момент, сейчас. Это все были банальные, известные каждому вещи, но от этого они не становились менее страшными лично для нее. Видеть свою участь, бояться ее и не шевельнуть ни рукой, ни ногой, чтобы ее избежать. Господи, спаси мою душу, на что еще уповать мне, как ни на милосердие Твое? Или не имеют права такие, как я, уповать на Твое милосердие? — увы, именно эта молитва оказалась для нее теперь самой актуальной.

И это не говоря еще о чисто житейском страхе, что жизнь проходит, а у нее — ни семьи, ни детей. И с каждым годом надежда на личное счастье все больше превращается в туман, который скоро рассеется окончательно. Ленка-то — у нее все иначе. Во-первых, у нее есть дочка. А на мужчин у нее выработался иммунитет. И хотя желающие были, ни с одним из них подруга долго не встречалась. У Вали же на горизонте вообще был полный штиль. Она даже не могла сказать, о ком бы мечтала, потому что никаких авансов, кроме самых глупых, ей не поступало.

Было привычно и, если честно, даже как-то успокоительно думать, что они с Ленкой потерпели неудачи в личной жизни вместе. Но в какой-то момент у Ленки вдруг что-то изменилось, Валя сразу это почувствовала. Пару месяцев назад подруга, наконец, нашла на нормальную работу, устроила Дашку в садик. Валя была очень рада за подругу, но с тех пор Ленка заметно отдалилась, встречаться они стали реже, и это не было связано только с занятостью.

Валя предчувствовала, что их общее одиночество скоро закончится. Ничего не спрашивала, знала: если захочет, расскажет сама. Однако подруга молчала, что было особенно странно, ведь тайн у них друг от друга не было. Ленка изменилась и внешне, больше не стриглась «под мальчика», отрастила локоны до плеч, а неизменный черный свитер сменился милыми блузками. Она даже купила несколько платьев!

Внешние изменения и стали поводом для разговора. Лена начала говорить про шмотки, пытаясь объяснить свой новый подход к одежде, и даже взялась агитировать подругу тоже «заняться наконец собой». В итоге Валя не выдержала:

— Займусь, займусь, когда будет ради кого... как у тебя. Можешь, конечно, и дальше ничего не рассказывать, но уже как-то обидно становится...

Та усмехнулась:

— Да ты смеяться будешь...

— Ну уж, если над твоим последним Толиком из автосалона не смеялась...

— Тут другое совсем. Ты не поверишь.

— А если попробовать?

— Я влюбилась.

— Ну, это и ежу понятно.

— Да нет, я очень сильно влюбилась. Очень сильно. Все как нельзя серьезно, — и взгляд Ленки стал твердым и немножко грустным.

Валя, хотя и подозревала, что все не просто, не поверила ушам своим:

— Чего?! А Кто он?

— Поэт, — необычно тихо и восторженно ответила та. — Ну, или артист. У них театр свой, ставят пьесы необычные. Я, конечно, ничего не поняла, хочу, чтобы ты посмотрела. Ты же в этом больше разбираешься.

— С ума сойти... Ты и поэзия, театр... — села Валентина.

— Ну, он понятно, не творчеством на жизнь зарабатывает. Точнее, недавно начали и творчеством тоже... Валь, я таких еще не встречала... И страшно — а вдруг все закончится? Слово мир для меня разделится: простой наш быт, работа, и он, его круг общения. По-моему, он действительно меня любит. И считает маленькой и беспомощной. Представляешь — это меня-то!

— А про дочку ты ему рассказала?

— Конечно. Он хочет познакомиться с Дашкой. Я, правда, пока не спешу...

Валентина вздохнула озабоченно:

— Да уж, что зря ребенка травмировать. Уж больно все идеально получается. Не верится мне что-то.

— Сама боюсь верить, — призналась Лена. — Деньги, сама знаешь, мне не нужны, а вот что-то настоящее...

— Какие-то сказки... И что же в нем замечательного такого?

— Да сама увидишь. Кстати, действительно сказки — со сказки все и началось...

И Лена выложила подруге следующую историю.

***

Первый день на новой работе — она, разумеется, нервничала. Тем более что многое позабыла и очень боялась не вписаться. К туристическому бизнесу фирма не имела никакого отношения. Но Лена была так рада, когда ей позвонила жена брата и рассказала, что в фирме ее знакомого освободилось место.

Но сегодня голова шла кругом — новые лица, ничего не говорящие термины и названия, молодой шеф, к которому постоянно ходят люди. Он даже не успел нормально ввести ее в курс дела.

— Вот твое рабочее место... Разберись пока с этими папками, поройся в компьютере, почитай документы. А после обеда обсудим все вопросы, которые у тебя возникнут, — шеф кивнул ей на столик у окна и вернулся в свой кабинет.

Ладно, сейчас она попробует хоть что-нибудь понять... Вот папки. Что тут у нас... Поставщики... Клиенты...

Но пока ее никто не трогал, так что вскоре, спокойно и методично разбираясь в делах, Лена успокоилась. К обеду в голове прояснилось, примерная ситуация стала ясна. Она убедилась, что за эти три года не успела ни поглупеть, ни потерять хватку. Да и сложного, кажется, ничего не было. По крайней мере, теперь у нее были конкретные вопросы, которые можно было задать начальнику.

Тут он появился сам:

— Так. Ты еще не обедала? Подожди, тут срочное дело есть. Надо сделать список всех клиентов за последние несколько лет — с примерным ассортиментом товара, короче, посмотреть прошлые наработки.

— Но это же надо поднимать все договоры? Это к какому времени?

— Вчера, как говорится. Знаешь что, поройся-ка у Миши в компьютере — он наверняка вел такой список.

— Папки есть, а списков не видела...

Лена снова впала в легкую панику. На обед решила не ходить, принялась искать нужные файлы, но ничего похожего на реестры клиентов не находилось. Она просматривала все документы подряд — ничего. Значит, надо делать заново, самой. А для этого придется прошерстить каждую папку, а потом еще свериться с бухгалтерией — вдруг чего не хватает.

Шеф уже несколько раз выглядывал из кабинета, узнать, как подвигаются дела.

— Не нашла, буду делать заново, — коротко сообщила она. — Наверное, этот парень все стер.

— Да нет, с чего бы это? Расстались мы нормально, он сам нашел другую работу, все дела передал. Сейчас поищу его телефон... Вот, звони... — и шеф продиктовал ей номер.

Но в телефоне шли длинные гудки.

Лена снова сунулась в компьютер. Она и так, и сяк запрашивала поисковик, что только не набирала: «список клиентов», «реестр», «перечень», просто «клиенты» и «база данных» — все бесполезно... Она снова вернулась на диск «Д», и вдруг... Список обнаружился в папке под названием «Оно того не стоит», которую она послушно игнорировала. Причем почти в том виде, в котором ей было нужно. Лена даже выругалась про себя. Ну и Миша! Вот идиот!

Файл со списком клиентов у этого больного на всю голову господина назывался «Людоедушки». Лена распечатала документ, и от любопытства начала открывать все остальные файлы. Поставщиков сей любитель образного мышления Миша закодировал, как «Обдирал», а переписку по спорным вопросам назвал «Сутяжничество». Так-так, интересненько... А что же тогда скрывается под названием «Сказка» — полученные за товар деньги?

Но, открыв файл, Лена тупо уставилась на текст. Кажется, это действительно была какая-то сказка. Наверное, скачано из интернета. Он тут еще и читать успевал, во дает. Ладно, надо отдать список шефу, и сходить все-таки в буфет, а то ей не хватит сил до конца рабочего дня.

После обеда Лена, дожидаясь, когда шеф освободится от очередного посетителя, открыла «Сказку» и стала читать. Первые же слова увлекли ее и понесли куда-то очень далеко. Ей казалось, что она читает то, что всю жизнь хотела бы прочитать, просто не было такой книжки. Каждое слово грело, каждый герой был близок сердцу, а когда она добралась до конца, то поняла, что готова заплакать... Ошеломленная, она сидела за столом. И когда шеф, наконец-то, позвал ее, не сразу поняла, где она и что от нее хотят...

Позднее, сосредоточившись на работе, Лена несколько забыла свои впечатления от прочитанного, оставив себе мысленную «зарубку» — узнать, кто автор.

Вечером, укладывая малышку спать, Лена вспомнила сегодняшнюю сказку... А сказка-то эта не для детей вовсе, поняла вдруг она. И где он ее взял, этот Миша? Надо будет позвонить ему, задать пару вопросов про работу, а заодно спросить... или неудобно? Скажет, рылась в его файлах... Это же не имеет к работе никакого отношения. «А завтра пороюсь еще! — решила Ленка. — Вдруг найду еще что-нибудь того же автора».

«Порыться» в Мишиных документах ей удалось нескоро. Работа навалилась на нее всем телом, и первые две недели, были, конечно же, ненормальными... Слава Богу, шеф не давил, информация уже спокойно укладывалась в голову, да и в коллективе нашлось несколько человек, готовых помочь. Как, впрочем, и тех, к кому обращаться было бесполезно — не менее ценный опыт.

Наконец, настал момент, когда в рабочем дне даже появились паузы — сначала для чаепития, а потом и для интернета. Это говорило о том, что дела наладились. Она вспомнила про сказку и свое решение отыскать автора. Но тщетно она набирала в поисковых системах цитаты — в интернете книга не находилась.

Тогда Лена снова залезла на диск «Д» и обнаружила там еще много чего интересного. Несколько небольших рассказов, какой-то длинный роман — это она решила почитать позже. Поразило другое — один из файлов назывался иронично: «Попытки». Там были стихи. Но не скопированные откуда-то. Судя по количеству вариантов, повторениям, незаконченным началам — это было что-то вроде рабочей тетради поэта, в которой он сочиняет, правит, зачеркивает. Значит, этот Миша и был автором стихов. А что если и сказку он тоже сочинил сам? Так что же это за Михаил такой?

Ленка была заинтригована. Спрашивать шефа она не рискнула, спросила у девушки, с которой ходила теперь на обед:

— Тань, а что это за парень до меня работал, не знаешь, почему уволился?

Симпатичная невысокая девушка из отдела кадров пожала плечами:

— Да парень, как парень... Обыкновенный. Приветливый, улыбнется всегда, но я его плохо знала. Кажется, нашел работу получше. Что-то говорил, мол, пора заняться своим делом.

— А какое у него «свое дело»?

— Не знаю... А что, почему ты спрашиваешь?

— Да так просто... Сижу вот за его столом и за его компьютером — интересно стало.

— А он, кстати, прийти к нам должен, мы ему неправильно отпускные насчитали, так надо разобраться.

— Тань, он когда придет, позови меня, пожалуйста, или скажи, чтобы заглянул... У меня к нему по работе много вопросов накопилось.

Она уже почти забыла про этот разговор, когда в одну из пятниц к концу рабочего дня в их кабинет вошел невысокий парень, представился:

— Здравствуйте, я Михаил. Вы хотели меня видеть?

— А, да... у меня были вопросы к вам... сейчас...

Растерявшись, она принялась переключать бумаги на столе с места на место.

— Что, я где-то напортачил? — он улыбнулся.

Лена никак не могла решить, как с ним себя вести. Обычно уверенная и даже резкая в отношении с мужчинами, «мужиками», как она выражалась, сейчас она не знала, что сказать. Во-первых, она никогда не встречала людей, которые что-либо сочиняли, у нее всегда был другой круг общения. Нет, ее лучшая подружка тоже сочиняла стихи, но это выглядело скорее романтичными забавами. А для парня, похоже, все это по-настоящему серьезно, в отличие от поставщиков-обдирал и клиентов-людоедушек..

С другой стороны, при ином раскладе, на этого Мишу она бы даже и не взглянула — непредставительный он какой-то, не в ее вкусе.

Парень выжидающе смотрел на нее. Улыбка у него приятная, подумала Лена.

— Да нет, я просто искала списки клиентов, никак не могла найти в ваших файлах. Но я уже все нашла. Я теперь сама готова называть клиентов «людоедами», — она рассмеялась.

Миша, кажется, смутился...

— Ах, да, я там немножко фокусничал. Не хотелось, знаете ли, слишком серьезно ко всему этому относиться, а то меня тоска брала на этой работе... Нет-нет, говорю только про себя, вы не подумайте, здесь неплохо.

Он преткнулся. Она поняла, что он вспомнил, что оставил в компьютере кое-что еще. Непродуманный он какой-то. Другой бы все стер, уходя, а он явно забыл.

Миша особым образом пожал плечами и усмехнулся:

— Вы там удаляйте всякую ерунду, что не по работе. Извините, забыл за собой почистить.

— Ничего себе ерунда! Там такие вещи замечательные есть... — вырвалось у нее.

— Правда? — обрадовался Миша, — А что именно?

— Мне сказка необыкновенно понравилась, — откровенно сказала Лена, — если честно, никогда такого чуда не читала.

— Да уж... — еще больше смутился парень, но улыбка у него стала еще шире. — Вашими бы устами — да мои бы критики заговорили...

— Так это правда, это вы сами написали?

— Ну да... — он снова повел плечом, словно сам себе не доверяя и засмеялся собственным мыслям:

— Советую меня прогнать прямо сейчас, а то я, как истинный графоман, начну пытаться вас до полусмерти, что вам понравилось и почему...

— А где вы сейчас работаете? — не унималась Ленка. — В журнале каком-нибудь? У вас литературное образование?

— Нет, у нас с ребятами наконец продвинулись театральные дела... Ну, и появилась возможность стать «освобожденным режиссером».

— Здорово! А вы не пригласите меня в этот театр?

— Конечно, приглашу, с огромным удовольствием!

— А ничего, что я сама напросилась? Я наверное, слишком прямо все говорю. Я сама ни к чему такому отношения не имею... Но мне действительно интересно.

— Это отлично, — внезапно посерьезнев, сказал Михаил. — Это очень хорошо, что вы говорите все прямо. Не представляете даже, насколько.

***

Валентине очень хотелось порадоваться за подругу, но она беспокоилась: слишком уж все хорошо. Не вляпалась ли Ленка во что-нибудь? Она совершенно не разбирается в людях. Забавно, что именно ей попался такой творческий, неординарный человек. Но только что подруга в этом понимает? Этот Миша, — имя, кстати, по вполне понятным соображениям, Вале сразу не понравилось, — может оказаться обычным графоманом или просто не от мира сего. Творческая натура, театр, поэзия... Не надежные господа — эта богема.

Однажды вечером Ленка позвонила и сообщила не терпящим возражений тоном:

— У Миши завтра вечер в театре, премьера. Я сказала, что приду с подругой.

— А меня спросить забыла? Лен, я не очень люблю эти авангардные пьесы... Ты же знаешь, хожу только на проверенные спектакли.

— Да погоди ты, — Лена сразу сбавила тон, зная — если на Валю давить, можно достигнуть противоположного результата. — Это совсем не то, что ты думаешь. Ну, пожалуйста, пойдем, я уже сказала, что моя лучшая подруга придет. И потом, должна же ты с ним, наконец, познакомиться. Мне твое мнение интересно.

— А если мне не понравится?

— Что — спектакль или Миша?

— И то, и другое.

— Ну, про спектакль — дело твое. А Миша... я расстроюсь, конечно. Но любить его не перестану.

Прозвучало это довольно пафосно, и немножко даже задело — значит, на ее мнение Ленке плевать... хотя... наверное, это правильно. Что это за любовь, если она зависит от мнения подруги? Вот только как быть, если Миша окажется прохиндеем?

Но, в любом случае, надо уже посмотреть на это чудо, ради подруги.

В назначенный день, оставив Дашку с Ленкиной мамой, они отправились на мероприятие. Валя почему-то шла скрепя сердце, но Ленка была неумолима. Доехав до конечной, они вышли из метро, дошли до небольшого здания, спустились по стилизованной под старину лестнице в полуподвальчик и оказались в довольно уютном помещении. Навстречу им вышел мужчина, и Ленка протянула к нему руки.

Ну, вот тебе и Миша, здарсьте, приехали.

Глава 2

К совершенно понятному шоку примешивалось еще и непонимание — это именно он тот самый Ленкин поэт и артист? С каких, интересно, пор?

Наконец, его тоже покинул столбняк, и он сказал уже более непринужденно:

— А ты хорошо выглядишь. Ничуть не изменилась, прости уж за банальность. Ты, кажется, уволилась с той работы?

— Да, — коротко ответила Валя, недоумевающая, откуда он знает.

— А как семья, ты, кажется, замуж собиралась?
— Тебе много кажется, — отрезала она, не удержавшись.
— Ты собиралась замуж? А мне ничего не рассказывала, — встряла Ленка.
Ее глаза становились все шире и шире.
— Я не вышла замуж, вот и нечего рассказывать было.
— Не вышла? А почему? — вырвалось у Михаила.

«Не волнуйся, не из-за тебя», — захотелось отбрызнуть его Валентине, но пожалела Ленку.

— Так получилось.

Пауза затянулась, и Валентина быстро произнесла:

— А о чем твой спектакль? Ты давно этим занимаешься? Я и не знала, что ты имеешь отношение к театру.

***

— Так вы знакомы? Расскажи поподробнее, тут что-то у вас не так все просто, — забеспокоилась Лена, когда они, сидя в первом ряду, ждали начала спектакля.

— Обычное знакомство по работе, ничего такого.

Неприятно врать Ленке, но что поделаешь.

— А что ты знаешь о нем, у него кто-то был? Расскажи все-все.

— Да нечего рассказывать, знаю о нем только то, что человек хороший. Близко не общались. Даже не подозревала, что он артист. Я знала его, как менеджера.

— Но ты тоже поняла, что хороший, правда? — не успокаивалась Лена.

— Даже очень. Но закрытый, хотя искренний и интересный собеседник.

— Ага, значит, общались, да?

— Да так, на общие темы.

Ленка неохотно замолчала — начинался спектакль. А Валентина не могла понять, что чувствует. Опять — неожиданная встреча. Детский сад! — заявила она своей судьбе. И устала на сцену.

Постепенно происходящее на сцене заняло ее. Пьеса была по сказке Шварца, Михаил не играл, но чувствовалась его рука, отпечаток его интеллекта, которым насквозь был пронизан спектакль. Кто только не ставил Шварца! Но в пьесе она заметила несколько интересных находок, а еще отметила замечательную музыку и стихи. Когда все закончилось, она вполне искренне сообщила Лене и подошедшему Мише, что ей понравилось.

— Я рад! — сказал он, и добавил заговорщически:

— Не вздумайте расходиться. У нас сейчас еще застолье будет, это уже традиция. — Ира! — он окликнул симпатичную рыженькую актрису, исполнявшую главную роль, — тут девушки хотят помочь нам стол накрыть.

«А он стал нахалом», — подумала Валя.

— Пойдемте со мной, — Ирина кивнула им, и они переместились из зала в стилизованную под средние века столовую с камином.

Всего за столом оказалось человек десять, не больше. Валя обратила внимание на равное количество молодых людей и девушек, сосчитала по старой привычке. Лена с Мишей сидели напротив нее, а она оказалась между двумя мужчинами. Один из них, Саша, был неуловимо похож на Юрия Никулина (в спектакле он играл роль «Медведя»). Другой, Антон (по спектаклю — «Администратор»), был одет как лондонский денди, и, как позднее выяснилось, оказался неплохим гитаристом, почитателем Окуджавы.

Сидя за столом, Валя пыталась исподтишка, не сталкиваясь с Михаилом взглядом, наблюдать за ним. Ей казалось, что он и тот, и не тот одновременно. Одну ее половину, по счастью, меньшую, обуревали низкие чувства. Ее женское чутье подсказывало, что реванш возможен, стоит только захотеть, и услаждало ее гордыню. Но разумная Валя

знала, что никогда не встанет на этот путь. Главное теперь, чтобы Ленка была в безопасности, чтобы все не закончилось так же, как у нее самой, иначе подруга потеряет веру в людей окончательно.

А еще было больно. Значит, ее, Валу, любить он не смог, а Ленку — может... Интересно, как далеко зашли их отношения? Ленка даже словом не коснулась итимной темы, хотя про других ее мужчин Валя знала все, даже если не очень-то хотелось.

Интересно, что думает он сам? Ему совершенно точно не нужна эта встреча. Она не желала возврата чувств, а он-то тем более. Да и что-то чужое, новое виделось ей в Михаиле теперь. Глядите, бороду отрастил... ну и будем считать, что это не он, а некий «человек с бородой».

«Человек с бородой» тем временем был задумчив, даже немного напряжен, и его благодушная физиономия не могла обмануть Лену. Оба это почувствовали, и, раз взглянув друг на друга, не сговариваясь, вышли покурить на улицу.

— Миш, я что-то не так сделала? Но я же не знала, что вы раньше были знакомы.

— Ерунда, о чем ты? Мало ли с кем я был знаком.

— Но ты сам не свой, я вижу.

Он взял Лену за плечи:

— Это пост-премьерное, всегда так... Сейчас я успокоюсь, не переживай.

— Это точно не из-за Вали?

— Абсолютно, можешь мне верить, — он посмотрел ей в глаза.

— Она сказала, что вы вместе работали.

— Ну да, так и есть.

— Расскажешь?

— Да нечего особенно рассказывать.

Ленка посмотрела на него внимательно, но он уже затушил сигарету. Вернувшись, они застали Валу беседующей с Ириной и Антоном.

— А где наш Искандер-хан? — Михаил поискал глазами Мудродурова.

— Почему вы так о нем иронически? — удивилась Валя.

Она только что узнала, что Мудродуров — руководитель театра и ведущий режиссер.

— Потому что только иронически к нему и могу относиться, — ответил Михаил. — Не обращай внимания — привыкнешь со временем.

— Так он сохраняет дружеские отношения, — пояснил Антон, — и не позволяет развиться злостной субординации.

Разговор за столом постоянно вертелся вокруг общих творческих планов.

— Кстати, Антон, а как там дела с песнями? — поинтересовался Михаил.

— По музыке наброски есть, а вот со стихами проблема, — ответил тот. — Не сможешь?

— Знаешь, как назло, состояние не то.

— Миш, а помнишь, я говорила тебе, что одна моя подруга тоже сочиняет стихи? — вдруг сказала Лена.

Ее интонации не оставляли сомнения, о ком идет речь, и Валентина посмотрела на нее убийственным взглядом. Ленка сделала вид, что не замечает. Она давно уговаривала подругу показать свои стихотворные изыски кому-нибудь, кроме нее. Но Валя была убеждена, что Лена не разбирается в стихах, и ее искренний восторг вызывает все, что написано в рифму. Хотя соблазн, чтобы стихи прочитали другие, был очень велик. Ей так нужно чье-нибудь профессиональное мнение. Но... только не Мишино.

— Если эта та, про кого думаю, то, кажется, стихи должны быть хорошими, — прищурился тот.

— Это только кажется, — отрубил Валентина.

— А если проверить? — впервые с момента их встречи он улыбнулся по-старому.

— А если окажется плохими, что будешь делать?

- Так и скажу.
— Ну да! Скажешь... а если скажешь... что тогда буду делать я?
— Будешь писать лучше.
— Ага, Спасибо, я лучше тогда вообще не буду писать, если не дано. К тому же, откуда мне знать, что твое мнение и есть правда?
— Ниоткуда, — усмехнулся он. — Это всего лишь мнение, одно из тысячи. Давай так, ты принесешь что-нибудь посмотреть, а я просто скажу, подойдет это для нас или нет. Нам действительно очень нужно, и срочно.
— А направление, тема?

Глава 3

Общение, дружба, а затем и близкие отношения с Леной стали для него жизненно необходимыми. Это была не острая радость влюбленности, а тепло и счастье. Вначале девушка казалась немного колючей, но панцирь оказался не таким толстым. Доверие, которое она испытывала к нему, чувство, что эта сильная и прямая женщина нуждается в его защите, действовали положительно на самого Михаила.

Можно не верить, но даже голова практически перестала беспокоить, с момента знакомства с Леной он просто не вспоминал о ней. Может быть еще и потому, что он сразу и как-то спокойно и просто рассказал ей про себя все то, чего так и не смог рассказать Валентине. Не потому, что не доверял, он тогда знал, что Валя все поняла бы и приняла. Но...

То ли Лена была проще, то ли сама многое испытала... в ней не было Валиной неискренности, что ли. Или немного другое. В присутствии Вали он чаще думал о себе отрицательно, и особенно тогда, когда видел в ее глазах свое улучшенное отражение. Девушка просто по своей жизненной удаче о многом не знала и полагала, что и у Миши, как и у нее, нет в жизни таких событий или переживаний, которые хотелось бы скрыть от других. Нет, Валя была умной и доброй, способной принять других как они есть. Но речь шла даже не о грехах, а о тех событиях, которые оставляют в душе болезненный след, тянутся за тобой повсюду, проявляются тогда, когда ты считаешь, что и сама память о них давно уже стерта. У Вали таких событий не было. А у Миши и Лены были.

Поэтому ему было так легко оставаться с Ленкой самим собой. А еще, хоть это, может быть, и смешно, Лена, несомненно, умная и способная во многих отношениях, не обладала никакими дарованиями в области искусства. Она искренне, без червоточинки критики, как остальные друзья, восхищалась его творчеством. Может быть, он именно в этом и нуждался давно — полном принятии своего таланта. С ее помощью он смог не только смириться с собой, но и поверить в себя, а часто — даже радоваться себе.

На работе у него сначала было без перемен. Все эти три года Жанночка, только еще более располневшая, по-матерински наливала ему чай по утрам. После того, как он вышел из больницы, все обращались к нему предупредительно-ласково, а потом общая снисходительность стала уже привычкой. Его не увольняли и не порицали, если он пропускал работу из-за театральных дел, но и ни копейки не прибавили за все время.

Родители удивлялись, что Миша совершенно не растет в плане карьеры и заработка, даже беспокоились, искренне считая, что всему вредит его увлечение «этим музицированием». Большая доля правды в их убеждении была, так как именно это он и считал своей настоящей работой. Мама, прежде гордившаяся талантами сына, теперь все чаще раздражалась. Ей хотелось, чтобы он крепко стоял на ногах, а Мишу выводили из себя ее бесконечные сравнения — «а вот тот-то, помнишь, в школе плохо учился, а теперь...» Да и неустроенная личная жизнь тоже беспокоила родителей. Сын, с их точки зрения, был неудачником, а ведь такие надежды подавал!

То, что успехи у него все-таки были, но только совсем другие, они не понимали. За сравнительно небольшой период получилось создать вполне дееспособную театральную труппу, и даже найти помещение в Москве. Правда, это помещение было полностью заслугой Мудродурова, он просто взял измором одну небольшую театр-студию, и те выделили им свой полуподвал на сравнительно божеских условиях, предварительно оговорив: работа и репетиции в свободные от совместных и «хозяйских» спектаклей дни. Все это стало новым взлетом и новым испытанием для труппы, и фактически означало переезд из Старо-Мещанска в Москву. Особых финансов, однако, ни у кого не было.

В какой-то момент Воронич принял решение погрузиться в свое «музицирование» окончательно, но не видел, на что тогда, извините, жить. Толчком к уходу с работы стали сразу два события: его прежний начальник ушел, и на его место сел молодой и энергичный господин, не желающий никому давать послаблений. Он вывел их всех из зоны комфорта, и теперь надо было или по-настоящему вкалывать, или уходить. Жанночка потерпела, да и устроилась куда-то в другое место.

А вторым толчком стало замужество Иришки. Кстати, они сохранили дружеские отношений, и даже укрепили их. Ее муж, не слишком молодой бизнесмен, ее просто боготворил, считал необыкновенно талантливой. Он-то и стал первым настоящим спонсором их театра. Вначале было неловко столь явно пользоваться его деньгами, но Ира со свойственной ей простотой и душевностью быстро вправила всем мозги, указав, что если они упустят такой шанс, то будут просто дураками, а она от них уйдет. Впрочем, сопротивлялись скорее для формы. Все были рады.

Конечно, спектакли и концерты и раньше приносили доходы, особенно в последний год, когда у них завелась собственная публика, но почти все шло на новые постановки и зарплату привлеченным актерам, не понимающим, как можно работать лишь за идею. Теперь и Воронич, и Мудродуров могли позволить себе заниматься исключительно творчеством и даже платить неплохие деньги актерам. А первое время Мудродуров вообще ночевал или на работе (он устроился в службу охраны на крупном заводе), или среди краски и досок прямо на их будущей сцене. Это совпало и с переменой квартиры — Михаилу надо было перебираться из Перово, благо хозяева предупредили за два месяца. Квартиру эту он покинул без сожалений, но арендная плата в новой квартире была выше, так как она была ближе к центру.

Несмотря на разногласия с родителями, которые привели в итоге к тому, что он реже стал приезжать в Старо-Мещанск, теперь у него было место, где он мог считать себя состоявшимся, насколько это вообще возможно для творческого человека с его постоянным недовольством собой. Он общался с понимающими и уважающими его людьми, а главное — у него появился свой зритель, и это с лихвой покрывало все.

Теперь у него появилась еще и Лена, и это была вовсе не тягучая, грешная связь, а преддверие настоящей семьи. И уже никак иначе было нельзя, Миша чувствовал свою ответственность и всеми силами уже желал избежать двусмысленности, прийти к определенности перед Богом, перед Леной и перед самим собой, исправив тем самым свои кривые пути.

И вот. Опять этот Пристли. Его сценарий как будто требовал полного исполнения в жизни Михаила. Но можно ли было сравнивать? Ведь Мише нужна была Лена, Валю он не искал и не ждал, по крайней мере, теперь, он знал это совершенно четко. Возврата не было, просто не должно было быть. Все прошло, осталось позади, за стенами клиники на Шаболовке, на страницах убранного в ящик сценария.

А может быть... Как профессиональный репортер, готовый снимать любое событие сквозь собственные слезы или рискуя жизнью, Миша подумал: «А что если все это для того, чтобы извлечь тот сценарий? Изменить его? Но что, что будет теперь иметь значение?»

И все-таки... после встречи в театре ему было бы интересно увидеть ее еще раз. Или лучше не стоит... Да ведь она лучшая подруга его будущей жены — значит встреч им не

избежать. Как она живет сейчас? Почему не вышла замуж и ушла с той надежной работы? У Ленки спрашивать нельзя, заподозрит неладное.

Работа с литературными произведениями, своими или чужими приучили его к тому, что каждый эпизод должен иметь свою смысловую нагрузку, должен подготовить читателя к чему-то в дальнейшем. Но что означает эта новая встреча? И главное: хочет он все-таки ее видеть или нет?

***

*Да, я обычный дилетант,
Мои стихи, наверно, бред.
А кто-то, может быть, талант,
А кто-то, может быть, поэт.*

*Лежали в ящичке стола,
Хранились в уголке души.
Я их взяла и отдала
Холодных судей насмешить.*

*Моих сравнений примитив,
Рассудочность моих идей,
Нечеткий слог, неверный ритм
Заметит строгий корифей.*

*Насмешливой строкой слегка
По графомании пройдет
И безупречно свысока
Меня возьмет и зачеркнет...*

*Боялась критики — всерьез —
Узнать, не грош ли мне цена.
Но дан ответ на мой вопрос.
Он прост и страшен — тишина.*

*Ну что ж. Я снова не у дел,
Бреду, как прежде, в темноте.
Хотя... Ещѐ вопрос созрел:
Не — судьи кто,
А — судьи где?*

Держа на коленках подпрыгивающую Дашку, Валя задумчиво слушала Лену. Теперь они виделись не часто, роман подруги находился в стадии кульминации, а Валя старательно избегала новых приглашений в театр Михаила. Стихи она все-таки подобрала... вопреки всему ей вдруг ужасно захотелось узнать его мнение. Сейчас тетрадка лежала у нее в сумке, она взяла ее, чтобы передать через Лену.

— Может, все-таки принесешь сама? Они там новый сценарий обсуждают, тебе будет интересно.

— Я не могу, Лен, все дни забиты, дела.

— Какие у тебя дела? А там люди, молодые люди, в том числе, — улыбнулась Лена.
— Пора уже в свет вылезать.

— Не хочу я никуда вылезать.

— С тобой каши не сваришь. Ладно, я передам, а уж потом — посмотрим.

— Ты мне только честно повтори, что он скажет, слово в слово, ладно? Потому что, насколько я его помню, он постарается меня не обижать, а это еще хуже.

Валя посмотрела на Ленку. За то время, что они не виделись, подруга преобразилась еще сильнее. Уже не только и не столько внешне. В глазах появились мягкость и радостный блеск. Вале показалось на секунду, что она видит собственное отражение в зеркале — но только в то время, когда она общалась с Михаилом. Вот как он на девушек-то влияет... Ленка стала спокойнее, ушел грубоватый цинизм. Кажется, ей хорошо с ним, подумала Валя. Главное, чтобы все это не рухнуло, как у нее...

Да не рухнет. Кто может им помешать? Кроме нее... Червоточинка ревности и жалости к себе все еще сверлили Валу. Но она была искренней, желая, чтобы Ленка была счастлива. Это было даже эгоистическое желание, ведь Валя на самом деле страдала и переживала за подругу. Вот только когда они поженятся, подруги у нее больше, скорее всего, не будет. «Не стану я к ним в гости нахаживать, это уж точно», — не могла сдержать Валя нахлынувшую неизвестно на кого обиду. А Дашка... как же она будет без Дашки?

***

— Я понимаю, тебя тянет на классику, а Сашку на новую стилистику, — сказал Антон. — Хотя в принципе, ничего нового в этом нет. Наверняка это все еще в шестидесятых на Таганке и в «Современнике» разбиралось. «Антимиры», и так далее.

— Абстрактность и ассоциативность — дело хорошее. Я тут Льюиса перечитываю, Метерлинка. Может, нам что-то из аллегорий попробовать? Что скажешь? Или по Пушкинским «Маленьким трагедиям» пройти? Знаешь, такое ощущение, что одновременно знаю и не знаю, чего хочу.

— Может, Лукьяненко «Ночной Дозор»? Или что-то из менее известного?

— Угу, ты только Сане скажи — сразу уцепится, всю жизнь мечтает Гесера сыграть, — хмыкнул Михаил. Достал кипу исписанной бумаги, передал один листок. — Вот, посмотри осеннюю зарисовочку. Какой фон здесь видишь — в смысле музыку? Мне вот что-то тревожное слышится, как в «Профессионале».

— Миш, еще, пока не забыл — то, что мы начали репетировать, мне как-то... Ну, не то это, по крайней мере, не мое...

— Да сам знаю, что не то. Хорошая вещь, конечно, Петрушевская, жизненные вещи всегда актуальны... Только пьеса не совсем наша. Точнее, совсем не наша. Но надо же пока над чем-то работать... И театр просил... Новой программы нет. Так что, как только будет настоящая идея...

— А что со стихами? Та девушка, подруга твоей Лены, что-нибудь передала? Или чепуха? — как-то слишком небрежно спросил Антон.

— Посмотри, — Воронич достал тетрадку из стола и сам усмехнулся в душе своему актерскому равнодушию.

— Ты сам их не смотрел, что ли? — Антон глядел пронизательно.

— Нет.

— А почему?

— Знаешь такую болезнь — воспоминания? — он потер лоб. — Будь добр, посмотри, и сам поговори с ней по стихам. А то боюсь — сорвусь, слечу с тормозов.

— Не понял. Вы с ней раньше знали друг друга?

— Да, было дело, — Воронич закурил, — я тебе потом подробнее расскажу.

— Лена знает?

— Не совсем. То есть знает, что были знакомы, а как и что... Понимаешь, Лена одна мне нужна, и тут — здрасте, я ваше воспоминание. Да еще близкая подруга Ленкина.

— Что, все так серьезно было?

— Смотря что считать серьезным. Мы с ней даже не целовались.

Антон недоверчиво поднял брови, но промолчал.

— Но ведь эта девушка — Валя, мне показалось, ей важно твое мнение? — произнес он, пролистывая тетрадку.

— Пообещал сдуру. А мнение мое... Ей наверняка сейчас тоже... не сладко. Я тебе честно скажу — открыл и сразу же закрыл, понимаешь?

— Ладно, не грузись, беру это на себя.

Он раскрыл тетрадь посередине. Прочитал вслух: «Багира». Усмехнулся: это что, впечатления от «Маугли»?

*Я — черная тень угрожающих джунглей,
Неведом мне страх и бессилие жертвы.
Удар мой мгновенен, клыки мои жутки,
Кидаюсь внезапно, крадусь незаметно.*

*Я в дружбе верна и предательств не знаю.
Но — страшный я враг. Хоть и поступь кошачья,
И голос невучий, но целая стая
Волков не захочет со мной повстречаться.*

*Мне силу и мужество дали без меры,
Здоровый цинизм и гордыню без берега.
Не может одно лишь на свете пантера —
В глаза поглядеть своему человеку.*

*Когда, под кустом растянувшись лениво,
Как кошка простая, пригреюсь на солнце,
И страшная черная лапа Багиры
Пока не опасна, ее вдруг коснется*

*Легонечко крыльышко бабочки глупой,
Порхающей в джунглях без всяких законов.
Ей место одно — на булавке под лупой,
Она ж надо мной мельтешит бестолково!*

*Бессовестно-яркие крылья у крошки!
А мой человек, на нее заглядевшись,
Вдруг скажет, смеясь: а ведь ты так не можешь?!
И мой подбородок почешет небрежно ...*

Антон прочитал про себя.

— Интересная девочка... — он задумчиво посмотрел на Воронича, который дымил, стоя у открытого окна.

— Не сомневаюсь...

Антон перелистнул несколько страниц.

*Я в платье длинном, темно-синем,
в руках рябины кисть, как символ,
Вхожу в осенний свет гостиной,
Ступая в золото ковра,
И шлейф от талии струится,*

*В своих рисунках-небылицах
Серебряным парчовым птицам
Даря движение крыла.*

*Какая тайна в днях рожденьях,
Их цифр престранных совпаденьях,
Ну а особенно — в осенних...
Со шлейфа птицы упорхнут...
Усядутся почистить перья
В янтарно-изумрудных кельях,
Среди возвышенных материй
Найдя и пищу, и приют.*

*Я отпускаю их из плена
Октябрь каждый неизменно.
И как же я несовременна,
Но — как — одновременна Вам!
Я в платье длинном и не модном,
Но небесам опять угодно,
Чтоб я была одно-природной
Рожденным осенью стихам.*

*В просторных залах, в этом виде
Никто, я знаю, не обидит,
Увидев отблески открытий
В прищуре ироничных глаз,
Хранящих тайные подарки
И королевы, и товарки.
Я даже делаю ремарки
Ей на полях — из этих фраз.*

*Вы говорите: Где же платье?
Ну что за детское занятие?
Да и с какой, скажите, стати,
Дарить тебе такой наряд?
Мы видим джинсы и ветровку.
И ты идешь на остановку,
И как с такой экипировки
На ветки птицы полетят?*

*Я промолчу, я не отвечу,
Но чудо-ткань ласкает плечи,
И я уверена, конечно,
Что знаю, как носить ее.
Хоть выдает порой походка
Или гордыня подбородка,
Но я инкогнито, и ловко
Скрываю звание мое.*

— Что молчишь? — спросил Миша, не удержавшись — Есть, за что уцепиться, или так — девичья графомания?

— Телефон ее есть у тебя?

— У Лены спрошу...

Глава 4

— Тебе звонили, — сказала мама. — Из театра какого-то.

— Когда? — Валя чуть не поперхнулась ужином

— Примерно час назад, — мама лукаво улыбнулась, — судя по голосу, вежливый молодой человек. Сказал, что ему оч-чень надо с тобой побеседовать. Будет перезванивать скоро. Ты что, решила в актрисы податься?

— Он не представился?

— Нет, просто спросил, когда лучше перезвонить. Я сказала, что ты в семь приходишь.

Миша? Зачем? По поводу стихов или... Нет, зачем, не надо... надо сказать, что меня нет дома. Если по стихам, то он должен был передать через Ленку. Хотя, кроме подруги, никто бы ему Валин телефон не дал. Значит, по стихам... А вдруг это только предлог?

Словно в подтверждение ее слов, зазвонил телефон.

— Мам, спроси, кто, скажи, что я еще не пришла...

— Бери, бери, сама разбирайся...

Валя медленно взяла трубку, не зная, как себя с ним вести. К ее радости, и одновременно, разочарованию, голос оказался не Мишин.

— Валя? Это Антон вас беспокоит, из театра, по поводу стихов.

— Да, здравствуйте, я слушаю вас...

— Мы могли бы встретиться?

— А есть о чем говорить?

— Да, я думаю, есть.

Значит, со стихами не так все плохо, подумала она. А может, позвали, чтобы вежливо отказаться, в какой-нибудь мягкой форме, мол, надо еще поработать и подучиться... Ладно, посмотрим. Валя собрала все свое мужество.

Договорились о встрече у театра. Это хорошо, что не внутри, значит, с Мишей, скорее всего, не столкнутся.

***

— Здравствуйте, Валя. Пойдемте внутрь, не будем стоять на морозе.

— Здравствуйте, — выдохнула она.

Внутрь ей не хотелось, она рассчитывала, что они зайдут куда-нибудь в кафе. Но не приглашать же его самой, еще не так поймет.

Антон провел ее в маленькую раздевалку, где Валя повесила пальто и осталась в свитере и джинсах. Она заметила, как парень чему-то улыбнулся, бросив взгляд на ее наряд, и нахмурилась. Что не так с ее видом?

Они прошли в гримерку к личному, как он сказал, столику Антона. Хотя театр был маленький, Антон, похоже, пользовался здесь привилегиями.

Они сели. Валя снова обратила внимание на безупречный внешний вид молодого человека и скосила глаза на брызги грязи на собственных джинсах. Антон достал тетрадку.

— Конечно, вам со стихами еще работать и работать, — начал он, — но мне они понравились.

Вале захотелось плакать. Ее страхи сбывались. Стоило тащиться сюда ради унижения... Вернули бы молча и все. Она вдруг поняла: да это ведь Миша сбаврил ее приятелю, чтобы самому не пришлось выворачиваться...

— Спасибо, Антон. Конечно, буду работать. Учиться, учиться и учиться, я помню. Я пойду, хорошо? Мне надо еще в одно место успеть. И передайте мою благодарность

Михаилу, скажите, что он остался самим собой, таким же честным и решительным! — Валя встала и протянула руку за тетрадкой.

— Минутку, минутку... Что не так? — Антон с изумлением смотрел на нее, не ожидая такого напора.

— Вы не подумайте, Антон, что я сама хорошего мнения о своих стихах. Просто, мне кажется, я заслужила, чтобы мне сказали об этом прямо и без посредников.

— Боюсь, мы друг друга не поняли. Стихи нужны мне, поэтому Миша и попросил меня... Но это не важно. Мне они действительно понравились. А работать надо обязательно, я тут отметил стилистические погрешности и несколько технических ошибок. Иногда внутренний ритм гуляет, но в целом у вас хороший слух. При том, что вы не учились... Я собирался поговорить с вами о тех стихотворениях, которые подходят для песен, их надо будет слегка переработать, если вы не против, конечно.

— То есть вы что-то выбрали? — все еще не верила Валя.

— Ну да. Но прочитал я все, до конца. Меня многое зацепило. Знаете, когда читаешь чьи-то стихи, хорошие стихи, узнаешь о человеке столько, сколько и за несколько лет не узнаешь.

— Но это же естественно. «Каждый пишет, как он дышит», — Валя немного оттаяла.

— Сядьте, хорошо?

***

Репетиция уже началась, но Миша то и дело отвлекался. Он знал, что Антон пришел с Валею, ему сказал Мудродуров, но твердо решил не показываться. Однако в перерыве, поддавшись любопытству или чему-то еще, заглянул в гримерку, можно сказать, ноги привели.

— Привет.

Валя сухо и вежливо поздоровалась в ответ.

Миша подошел к столику, присел, ругая себя за то, что не устоял и теперь не знал, о чем говорить.

— Как дела? Нашли общий язык? — Миша взял дружески-официальный тон, чуть свысока, как и положено «шефу».

— Говорит, что-то можно использовать, — Валя слегка недоверчиво повела плечом.

— А как репетиция? Наташа справляется? — вмешался Антон, заполняя паузу.

— Не знаю. Фигня какая-то... Ребята, посмотрите, а? Валь, и ты тоже... Нужен свежий взгляд человека со стороны. Что-то не так, а что...

***

Она сама не знала, почему согласилась. Наверное, стало действительно интересно. Она сидела на репетиции и ощущала необыкновенный подъем и радость после разговора с Антоном. Жизнь убедила ее, что любимое дело и работа не могут совпадать, как можно получать деньги за удовольствие? Все ее таланты были зарыты глубоко, даже тетради со стихами получали место на самом дне нижнего ящика стола.

*Я зарыла таланты в тетрадь,
убрала ее в ящик серванта,
и решил Господь отнять
не востребованные таланты...*

Неужели ее стихи теперь могут оказаться востребованными?

Одновременно Валя внимательно следила за происходящим на сцене и вслушивалась в реплики режиссера. А еще мучилась совестью, пытаясь понять, оправдано

ли ее присутствие здесь в глазах Ленки? Не стоит ли ей держаться подальше от ее жениха?

Конечно, подруга направила ее сюда сама — это раз. Валя не собиралась давать своим чувствам и мыслям опасное направление — это два. А с Мишей они оба стали вести гораздо ровнее, без неловкости бывшей романтической парочки. Да и были ли они этой парочкой? Даже не целовались... Она уже поняла, что Миша по негласному соглашению ничего Ленке не рассказал.

А еще она вдруг поняла, что не сможет самооправдаться, если выберет иной путь, путь предательства. Что, и правда, существует момент, когда ты принимаешь решение, либо даешь добро на грех, либо отказываешься от него. И никакие сильные чувства не избавляют тебя от ответственности, словно форс-мажорные обстоятельства (есть такой пункт в договорах). И еще... если решение верное, то и чувства приходят со временем в подчинение воле. Ими можно и нужно управлять. Надо только не пропустить этот момент, быть на чеку... а вдруг он еще у нее не настал? Пока она с собой прекрасно справляется. Хотя, может, таких сильных чувств у нее и нет, а то бы не справилась?

Валя прислушивалась к себе, глядя на Михаила — благо, ситуация позволяла. Он был ей интересен, но как-то по-новому. Интересно почитать, что он пишет... Интересно, что он сказал бы про ее стихи — он, а не Антон.

— Валя, проснитесь! — услышала она насмешливый голос Антона, сидевшего рядом.

Он толкал ее под локоть. Она поймала себя на том, что все смотрят на нее, явно ожидая ответа на заданный вопрос. Вот тебе и внимательно следила.

— Я прослушала, — честно сказала она и смущенно улыбнулась. — Так сосредоточилась, что ничего не услышала.

— Это ничего, — сказал Михаил, — ребята, повторяем последний диалог, полная станица.

Наташа, красивая девушка с длинными черными волосами — героиня, — повторила свои фразы, парень вставлял реплики. Текст был неплохой, только слова местами кое-где поменять, сделать бы поестественней, не так театрально, быстро соображала Валя. А вот девушка... Кажется, она не совсем понимает, что говорит. По крайней мере, интонационно повышала и понижала голос не в тех местах.

Высказать эти соображения или промолчать? А чего, собственно, бояться? Того, что Миша будет строго судить ее? Ну, значит, будет знать, как приглашать дилетантов и спрашивать у них совет.

— Я построила бы речь по-другому, — тихо и неуверенно начала она.

— Ну, выйдите и сделайте, — обиженно протянула девушка.

— Я так не смогу, как вы, не умею играть совсем. Но как зритель чувствую, — Валя немножко осмелела. — А вы что вкладываете в эту фразу, вы сами согласны с героиней?

Миша, улыбаясь, заинтересованно посмотрел на нее — он явно ждал продолжения.

— Валь, может, правда, покажешь, где сделать акцент?

Валя почувствовала, что впадает в ступор. Выйти на сцену и что-то произнести — было просто выше ее сил. А начнешь отказываться, подумают — ломается. Как ни странно, поддержка пришла со стороны Антона. Она видела боковым зрением, что он одобрительно кивнул на ее слова, а когда повисла пауза, сказал:

— Видимо, надо вести речь о сути пьесы, о том, что мы хотим сказать.

— Видимо, надо, — ехидно вмешалась Ира, тоже сидевшая на репетиции с кипой бумаг на коленях, — и нечего тут считать себя гениальным драматургом и прирожденным режиссером.

— Тихо-тихо, — повысил голос Воронич, — дай Антону высказаться.

— По-моему, — продолжил Антон, — никто до конца не разъяснил актерам суть этого спорного текста.

— Та-ак, умники, — хмыкнул Михаил. — Антон, давай, покажи.

Тот легко и непринужденно поднялся на сцену, взял у актрисы текст и, легко попав в нужный темп, произнес ее реплики еще в двух интонационных вариантах. Смысл получался явно другой. Валя не могла не заметить восхищенного взгляда Михаила. Судя по всему, Антона как актера он очень ценил. Тонкий, артистичный парень с черными глазами чисто эстетически нравился Вале.

— Талант, блин, — усмехнулся в бороду Михаил. — Ладно, хватит выпендриваться. Наташ, как ты чувствуешь свою героиню?

— Ну, романтическая девушка, вы же сами, Михал Саныч, говорили, — немного неуверенно начала та.

— Тебе вопрос повторить? Как ты чувствуешь свою героиню?

— Я пока не могу сформулировать.

— Хорошо, подожду. Валя, а как ты чувствуешь эту героиню?

Девушка почувствовала злость и растерянность. Чего он пристал к ней, и зачем ее сюда принесло?

И снова на помощь пришел Антон:

— Миш, я думаю, что подобный вопрос к зрителю абсолютно неправомерен.

— Согласен, — Михаил закурил, — тогда вопрос ко всем: ребята, а о чем наш спектакль?

— Думаю, о любви, — среагировала Наташа.

— О поиске себя, — ответил ее партнер. — О поиске духовного места в своей жизни.

— Ладно, для начала неплохо, — Михаил посмотрел на часы, — так, на сегодня бал окончен. Наташа и Сергей, еще раз перечитайте пьесу, проникнитесь содержанием. Антон, ты сегодня за рулем?

— Ну да.

— Подбросишь до Китай-города?

— Без вопросов. Валь, а тебе куда? — Валя заметила, что Антон без лишних церемоний перешел на «ты».

— В Коньково.

— А мне в Теплый Стан, — это прозвучало у Антона удивленно-радостно. — Так я тебя подкину? — полуутвердительно спросил он.

— Нет, ребята, спасибо большое, я на метро. Сейчас пробки, так быстрее доберусь. Да и укачивает меня в машине, — Валя приветливо улыбнулась и пошла в гардеробную за пальто.

Глава 5

Никогда Ленкин день рождения не вызывал у Вали такой смешанной реакции, как сейчас. Ей предстояло встретиться с Мишей не на репетиции, а в такой знакомой обстановке Ленкиного дома. Отказаться невозможно — зачем ненужные подозрения? Да и не приняла бы Ленка отказа.

Валя под благовидными предлогами пропустила несколько последующих сборов в театре, хотя Ленка ее звала. Однажды кто-то звонил, скорее всего, Антон, но Валя попросила маму соврать, что ее нет дома. Во-первых, как стало ясно после той репетиции, она там совершенно не нужна. А во-вторых... приветливое равнодушие Михаила, хоть и устраивало ее во всех отношениях, било по самолюбию. Она понимала, что он правильно выбрал тональность их дальнейшего общения, но предпочла бы, чтобы холодная приветливость исходила от нее, а он хотя бы немножко чувствовал себя не в своей тарелке.

День рождения неумолимо приближался, и после небольшого курса самовнушения Валя сочла себя вполне готовой к этому событию. К счастью, гостей предвиделось много,

легче затеряться. Оделась без блеска, не броско — черные брюки, бежевая приталенная блузка навывпуск. Впрочем, захоти она даже выглядеть понаряднее, в гардеробе все равно ничего не нашлось бы — она давно не покупала себе ничего нового.

Прийти постаралась последней, в шуме и толчее, тем более что помогать было не надо, готовила мама именинницы. На кухне к тому же суетились Ленкины подружки по новой работе, сама она, в переднике, быстро открыв дверь и поцеловавшись с Валей, попросила немножко подождать с поздравлениями и бросилась к духовке, откуда заманчиво тянуло выпечкой.

Поправив волосы, Валя вошла в комнату. На диване расположились Ленкины друзья «по ребенку» — супружеская пара со своим малышом того же возраста, что и Дашка. В кресле сидел Миша в свитере цвета хаки, который очень ему шел. Опираясь на стол, стоял Антон (его тоже пригласили?) в безупречных стильных брюках и модной рубашке. На коленках у Миши сидела нарядная, вся в бантах и рюшках, Дашка.

Ну вот тебе и справилась с ревностью... Ревность была двойная — Валя сама не понимала, кого к кому ревнует — Мишу, который теперь полностью принадлежит семейному быту подружки, или любимицу Дашку, которая так счастлива с новым приятелем. А она... чужая им обоим. Впрочем, Дашка, завидев ее, тут же соскользнула с его колен и рванула к ней. Мужчины тоже обернулись.

— Валя моя пхишла! Это моя Валя! — Дашка с гордостью демонстрировала Валю.

Миша посмотрел с некоторым удивлением, видимо, он не знал, насколько Валя близка с ребенком.

— А вот не твоя! — поддразнил ее Антон.

— Моя, моя! — на полном серьезе рассердилась Дашка.

— Нет, моя! Вот заберу ее сейчас!

— Нет! Не забыхешь! Тебя тогда мишка побьет, вот! — Дашка торжествующе уставилась на вредного дядьку.

Миша как-то странно закашлялся — не то рассмеяться хотел, не то действительно что-то поперек горла попало. Мало того, что все это выглядело слишком двусмысленно, так еще и Ленка не вовремя вошла с кухни. Хотя ей-то как раз был понятен истинный смысл Дашкиной угрозы. Речь шла о большом плюшевом мишке, участнике всех событий в жизни девочки — еды, спанья и даже наказаний.

Однако мужчины глядели друг на друга, и повисшая неловкая пауза не прибавила настроения Ленке. Валя попыталась разрядить обстановку:

— А где, кстати, Потапыч твой? — она крепко обняла девочку. — Ты уже кормила его сегодня? Давай, неси его сюда.

Наконец-то уселись, произнесли первые тосты, отдали подарки. Валя не могла решить, куда ей приткнуться, и в итоге оказалась рядом с Ленкиной мамой. Впрочем, быстро об этом пожалела, так как та сразу же начала разговор о новом приятеле дочери. Но главное, угнетала задумчивость подружки. Миша что-то ей говорил, та рассеяно слушала. С Антоном не удалось сказать даже слова, да он к ней и не обращался. Тем более что Светка, подружка с работы, взяла его в оборот, и с лица его теперь не сходила полунасмешливая улыбка. Ситуация явно была для него привычной. Мальчик, который хорошо знает: стоит ему только захотеть, и любая девушка будет его. Такие мужчины Валю никогда не интересовали.

После первого перекура обстановка стала более шумной и раскованной.

— Антон, сыграй нам, — попросил Миша, расчехляя гитару.

Ломаться Антон не стал, к публичным выступлениям он привык так же, как и к вниманию девушек.

Он начал играть, и сразу стало тихо, даже Дашка умолкла на коленях у бабушки. Антон смотрел прямо перед собой, никого не видя, поэтому Вале было легко наблюдать за ним. Исполнял как известные, так и совершенно незнакомые песни — свои собственные,

как потом объяснил Миша гостям. Многие песни показались ей интересными, некоторые достаточно глубокими, а местами даже мороз пробирал по коже от слов и мелодии.

Сам Антон, пока пел, стал другим. Из глаз исчезла насмешка, видно было, что он глубоко чувствует то, что поет. Не нравится в этот момент он не мог. Валя еще раз отметила, что Миша восхищается талантом друга. Естественно, всем хотелось слушать все больше и больше, и публика не отпускала. Антон только что допел шуточную песенку, помолчал, и снова начал играть. На этот раз — Визбора.

*О моя дорогая, моя несравненная леди!
Ледокол мой печален, и штурман мой смотрит на юг,
И представьте себе, что звезда из созвездия Лебедь
Непосредственно в медную форточку смотрит мою...*

Валя очень любила эту песню — о мужчине, который пропустил свое истинное счастье, предал настоящую любовь и осознал теперь, что потерял.

*Где же, детка моя, я тебя проморгал и не понял?
Где, подружка моя, разошелся с тобой на пути?
Где, гитарой брэнча, прошагал мимо тихих симфоний,
Полагая, что эти концерты еще впереди?
И беспечно я лил на баранину соус "ткемали",
И картинки смотрел по утрам на обоях чужих,
И меня принимали, которые не понимали,
И считали, что счастье является качеством лжи...*

А Егоров, пока пел, как нарочно, все время смотрел ей в глаза. В первый момент ей стало не по себе, но она вспомнила, что Антон — хороший артист, и есть такой прием: для большей убедительности выбрать среди зрителей подходящую «музу» и петь ей. Поэтому выдержала его взгляд спокойно, то опуская, то поднимая глаза, словно ничего не замечая.

*И в пустынных вагонах метро я летел через годы,
И в безлюдных портах провожал и встречал сам себя,
И водили со мной хороводы одни непогоды,
И все было на этой земле без тебя, без тебя.*

*Кто-то рядом ходил и чего-то бубнил — я не слышал.
Телевизор мне тыкал красавиц в лицо — я ослеп.
И, надеясь на старого друга и горные лыжи,
Я пока пребываю на этой пустынной земле.
О моя дорогая, моя несравненная леди!
Ледокол мой буксует во льдах, выбиваясь из сил...
Золотая подружка моя из созвездия Лебедь —
Не забудь. Упади. Обнадежь. Догадайся. Спаси*.*

А все-таки выбор песни показался ей странным или провокационным, видимо, таким же он показался и Мише, потому что выглядел он сердитым, а посередине песни вышел из комнаты, прихватив со стола пачку сигарет.

После этой песни Ленкина мама принесла горячее. В общей толчее к Вале протиснулась Ленка, попросила помочь и повела ее на кухню. На кухне дымил в форточку Михаил. Неожиданно Лена закрыла кухонную дверь:

— Ну, вот что. Я думаю, вам надо пообщаться наедине.

— Глупости, Лен... с чего ты это взяла? Мы прекрасно общаемся и при тебе... — залепетала от неожиданности Валя.

— Вижу я, как «прекрасно» вы общаетесь. А то чувствую, всем будет только хуже от вашей вежливости, — произнесла Лена не терпящим возражений голосом и ушла, прикрыв за собой дверь.

Валя дернулась было за ней, но Михаил встал и остановил ее, подойдя к двери.

— Лена — умная женщина, мы потом с ней поговорим. Она ведь права.

Валя сочла правильным промолчать.

— Значит, снова «неожиданная встреча»... — задумчиво протянул он.

— Ага. Причем это уже перестает быть забавным и начинает утомлять, — резко ответила Валя, усаживаясь за кухонный столик. Мысль о Ленке тревожила ее.

— Не куришь, конечно? Расскажешь о себе? Или вообще не хочешь со мной говорить на личные темы?

— Отчего же. Но я не знаю, что ты хочешь услышать. Вижу, в твоей жизни большие перемены произошли, причем явно к лучшему. Да и в тебе тоже... Чего про себя сказать не могу, у меня все также однообразно.

— Но ты ведь сменила работу? И... не вышла замуж.

— Да просто... — Валя подбирала слова, — тот человек не знал обо мне самого главного. А мне и не хотелось ему рассказывать, — она замолчала.

Он, видимо, понял, вспомнив их первую встречу и разговор, она почувствовала это сразу. Поэтому быстро добавила:

— Знаешь, чтобы сразу все стало между нами ясно, поверь, пожалуйста, твоей вины здесь нет. Ну, то есть — есть, но не вина. Я тебе скорее благодарна. Боюсь, я бы с тем человеком была несчастлива. Хотя он был очень хороший. Да я основное тебе уже объяснила. А что касается работы, — Валя закрыла тему, — там вообще был дурацкий случай.

— Расскажешь?

Валя, обрадовавшись, что тема брака исчерпана, вкратце поведала о происшествии в бухгалтерии. Кстати, эту, правдивую версию событий, она рассказывала впервые.

Миша слушал молча и с интересом. Слушать он всегда умел.

— А ведь знаешь, я поступила тогда вполне в соответствии со своим духом. Что называется, попытка поступить честно, да кривым путем. В общем, как могла.

---

*Юрий Визбор, «Леди»

— Что ты имеешь в виду? Так не каждый бы поступил.

— Ой, брось ты. Если в нынешний век не пройтись по трупам — уже считается подвигом, то это не значит, что это подвиг и есть. Правильно было бы честно сказать главбуху, что мне не нравятся такие методы, и сразу уведомить ее, что предупрежу Вику.

— Результат был бы тем же — увольнение.

— А уважения к себе было бы больше.

— Ты знаешь, что Ленка очень тебя любит и уважает? А Дашка просто души в тебе не чает.

— Главное, чтобы они любили и уважали тебя. А ты — их, — Валя посмотрела вызывающе.

— Я надеюсь, что так и есть. Знаешь, я ведь тогда сразу и не осознал всего, что произошло, только сейчас, спустя столько времени, понимаю, что мне наша встреча дала...

— Мне она тоже много дала.

Это было сказано обоими не для красного словца, каждый понимал, что другой говорит правду.

Валя посмотрела ему прямо в глаза. Да, она свободна, теперь уже точно — свободна от этого человека. От своих чувств, которые втайне лелеяла еще долго после их последней встречи на набережной. И это произошло только сейчас, не путем самозаклинаний, а вот после этого разговора, когда стало понятно, что они могут спокойно и искренне общаться так же, как и прежде. Вот только что-то было безвозвратно утеряно после этой встречи...

***

Миша задумчиво смотрел на нее. Он узнавал и не узнавал Валу. Она стала более жесткой и прямой, но осталась такой же искренней в каждом обращенном к нему слове. Странно, но хорошо, что у Ленки такая подруга. И, пожалуй, закономерно. И чем-то они неуловимо похожи, чем-то главным, таким, что и связывает друзей между собой. Уж не поэтому ли Миша влюбился в Леночку? Нет, не надо так думать. Лена есть Лена. Она сама по себе.

И все-таки после разговора стало легче. Так тяжело делать вид, что ему не хочется поговорить с ней и обсудить, как раньше, все на свете. И глаза у нее оставались такими же — умными, живо реагирующими на каждое слово собеседника. Только вот ожидания праздника в них уже не было. И где-то на самом дне поселилось нечто такое, чему, Михаил очень на это надеялся, причиной был все же не он... Господи, неужели это заразно? Неужели он из тех людей, которые являются рассадниками боли, сами того не желая?

Нет, конечно, нет. Вот Леночка, она так счастлива, так спокойна с ним. А была дерганная и злая... Ему страшно захотелось открыть дверь и увидеть радостную, а не напряженную и расстроенную Ленку.

Как будто почувствовав это, она вошла, возвращая на кухню противень. А может, просто не утерпела...

— Я на минутку, не волнуйтесь, только поставлю, — сказала чересчур добрым голосом.

— Мы уже поговорили. Не уходи, хорошо? — Миша подошел к ней и ласково обнял за плечи. Валу он сейчас не стеснялся. — Я люблю тебя. Очень. И ты знаешь, что если бы это было не так, ты сразу узнала бы.

Ленка сразу оттаяла. Она это знала.

— Но имей в виду, — начала Валентина нарочито строгим голосом.

Лена тревожно посмотрела на нее.

— Я тебя тоже очень сильно люблю! — засмеялась Валя. — А подробности потом тебе твой муж расскажет...

***

Валя вернулась в комнату, оставив парочку наедине. Почему-то хотелось плакать, хотя она точно знала, что не ревнует. После того, как Миша вот так вот, не взирая на ее присутствие, объяснился Ленке в любви, в душе Валентины словно произошла точечная ампутация. Конечно, жаль, что такой результат не удалось закрепить с помощью более благородных, но и это было сейчас хорошо.

Ребята включили танцевальную музыку, девушки зажигали. Светка пыталась привлечь внимание Антона, танцевала она здорово. Но Антон сидел с Дашкой, уже простившей ему глупые шутки, на диване. Она явно заставляла его читать себе сказку, не взирая на громающую музыку. Валя под села к ним. Антон глянул на нее исподлобья и снова взялся за книжку. «Очень любезно», — подумала Валя. Дашка тут же переползла на колени к Вале, забыв про чтение.

Валентина успокоилась в темноте и, чувствуя себя с Егоровым вполне раскованно и, начала разговор первой, спросила, как идет подготовка к спектаклю.

— А ты почему не приходишь? — спросил Антон, внимательно глядя в ее лицо.

(До этого они, кажется были на вы, ну да ладно).

— А зачем? Я рада, что тебе подошли стихи.

Разговаривая с ней, он не улыбался насмешливо, а скорее был мрачным. Про стихи он ничего не ответил, и Валю это немножко задело.

— А ты занимаешься театром профессионально? То есть, я не то хотела... У тебя какая основная профессия?

— Чем я живу, ты хочешь спросить? Я веб-дизайнер. А учился на дизайнера обыкновенного. Так вышло.

— О, да ты еще и рисуешь?

— Это немножко другое, но да, рисую, художественную школу закончил.

Подошла бабушка и забрала Дашку с собой, чтобы не мешала гостям. Валя даже не успела возразить.

— Всегда мечтала научиться рисовать, да так и не научилась...

— А то, что висит у Лены над столом — разве не ты рисовала?

— С чего ты взял?

— Сказали, — на этот раз Антон улыбнулся.

Ну да, Ленка считала Валины художественные попытки настоящей живописью, которую можно вешать на стенку. Это был немножко нереальный, едва намеченный пейзаж, в котором деревья и вода были даны скорее цветом, чем линией. Валя пыталась подражать любимым импрессионистам, попытка оказалась жалкой, но Ленка отобрала у нее картинку («отдай мне, а то еще выкинешь!») и даже вставила в рамку.

— Убить их мало. Можешь говорить, что думаешь, не бойся, истерики, как со стихами, не будет, — усмехнулась Валентина. — Я и так знаю, что рисовать не умею.

— Ну, если хочешь... во-первых, я бы повесил ее в более светлое место, там бы она заиграла лучше. Во-вторых, технические навыки у тебя явно слабые, а вот чувство цвета — потрясающее, честное слово, за счет красок работа производит впечатление. Тебе не хватает школы. Хотя, кто знает, может быть, школа убила бы этот цвет...

Семейная парочка не собиралась разлучаться даже в гостях, и Ленкиным подружкам надоело танцевать в одиночестве. Они объявили белый танец, и Светка вытасила Антона на ковер. В его глазах зажглась привычные насмешливые искорки, и он плавными движениями повел девушку танцевать.

Оставшись без собеседника, Валя подумала, не пора ли ей «сделать ноги». Как вести себя дальше с Леной и Мишей, она пока не знала, и чувствовала себя не в своей тарелке. Подруга как раз появилась в комнате, и Валя тотчас же этим воспользовалась.

— Лен, без обид, хорошо? Мне пора, действительно. Ты знаешь, я боюсь ехать поздно, а сейчас еще автобусы ходят.

— Подожди, позже пойдешь, Миша или Антон тебя проводят.

— Да вот еще, людей выдергивать. К тому же Линка должна позвонить в десять, — Валя придумала сходу.

— Ну, хорошо, — Лена не стала настаивать.

Похоже, она тоже расставалась сейчас с подругой без сожаления. Валя ее понимала. Они вообще хорошо понимали друг друга.

— Ты только не объявляй никому. Я по-английски.

По-английски не получилось, Дашка усекла, что Валя уходит, и разревелась. На крики из кухни вышел Миша, а из комнаты появился Антон, уже оттанцевавший под душевную песню Сары о Коноре. За Антоном выглянула Светка.

— Уже уходишь? — спросил Миша.

— Да, мне должны из Израиля звонить, по городскому.

— У них что, мобильника или скайпа нет? — удивился Антон.

Миша с Валею невольно переглянулись: оба вспомнили историю с риэлтором и совместную ночевку в его съемной квартире. Валя тут же отвернулась к вешалке, разыскивая пальто.

— Было бы здорово, если бы ты смогла прийти на репетицию во вторник, — перевел разговор Михаил. — Мне очень нужна твоя помощь со спектаклем... Я объясню тебе все. Ну как, сможешь?

Валя зависла с протянутой рукой у вешалки, потом вопросительно обернулась на Ленку, но та энергично закивала:

— Валь, сходи, помоги им. Я тоже пойду!

— Но... что я могу там...

— Ты поймешь, — воодушевился Михаил. — По этой теме никто из моих друзей лучше тебя не подскажет.

— Ну... ладно, — согласилась Валя, лишь бы не выслушивать уговоры.

Она очень надеялась, что не будет снова об этом жалеть.

— Миш, ты ведь проводишь Валью? — утвердила подруга-героиня, демонстрируя свое полное доверие им обоим.

Однако Михаил, судя по лицу, такого желания явно не испытывал — разговора на кухне ему пока было более чем достаточно.

— Я тоже уходить собирался, заодно и провожу. Ребята, я тоже пойду, — неожиданно заявил Антон, торопливо извлекая куртку из кучи наваленной у зеркала одежды.

Миша посмотрел на него слегка вопросительно, потом произнес шутливым тоном:

— За безопасность девушки отвечаешь головой.

— Так точно, ваше сиятельство. Ты что, меня первый день знаешь?

— Поэтому и беспокоюсь, — рассмеялся Миша.

Света сначала потеряла дар речи. Она была убеждена, что парень уже у нее в кармане.

— Да и мне пора, — поспешно заявила она.

Однако в планы Антона это не входило, Ленка это заметила и, взяв обиженную Свету под руку, потащила за собой в комнату:

— Пора ей! Да вы что, с ума все посходили? А ну пошли, попробуй только смыться, никогда не прощу!

***

Валя с Антоном молча спустились на лифте. Валя не очень понимала, что понесло парня за ней. Вечер у него складывался, кажется, вполне удачно, а вот теперь, похоже, не повезет... Ей стало смешно. Антон выглядел мрачным, и от этого Вале стало еще веселее. Выпитое вино, да и разговор на кухне — все это действовало на нее возбуждающе.

— И чему ты так радуешься? — спросил Антон.

— А почему мне не радоваться?

— Что, значит, поговорили с Вороничем?..

Валя подняла брови:

— Я смотрю, ты хорошо осведомлен, — она начала подозревать, что Антон тоже не вполне трезв.

И что так долго нету автобуса?

— У вас что-то было раньше? Ты его любишь?

— А почему я должна тебе отвечать? — Вале пора было возмутиться на этот наглый допрос, но почему-то все равно было смешно...

— Потому что ты мне очень нравишься, — парень повернулся и посмотрел ей прямо в глаза.

— Вот так сразу, да? — Валя ехидно рассмеялась. — Бедный Антон.

— Почему это я бедный?

— Потому что жалко твоего времени. Ты мог провести его лучше, стоило только остаться.

— Я тебе совсем не нравлюсь?

— Детский сад какой-то! Ну хорошо, ты мне нравишься. Но только, когда поешь.

— Издеваешься, да? — догадался, наконец, он.

— Надо же и мне оторваться, — неожиданно серьезно ответила Валя.

Подошел автобус, и они уселись. Антон молчал, и Валя, не долго думая, достала книжку — им надо было до конечной, Антону потом в метро, а ей — пять минут до дома.

— Что читаешь? — наконец, спросил он.

— Льюис, сказки.

— Ты их раньше не читала?

— Читала, конечно. Я их всегда беру, когда мне не по себе, — невольно проговорила она, но Антон не заметил, или сделал вид, что не заметил.

— Совпадение, однако... Мы ищем идею спектакля, и думали про эти сказки.

— Знаешь, хотя книга вне возрастная, но спектакль все-таки получится детский... Разговор о спектакле нравился Вале больше.

— Я думал об аллегории.

— Тогда возьмите того же Льюиса «Кружной путь». Полная аллегория, практически уже разложена по ролям, можно сделать что-то интересное. Плюс декорации. Кстати, а в последнем спектакле декорации не твои ли были?

— Мои. А у тебя есть эта книга?

— Да, я принесу во вторник. Выходим, тебе в метро.

— Я провожу тебя до дома.

— Да еще на улице народу полно!

Но Антон упорно шел рядом. Вечер выдался морозный, а брючки у него, как она заметила, были тоненькие.

Дошли до подъезда, разговаривая о спектакле.

— Я пришла. Ну что, чай пойдешь пить? Согреешься.

— Да, конечно, — обрадовался Антон.

— Я с мамой и папой живу, — снова рассмеялась Валя, заметив блеск в его глазах.

Глядя на Антона, пьющего чай на кухне под испытующим взглядом ее матери, Вале опять стало смешно. Попрощались за дверью.

— Когда я тебя увижу? — Антон никак не хотел заходить в распахнутый лифт.

— Как когда? Во вторник, на репетиции... Надо не забыть про книжку.

Она закрыла за ним дверь и вернулась на кухню.

— Что за парень? — приняла боевую стойку мать.

— Расслабься, мама. Мальчик из богемы. Не наш вариант.

— А красивый!

— Тем более не наш. Представляешь — красивый парень — и я. Мое самолюбие будет страдать.

— Ты у нас тоже красавица! — возмутилась мама. — А как он у Ленки оказался?

— Лучший друг Ленкиного жениха.

Мать пошла в комнату, бурча себе под нос, но чтобы Валя расслышала:

— Некоторые и с ребенком умудряются себе женихов найти...

— Да отстань ты от нее, — услышала она голос отца.

Глава 6

Во вторник Валя пришла на репетицию со спокойной душой, первого встретила Мишу, пообщались с ним приветливо и ровно, он дал ей сценарий и попросил пролистать. В зале она увидела Ленку, обрадовалась и под села к ней.

— Приходи к нам в выходной, пойдём с Дашкой на горку с санками, — зашептала подруга.

— А Миша? Зачем я мешаться вам буду?

— Мишка поедет к родителям. Поговорим обо всем.

— Хорошо, приеду обязательно. Я так по Дашке соскучилась. А ты Антона не видела? Я ему книжку принесла...

— Как проводились? — улыбнулась Лена.

Валя пожала плечами.

Репетиция уже началась, и Миша что-то разруливал на сцене. Появился Антон, но в их сторону даже не глянул. Игра у него сегодня не шла. Миша постоянно делал ему замечания и просил собраться, Антон огрызнулся.

— Знаешь что, пойди, посиди и отдохни. Только не уходи, в перерыве пообщаемся, — сказал ему Миша.

Антон спрыгнул со сцены и направился в сторону Вали и Лены, сел рядом с Валею:

— Привет...

Лена тотчас поднялась и упорхнула за кулисы.

— Ну вот, уже и подружки догадываются...

— Вот книжка, как обещала.

— Спасибо.

— Что-то сегодня у тебя настроение хмурое. Ничего не случилось?

— Случилось.

— Что-то серьезное? — обеспокоилась Валя.

— Да... Ты.

— Тьфу ты, я думала, правда. Хватит дурака валять. Что за мелодрамы на ровном месте?

— Не веришь?

— Нет, конечно. Плохая игра.

— Я не играю. Думаешь, я только притворяться способен?

— Я как-то не верю в любовь с первого взгляда.

— Просто ты ее не испытала.

— И нет никакого желания испытывать.

— А когда будет желание, станет поздно...

— Намекаешь, что останусь старой девой? Не волнуйся, я уже она и есть.

— То есть заранее отказываешься от любого опыта? Ни за что не поверю, что Воронич мог так насолить.

— Это дураки учатся на своем опыте, а мне и чужого хватает. А Воронич твой ни при чем. Помнишь, «ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе, с кем попало»...

Она чувствовала, что готова сказать ему что-то по-настоящему резкое. На самом деле намек на старую деву ее сильно задел.

— А «кто попало» — это я, надо понимать?

— Ну, не обижайся. Это всего лишь стихи, Омар Хайям.

— Я классику знаю, — Антон резко поднялся и вышел из зала.

***

В перерыве Антон отправился общаться с Вале́й, а Миша, не зная, куда себя девать, вошел в общую примерку. Следом за ним пришла Ленка, села за столик Антона.

На столике лежали книги, под одной из них торчал краешек листка. Ленка, не задумываясь, потянула за листок:

— Антон тоже стихи пишет? Или чьи это? Валя для песни дала?

Михаил тоже подумал, что стих, наверное, принадлежат перу Валентины, и, не сдержавшись, протянул руку.

*Облетели мысли и чувства,
не успев нас собою зажечь.
Белой клавишей безыскусно
снег слагает в мелодию речь.*

*Кисть рябины — всего лишь символ,
ключ от тайны души твоей,
что, мелькнув мимо в платье синем,
остановится у дверей.*

*Задержись лишь на миг!
И что же?
Ты за осенью скрылась вслед,
я — стою на перроне проходим.
И в руках — ненужный билет.*

Он начал читать вслух, чтобы Ленка не подумала, что от нее что-то скрывают. Увлечшись, не заметил легких шагов Антона.

— Положи на место, — неожиданно резко сказал тот, выдергивая листок. — Что за дурацкая манера хватать все на чужих столах?

— Извини, это я, — вступилась Ленка.

— Значит, стихи твои... — утвердил Михаил. — А говоришь, не пишется. Что, муза появилась?

— Не твое дело...

— О, это уже серьезно, — Миша с любопытством и задумчиво смотрел на друга. — Хотел бы кое-что спросить, но ты сейчас в таком настроении...

— Я, пожалуй, пойду, — Ленка встала и вышла.

В последнее время, подумал Воронич, ей что-то часто приходится покидать сцену.

— Да ладно тебе, — неожиданно спокойно сказал Антон. — Да, она. Издевается, похоже, надо мной. Или всерьез не воспринимает. Или, — тут он выдержал паузу, — на тебя я не очень похож.

— Ты вот о чём? — Михаил помрачнел.

— Миш, если честно, мне сейчас очень хреново. И я не знаю, кто в этом больше виноват.

— Вижу, не слепой. Только зря думаешь, что нас с ней что-то связывает.

— Ну и что? Как это мешает ей любить тебя? Знаешь, как это бесит?

— А ты не хочешь предположить, что дело не во мне? Представь себя со стороны. Эти все твои дон-жуановские штучки... Они не каждого вдохновляют.

Миша был раздражен. Ему не хотелось даже обсуждать такую возможность, что Валя что-то испытывает к нему. Он сам не знал, почему. Ему не хотелось, чтобы кто-то

из-за него страдал? Или... Нет, запрет, табу, что угодно. Неужели он с самого начала мог допустить возможность... Неправда, он ни одной мыслью...

— Это у меня дон-жуановские? Да ты мне фору раз сто дашь. Посчитай для интереса, сколько женщин у тебя было за эти годы, и сколько у меня.

Миша поморщился. Антон был прав — впечатление, которое производил Егоров, было, по большому счету, обманчиво. Антон никогда не завел бы столько странных, ненужных связей, как он сам в прошлом. Егоров был куда разборчивее в отношениях с женщинами. Это они липли к нему после каждого концерта.

Антон, тем временем серьезно завелся:

— Зато теперь ты всем своим видом показываешь, что такому, как я с ней рядом не место, — продолжал он, — Только что же ты сам не на этом месте, раз все тебе плохи для нее?

Друзья не кричали, наоборот, говорили, все больше понижая голос, при этом оба понимали, что говорят то, о чем будут после жалеть.

— Ладно... — Антон отвернулся. — А знаешь, я злюсь, потому что действительно считаю тебя лучше. Всегда считал. С самого начала нашего знакомства с тобой.

— Бредишь? Меня? — Миша по-настоящему расстроился. — Антош... Прости. Ты не представляешь даже, как я желаю лучшего и тебе, и ей. И боюсь за вас. Пойми, мне и Вале — нам уже не вернуться, мы, или только я, что-то нарушили и закрыли для себя тот вариант. Будут другие варианты. Но того уже не будет. Может быть, именно это она и испытывает. Я знаю, потому что и я это чувствую. Хочешь, чтобы нам не было даже капельку больно?

— О чем ты... Меня она просто не воспринимает...

***

В выходные Валя поехала к Ленке. Автобуса долго не было, и когда она вошла, мама с дочкой уже стояли с санками наготове. Быстро надели шубки и пошли на горку. Разговаривали, притоптывая от холода ногами, и глядя, как веселится Дашка, пыхтит, затаскивая санки, и лихо съезжает с маленькой горы. А поговорить предстояло о многом. Денек был, как говорил Александр Сергеевич, «мороз и солнце». Никто не хотел начинать разговор первым. Наконец Валя решила:

— Давай, спрашивай, что хочется. Что в молчанку-то играть...

— Я уже поняла, что вы не по работе знакомы были.

— Столкнулись по работе, кстати. Да все равно — ничего особенного не было, одни разговоры. Наверняка тебе Миша уже все рассказал.

— Да, но хотелось бы и от тебя услышать, может, он пожалел меня просто.

— Не думаю. Мы и встречались-то всего неделю или две, много разговаривали на разные темы, потом он меня очень выручил. Вот и все. Я в тот момент собиралась замуж, был у меня такой Руслан. Миша, как ты сама понимаешь, мне понравился больше. Это я тебе так примитивно сейчас все объясняю. Он мне по духу был близок, по взглядам. Может быть, не будь у меня жениха, когда-нибудь это во что-то и вылилось бы, но я ему сообщила, что замуж выхожу, ждала реакции, а он меня отговаривать не собирался. Вот и все. Замуж я в итоге не пошла. Руслан ведь и был мне совсем чужим, просто после общения с Мишей это стало окончательно ясно. Кстати, так до сих пор и не знаю, как он тогда ко мне относился. Наверное, он тебе рассказал.

— А сама ты к нему как относишься? Думаю, тебе тоже не очень-то сладко сейчас, да?

— Нет, Аленка, честное слово, нет. Не переживай только ты, хорошо? Я, если и нервничаю, то только за тебя, чтобы ты на этот счет ничего себе не придумала. Все это детство еще было. Он просто симпатичен мне сейчас, я уже воспринимаю его

исключительно как твоего мужа. Иначе не смогла бы с тобой общаться, приходиться к вам, на репетиции ходить. Мне там у вас в театре действительно интересно. Я думала, что так и протухну со своими цифрами. А тут...

— Он рассказал мне, что вы как-то необычно познакомились.

— Маленькая цепочка совпадений, ну, я и решила сразу — судьба. Сама знаешь, как женщины все воспринимают.

— А сейчас опять встретились, новое совпадение... Может, и правда, это — ваша судьба, а я — только игрушка в ее руках, связанной? — задумчиво произнесла Лена, и глаза у нее наполнились слезами.

— Вот этого я и боялась! — в сердцах воскликнула Валя. — Не дури, пожалуйста, ладно? Я тебе все честно рассказала. Мало этого сейчас вообще не надо! Да и как мужчина, прости, он меня не волнует. Может, и тогда не волновал... все эмоции были связаны с близостью мировоззрений, это меня так поразило, помнится. Наверное, это была просто дружба. Кстати, если он говорит тебе, что любит, ему можно верить.

— Это я знаю. Но он может сам не разбираться в своих чувствах. А когда разберется, это будет стоить нам всем слишком много.

— Послушай, судьба — она ведь разная бывает. И только потом видно, что и для чего было. Может быть, все как раз наоборот — мы встретились, чтобы он мне в чем-то помог, а вовсе не для романтики. И нечего мистику нагнетать.

— Вы прямо одинаково говорите, — усмехнулась Ленка.

— Конечно, не скрою, мне любопытно, как он тебе это все рассказал, его глазами... — сказала после паузы Валя.

— Примерно так же. Сказал, что ты ему очень нравилась, но ты поставила его перед необходимостью каких-то решений, он не понял, то ли ты ждешь от него, что он тебя отговорит, то ли сама не решила, то ли предупреждаешь, что отношения закончены. Он тоже не знал, как ты к нему относишься. Ну и не готов чего-то решать или за что-то бороться. Чувствовал, что сделал промашку, жалел, что потерял тебя. Ты нравилась ему. А сейчас, говорит, испытывает только симпатию.

— Ну вот, сама видишь, — невесело улыбнулась Валя. — Нравилась, да не настолько. Если бы у него было что-то серьезное, он бы так себя не повел.

— Не факт. Трудно разобраться в себе, а мужчины вообще люди странные. Вы и правда похожи...

— Нет, Лен, знаешь, вы друг другу удивительно подходите именно тем, что разные. Вам будет интересно вместе. Когда мы с Мишей разговаривали, у нас почти не возникало разногласий, но говорят, похожим людям в семейной жизни тяжело и однообразно. Ты, конечно, смотри сама. Хочешь, я маячить перед вами не буду, если не можешь до конца успокоиться.

— Ну, здрасти, приехали. Еще неизвестно, кто мне из вас нужней. Не забывай — ты Дашкина крестная.

— Это счастье просто, что вы у меня с Дашкой есть. Ни на какого мужика не променяю вас.

— А как тебе Антон? — осторожно начала Ленка. — Мы разговаривали о нем с Мишей. Знаешь, Миша считает, что Антон очень серьезно к тебе относится, речь идет о сильных чувствах.

— Ох, я, конечно, понимаю ваше с Мишей желание пристроить меня по быстрому...

— Неправда! Просто мы были бы рады за тебя.

— Ты в этом уверена? Антон — мальчик другого склада, он талантлив, обаятелен, у него много девушек. Неужели ты желаешь мне, чтобы я постоянно мучилась ревностью? Искушений у него не убавится. А ко мне у него просто... как тебе объяснить... Когда то, что менее всего доступно, больше всего и надо. Как только я стану синицей в руках, он потеряет ко мне интерес. Да он и помоложе меня, кажется, на пару лет.

— На год, ерунда. Но если ты так считаешь, уговаривать не собираюсь, а то потом еще виноватой окажусь. А все же ты зря так о нем. Он только производит такое впечатление, это у него такие манеры, вроде защитной реакции. Мишка говорит, он очень раним, он давно его знает. Они раньше близко не общались. Но была ситуация у Мишки, он попал в больницу, да что-то надолго получилось. И, как бывает обычно, все его навещали сначала гурьбой. Потом — реже. А потом, когда особенно нужно, все куда-то пропадают, у всех дела. А Антошка, хотя и не был ему тогда близким другом, не бросил, и по врачам ходил, и взятки давал, чтобы его вытянуть. Они с тех пор и сошлись. А девчонкам, которые виснут на нем, он цену знает, знает, что они видят только его концертную оболочку. По молодости, конечно, пользовался, но сейчас ему это уже не нужно. Ты для него просто открытие, думаю, он к тебе относится очень трепетно.

— Больно он быстрый, я не воспринимаю это серьезно.

— Может, он уже точно знает, что ему надо, зачем ему тянуть?

— Такое у меня уже было — Руслан. Он хорошо знал, что такая жена ему подойдет. А мне хочется, чтобы меня не только как человека хорошего воспринимали.

— А кстати, этот Руслан? Он как воспринял тогда?

— Не знаю. Знаю только, что быстро женился, чуть ли не через пару месяцев. И ребенок есть. Это мне мама со слезами на глазах рассказывала. Представляешь, они с моей несостоявшейся свекровью до сих пор перезваниваются, дружат! Жалуются друг другу на детей.

***

В выходные Миша отправился домой, навестить родителей, заодно и поговорить о своих серьезных намерениях, подготовить Ленкин приезд.

Родители приняли новости на ура, особенно мама. Лена ей уже заранее нравилась, и против готовой внучки тоже не возражала. Лег спать Миша довольный, немножко выпили по такому поводу.

Среди ночи он проснулся от резкой головной боли. Старый, казалось бы, забытый страх, ледяной змеей вползал в сердце. Это от спиртного, успокаивал он себя. Встал, выпил воды, вышел на балкон, накинув отцовскую телогрейку. Постоял немного на свежем морозном воздухе, посмотрел на звездное небо, и страх постепенно ушел. Только головная боль осталась, но это ничего, это просто головная боль, бывает.

Скоро Новый Год. Ну, не так уж и скоро, но время пробежит быстро. Надо купить Дашке что-нибудь необыкновенное, чтобы она запомнила надолго. А Ленке что подарить? Женщина самостоятельная, все у нее есть... Может быть, стихи? Какие-нибудь особенные... давно он не писал, пьесы заполонили все. Действительно, как хочется написать стихи. Он вспомнил стихи Антона. Вспомнил, кому они посвящены. Увидел, но не ту Валю, которая встречалась ему последние дни, а картинку из прошлого — Чистопрудный бульвар, скамейка... И прикрикнул сам на себя: прекрати.

А почему «прекрати»? Почему надо выдирать с корнем часть себя, почему он не может все это помнить? Ведь ему ничего от нее не надо.

Что он хотел? Стихи Леночке. Все равно не спит. Миша пошел обратно в комнату, прихватил с собой клочок бумаги, включил ночник. Что сказать ей? Как он любит ее... Ну почему стихи рождаются, только если ты несчастлив? Ничего не получалось. Это из-за больной головы, надо спать... А все-таки, интересно, что сказала бы Валя про тот... тот старый сценарий? Зачем он позвал ее на репетицию, какой совет был ему нужен? Не по пьесе же Петрушевской...

Он снова встал, включил настольную лампу, и начал рыться в ящиках старого своего стола. Куда же он его запрятал? Ага, вот он. «Другое место», Пристли. Миша прилег на диван, открыл первую страницу.

— Долго ты колобродить-то будешь? Спи давай, — в комнату заглянул взлохмаченный отец в трусах и майке. — Все, все, хватит, гаси свет...

Глава 7

Задание, которое Валя получила от Миши в конце репетиции в прошлый вторник, было таким: прочитать сценарий переделанной пьесы Петрушевской, которую они сейчас репетировали, выступить в роли зрителя и редактора, отметить слабые места.

Работа увлекла и захватила ее. Даже в обеденный перерыв она умудрялась делать правки. И совершенно не успела удивиться, когда, отвечая на телефонный звонок, услышала голос Воронича.

— Валя, здравствуй. Я вот по какому поводу. Ты уже начала работать со сценарием?

— Да, и думаю, могу уже показать кое-что...

— Ты извини, не могла бы ты на время его отложить? То есть все это обязательно пригодится, но мне нужна твоя помощь в несколько ином... В выходные был дома, подумал, нашел старые бумаги... В общем, хочу тебе дать кое-что почитать. Он... тот сценарий написан давно, и мне не помешает свежий взгляд, причем именно твой.

— Ну-уу, хорошо... А я-то уже увлеклась этим...

— Ты поймешь, почему... материал специфический, а идея меня уже не отпускает.

— Ладно... Пришли мне на электронку.

— Да его в электронном виде и нет. Он и был-то в ноуте у Антона, небось не сохранился, у меня распечатка.

— Тогда передай через Ленку, а мы с ней встретимся в метро.

— Можно так. А лучше, приходи на репетицию сегодня, сможешь?

***

Миша с Антоном сидели в полутемном зале на первом ряду. Народу еще не было, они договорились встретиться пораньше. Антон держал в руках «Кружной путь» Льюиса, который дала ему Валентина.

— Не понимаю, чем тебе не нравится эта идея? — хмурился он. — Аллегория, которую можно интересно обыграть. С одной стороны — будничная жизнь героя в нашей реальности, с другой — Льюисовские метафоры: встреча с Блазном, Разумом, Матушкой, чернолицыми девушками...

— А ты представляешь себе, сколько надо ролей прописывать? У нас и народа столько не найдется, да и зритель запутается. А монологи? Там без спецподготовки и при чтении не все поймешь — вся история философии человечества зашифрована. Чем ты будешь держать зрителя?

— Ну, во-первых, нам не обязательно брать всю философию, можно как-то упростить. К тому же мы не рассчитываем на среднего зрителя, у нас есть свой.

— Все равно, есть вещи, которые со сцены не воспринимаются. Здесь главное — нести образ, картинку.

— Ладно, я чувствую, что у тебя есть свои идеи, давай, выкладывай, — немного обиженно сказал Антон.

— Да, есть. Причем идея уже неотступная. Только... Ты сразу не возражай, ладно? Помнишь... тот сценарий, которым ты меня спасал в больнице?

Антон поморщился.

— Подожди, я знаю, что ты хочешь сказать. Я его перечитал — кстати, в первый раз после... Да, там перебор эмоциональный, писал-то нервнобольной, причем в стадии обострения, — Миша усмехнулся. — Но канва хороша. Можно объединить два произведения — «Другое место» и «Случай в Лидингтоне», так сказать, по мотивам.

Егоров слушал его уже внимательно и заинтересованно.

— А можно узнать, с чего это ты вдруг сейчас вспомнил про тот сценарий?

Воронич помолчал.

— Скрывать бесполезно, все равно догадаешься, — он поднял глаза на Антона. — Понимаешь, все, что происходило тогда, было связано с Валентиной. И сценарий стал логическим завершением.

— Вот как... Значит, все-таки, не завершением... Ты меня или себя пытался убедить, что между вами был только эпизодик?

— Нет, не так. Отношения завершены полностью. А вот эта новая встреча... У меня никак не выходит из головы одна мысль — а не потому ли Валя вернулась, что эта пьеса должна быть поставлена?

— Знаешь, я уже бояться тебя начинаю. Ты просто маньяк. Вся Вселенная кружится вокруг твоих пьес, люди возникают в твоей жизни, чтобы ты создал гениальное произведение, а не наоборот.

— Не перебарщивай, — обиделся Миша, — Ты же не станешь отрицать, что идея классная? А какие события в моей жизни этому способствуют, тебя волновать не должно.

В театр уже подтягивались ребята, но они с Беловым не обращали ни на кого внимания.

— Разумеется, — голос Антона стал ледяным. — И то, какую роль ты отвел в этой «пьесе» мне, тоже ясна, если я хорошо помню сюжет.

— Да не путай ты жизнь и сценарий!

— А разве не ты хочешь их перепутать? Да, привет, — Егоров повернулся в сторону подходивших актеров и пожал руку одному из парней. — Подожди, Валентина пришла?

Антон удивленно смотрел в сторону двери: Валя уже побывала в раздевалке, и теперь закидывала в пакет свой толстый свитер, оставшись в блузке.

— Да, я позвал ее сегодня, чтобы показать тот сценарий. Не смотри на меня так.

— То есть факт постановки Пристли уже не обсуждается, ты подключаешь Валентину, а меня уведомляешь, так?

Валентина, увидев их, тоже подошла поздороваться. Антон только сухо кивнул ей, демонстративно встал и вышел из зала.

***

В тот же вечер Валя прочитала сценарий от начала и до конца, на одном дыхании. Новый рабочий день не давал возможности разобраться, но как только она вышла с работы, мысли вернулись к Мише, его пьесе и всему остальному. Сейчас она шла от метро домой. Краски уходящего дня были неестественно яркими, как в современных фильмах, снятых по последнему слову техники и так отличающихся от привычного цветного формата старого советского кино. Разноцветные огни магазинов и оранжевые фонари расцвечивали снег в розоватые тона, тени были углубленно синими, а краски неба от кобальта над ее головой плавно переходили в неестественную бирюзу. Показалась любимая первая звезда — яркая, большая и низко висящая.

Умеешь ли ты так дышать?

Смеется ли искрами снег?

И сможешь своею назвать

Звезду, что горит ярче всех?

Ее чувства и мысли были в полном разброде. Самое главное, что ее волновало — почему Миша так настаивал на ее участии. После прочитанного в голове вертелись только две подходящие версии, причем первая вызывала очень смешанные чувства.

Валя и подозревала, что пьеса написана про них, и не хотела этого знать. Если это про них, значит, Миша ничего не забыл, более того, было и страшно, и заманчиво думать, что он все-таки испытывал к ней тогда серьезное чувство, сопоставимое по силе с чувством героя пьесы, нашедшего и потерявшего предназначенный ему рай. На подобные мысли, разумеется, надо было навесить тяжелый амбарный замок, иначе все, что было найдено ею за последние дни — спокойные и ровные отношения с Мишей, покой Лены, а главное, жажда творчества, радость новых занятий, — будет утеряно безвозвратно.

Вторая версия была чистой и прямой, как солнечный луч. Михаил, зная ее веру, их общие религиозные взгляды, памятуя их духовную близость, ждал от нее помощи именно в этом направлении. В сценарии это действительно было слабовато прописано, в отличии от линии отношений. Идея Пристли куда объемнее и глубже.

Итак, что же ей делать? Можно отказаться, сослаться на занятость. Но не глупо ли это? Что если все подозрения находятся только в ее голове? Мир не крутится вокруг тебя, пора бы это понять.

А главное, другого шанса по-настоящему заняться творчеством уже не будет. У нее уже столько идей, да вот хотя бы по поводу этого сценария... Впервые она попала в такой круг, где не стыдно говорить о своих стихах, о литературе. Приятное чувство, что она нравится этому Антону, тоже поднимало настроение, льстило ее не слишком избалованному женскому самолюбию, особенно сейчас, когда ее роль при Ленке оказалась настолько сложной...

Конечно, Валя не собиралась питать новые романтические иллюзии по поводу этого первого парня на деревне. Но все-таки жизнь заиграла новыми красками, пустые и одинаковые дни наполнялись событиями. И главное, получалось жить внутри них, страдать или радоваться, не вынося свой скучный рассудок над происходящим.

«Господь посылает мне приключение, и я приму его», — сказала Валя себе почти что восторженно. «Господь посылает тебе новое испытание, будь бдительна, контролируй свои мысли, испытывай свою совесть», — нашептывал разум. «Все пока правильно, нормально и честно. И я никогда не попаду в ситуацию, в которой забуду о рассудке», — ответила она самой себе.

***

— Начинать надо с диалога министра и инженера. Один едет на собрание политической значимости в тот же Лидингтон. Другой — в поисках Другого Места. Между ними завязывается разговор.

— А если объединить эти два рассказа иначе? — предложила Валя. — Сделать не попутчика, слушателя, а эдакого проводника-рассказчика: он едет в поезде, к нему подсаживаются попутчики. Сначала министр, но потом он выходит, ему еще рано ехать до конечной, и его история со спящими идет параллельно. Затем — герой, который объездил весь мир в поисках «другого места», а теперь попал, наконец, на этот поезд в надежде доехать...

— Погоди, погоди... это можно. Освещением разделим сцену, а рассказ героя проводнику можно вести с комментариями, и получится обрамленная повесть, что-то вроде сказок Шахерезады... Тогда... Идея поезда — ее надо продумать досконально. Этот поезд — что-то типа льюисовского кружного пути, кому надо, тот сядет и доедет.

— Здорово! А что с идеей сна? Мы ведь не хотим, чтобы они действительно приехали в рай? Пусть все это будто во сне, гадательно.

— Так-так... Отлично. Будет некоторая «матрешка» идей — уже «неживые», которых видит министр, и которых оставляет позади поезд — это раз. «Спящие» — два, с ними все предельно ясно. И — ищущие. Они — не то чтобы спят, но видят пока «сквозь

тусклое стекло». Тогда поезд приходит на конечную, они видят картинусверкающих ангелов, настоящие предметы, а сами они — пока призраки, как у того же Льюиса.

— Все мы спим, вообще-то...

— Это уже у тебя буддизм какой-то, «все мы спим, пока не проснемся».

— Ну и что, рациональное зерно есть и здесь. А потом они снова просыпаются — возможно, на вокзале, но они уже не во сне, по крайней мере, знают теперь путь и направление.

— «Я есть путь», говорит Христос. Слушай, уже что-то вырисовывается концептуально, — он потер руки. — Ну ладно, по ролям я подумаю, переговорю с ребятами...

— Нет, подожди, — Валя уже увлеклась. — Я еще, конечно, плохо знаю всех ребят. Ну, Наташа сыграет Полу, тут много философии не надо. Ира — роль посложнее роль, ту учительницу, Мэвис Гилберт, с которой герой сходится в городе.

— Какую учительницу? — Миша почему-то испугался. — Она была кадровичкой.

— Ну да, а я разве сказала про учительницу? Оговорилась, значит... Ну, с мужскими ролями тоже ясно: министр — Мудродуров, Антон сыграет героя, Сергей — проводника.

— Вообще-то я не уверен, что Антон согласится, — опустил глаза Михаил. — У нас тут размолвка вышла... В общем, от идеи он не в восторге.

— Да? — подняла брови Валя. — Но ведь я просто пока сказала, не мне же это решать...

— С декорациями тоже без Антона не справиться, — Михаил глубоко вздохнул. — Это он не откажет, надеюсь. Да тут ты пока не торопись, по ролям продумаем.

***

Миша держал на коленях сценарий, с открытой первой страницей. Он всегда волновался на первой репетиции — от того, как все пойдет и какие ноты возьмутся, зависело и все дальнейшее.

«В поисках Другого места» — значилось на обложке.

По мотивам рассказов Джона Пристли «Другое место», «Случай в Лидингтоне», Клайва Льюиса «Великий развод».

Действующие лица:

Инженер (Харви Линфилд)

Министр (сэр Джордж Кобторн)

Баронет (сэр Аларик Фоден)

Проводник, или попутчик (аналогия с Жителем Гор, Мак-Дональдом)

Пола, она же миссис Эндерсли

Мэвис Гилберт — кадровичка в Блэкли и счастливая в Другом Месте

Баттеруорт, Доусон — друзья Инженера в Блэкли и Другом Месте

Жители Блэкли, Лидингтона, обитатели Другого Места, Ангелы.

Он хотел вопреки правилам начать репетицию сразу с двух посещений Другого Места, которые так ярко прописал в сценарии. Валя внесла свои поправки, они были вложены отдельными страничками в сценарий. Антон, как он и предвидел, играть наотрез отказался, но декорации обещал сделать в срок. Поэтому роль героя репетировал Сергей, Миша не хотел сам играть героя. Ему отвели роль Проводника, Валя утверждала, что у него хорошо получится.

Наташа роль читала пока с листа, чисто внешне она замечательно вписывалась. Не получалась только сцена в аэропорту...

— Наташ, тут нужна игра взглядов — сначала — притворно-удивленно-равнодушный... А потом, уже уходя, она оборачивается и подает сигнал, зачитывая из книги: «тот самый сигнал, пришедший из их бездонных серых глубин. И вот что он означал: «Да, там я была Полой, и теперь я вспомнила тебя, Харви Линфилд, но один Бог знает, где мы были и что нам делать!» По пьесе она это произносит вслух.

— «Да, там я была Полой» — завела Наташа сначала.

Наконец не выдержала Валентина.

— Давай я попробую поймать интонацию, — она обратилась к Мише почти виновато.

— Конечно, давай, что ты спрашиваешь? Ты — помощник режиссера.

Валя встала и подошла к сцене, но залезать не стала. Посмотрела на Сергея, и произнесла прерывающимся голосом:

— «Я теперь вспомнила тебя: ты — Харви Линфилд... Да, там я была Полой... — Она помолчала, и глаза сами наполнились слезами. — Но один Бог знает, где мы были... и что нам теперь делать...»

— У меня так не получится... — расстроилась Наташа. — А говорила еще, что играть не умеет...

— А я и не умею, — негромко сказала Валя, не глядя в Мишину сторону, и села обратно.

— Наташ, попробуй еще, ладно? — Миша был на редкость терпелив.

Он повернулся к Валентине и спросил тихо:

— А у тебя нет желания сыграть Полу? У тебя получается очень достоверно.

Валя посмотрела на него с нескрываемым удивлением, словно впервые его увидела.

— Нет, — сухо ответила она, и добавила:

— Ты ведь не жаждешь играть героя, как я понимаю...

Миша осекся.

— Прости, ладно?

— Проехали... — Валя устала на сцену.

***

В конце недели, отмечая пунктиром основные места пьесы, взялись за последний эпизод. Здесь все шло наперекосяк. Разговор в поезде должен был, по идее Миши, оборваться объявлением «Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны». Герои выходили в правую половину сцены, туда, где разыгрывались воспоминания и параллельные действия, и понимали, что попали именно туда, куда хотели. Там они встречают Жителей «Другого места» — в сияющих одеждах, эдакая импровизация на Льюисовское «Расторжение брака», беседы призраков и духов. Все это было прописано недавно, и вызывало сомнения — как идеологического, так и чисто литературного порядка. Валя уже откинулась в изнеможении на стул. Что-то не складывалось в единое целое.

— «Неужели это так? Значит, все, что мы тут видели — неправда? Значит, беседы призраков и духов — условное действие, а исход предрешен давным-давно?» — спрашивал Сергей в роли героя.

— «С таким же успехом ты можешь назвать это предвосхищением того, последнего выбора. А лучше не называть ни так, ни так. Мы видели ход событий немного четче, чем там, на земле — стекло тут яснее. Но смотрели все еще сквозь него. Не жди от сна больше, чем он может дать,» — отвечал Проводник-Миша.

— «От сна? Значит мы... еще... еще здесь?»

— «Нет, дети... Радоваться рано. Вам еще предстоит испытать горький напиток смерти. Вы видите сон. Если будете рассказывать его, говорите ясно, что это было во сне.

Не давайте им, бедненьким, повода думать, что они или вы заглянули туда, куда не заглянуть смертным»

— Миш, подожди,— вмешалась Валя,— со слов «нет, дети» уже должен говорить не проводник, а Сверкающий Житель Гор, обращаясь и к Проводнику тоже. Проводник, он, как и в «Сталкере» — не совсем обычный, но все же — грешный человек.

— Да, верно. Пока продолжаем, я буду за Жителя.

— «Упаси Господь!» — воскликнул Сергей.

— «Господь и упас. Он это запретил». А дальше декорации меняются, и они вновь оказываются на вокзале, на станции. Возможно, с ними ждет поезда и обновленный министр, и Пола, и все герои, — Миша задумчиво смотрел в сценарий, — Проводник утешает, что теперь они уже знают цель и направление, и путь.

Валя недовольно морщилась.

— Ну что опять не так? — раздраженно спросил Михаил.

— Миш, мы эту идею со сном до конца не продумали. Вначале у нас спящие — это плохо, мы двигаемся от них к пробуждению. Потом выясняем, что они тоже еще не до конца проснулись. Но что тогда имеет в виду Житель Гор, когда говорит: «Вы видите сон, это было во сне». Здесь сон совсем другого рода. Я не знаю, как из этого выпутаться. Может, лучше отойти от Льюиса и слова про «сон» чем-то заменить. К примеру: «Вы еще не до конца проснулись, но видите все яснее, как перед пробуждением — еще смотришь сны, но уже слышишь песни птиц и чувствуешь, что солнце взошло»... Ну, это приблизительно.

— Ладно, сейчас уже мозги кипят, давай отложим. Завтра у тебя время есть?

— Давай ближе к вечеру созвонимся.

— Давай. Сколько времени? О, десятый час... — Миша отошел в сторону, и достал мобильник:

— Алло, Леночка, привет! Извини, мы тут совсем зарепетировались.

— Миш, у тебя совесть есть? Я уже три раза разогревала... И Дашка тебя ждет. Не хочешь уделить и нам время? — голос в телефоне звучал обиженно.

— В выходные я полностью твой. Ты помнишь, что родители нас приглашали. Поедем в Старо-Мещанск?

— В прошлый раз были «смотрины», а в этот раз что?

— Да ничего, просто мама хочет нас видеть. Особенно Дашку, — Миша улыбнулся.

— И деда она тоже очаровала.

— Как там у вас репетиции, идут?

— Да... по-всякому. Приду, расскажу.

— Валя там?

— Да, рядом стоит.

— Привет передавай. Как она домой поедет так поздно? Антона нет?

— Не-а. Серега, может, подбросит.

Миша положил трубку.

— Ребята, на сегодня отбой. Валь, в общем, думаем.

Валя кивнула, потом спросила нерешительно:

— Ты Антону звонил? Декорации будут?

— Да, он все сделает, — Миша помрачнел.

— А он знает, что делать? Сценарий у него есть?

— Пока нет. Кстати, через неделю концерт, Сашка интересуется, придет ли Егоров.

— Он и к нему на репетиции не ходит?

— Нет, — досадливо протянул Михаил. — Но в принципе ему репетировать и не надо... Конечно, лучше бы уточнить... может, ты ему позвонишь? Он все еще дуется на меня из-за сценария, а ведь сам наотрез отказался...

Миша вздохнул.

— Если честно, мне его не хватает, — признался он. — Егоров бы нам точно помог с этой путаницей в «сновидениях», он такие вещи шестым чувством улавливает. Попробуй, поговори, ладно?

— Ну ладно, попробую.

Глава 8

Ей и самой немножко не хватало Антона. Хотя она и виделась с ним всего несколько раз, успела привыкнуть к тому, что нравится ему, и теперь его отсутствие разочаровывало.

Они хорошо ладили с Мишей, работая над сценарием, общаться стало на удивление просто. После того, как он предложил ей сыграть героиню, у Вали словно что-то навсегда перемкнуло. Тот Михаил, которого она знала, тот человек, который был ей не чужим, не мог бы ей этого предложить. Вся романтическая шелуха слетела вдруг с нее окончательно, осталась только работа — очень интересная работа, с человеком, который был очень умен, с которым они понимали друг друга с полуслова, говорили на одном интеллектуальном языке.

Иногда Ленка заглядывала на репетиции, но потом заявила, что на этот процесс смотреть невозможно без валерьянки, и вообще у нее куча дел, лучше она увидит результат. Они с Мишей собирались зарегистрировать брак, и Воронич уточнял, как ему оформить удочерение. Ленка даже нашла для них перечень документов и проконсультировалась со знакомым юристом.

В предновогоднем концерте в постановке Мудродурова Антон должен был играть ключевую роль — львиная доля песен либо была им написана, либо им исполнялась, а чаще и то, и другое. Валя надеялась, что и песня на ее стихи тоже прозвучит.

Но пока надо было решить вопрос с декорациями. Через день после их разговора с Мишей, немного волнуясь, Валя набрала номер.

— Алло! — в трубке ответил звонкий молодой женский голос.

«Ага!» — подумала Валя.

— Здравствуйте! Будьте добры Антона.

— Кто его спрашивает?

— Это из театра.

— Сынок, тебе из театра звонят, — услышала она.

Через секунду Антон взял трубку.

— Антон, привет! — деловито начала она.

— Здравствуй, — его голос звучал взволнованно и удивленно.

— Это Валентина.

— Думаешь, я могу тебя не узнать?

— Ты где пропал? Во вторник концерт. Ты ведь не подведешь Сашу?

— Тебя Воронич просил позвонить?

— Да, — не смогла соврать она.

— Очень мудро с его стороны, — голос Антона стал холодным.

— Так ты придешь? — растерялась Валя.

— Приду. Не подведу. Это все?

— Все.

— Спасибо за звонок.

И Валя услышала короткие гудки на другом конце телефона.

Она отшвырнула трубку — мальчик продолжает выпендриваться... ох, она же не спросила про декорации! Наплевать, больше звонить не буду, решила Валя. Пускай Мишка сам разбирается со своим приятелем.

Приходить ли на концерт, вопрос не стоял. Если бы она не пошла, все бы удивились. У ребят было принято поддерживать друг друга, кроме того, Миша тоже выступал, что уже интриговало, ведь Валя так до сих пор и не видела его на сцене, кроме как на репетициях. В программе были песни на его стихи, которых она, кстати, тоже раньше не слышала, он сам собирался их петь. Короче, было очень интересно. Хотела сесть подальше, в углу, но Ленка сразу потащила ее в первый ряд, на блатные места.

Валя видела, что подруга очень быстро успокоилась на их с Мишей счет. Поразмыслив и понаблюдав, она сделала вывод, что причина тут не только в доверии к ним обоим. У Ленки появилась чисто женская уверенность в себе, и поверить мужчине, что он любит именно ее, ей теперь было не сложно. Очевидно, он подтверждал ей это каждую ночь, поэтому Ленка щедро дарила его подруге на время работы. Валю это теперь по-настоящему устраивало, чем больше они трудились, тем меньше она воспринимала его как Мишу из своего прошлого. Но вечерами, когда он отправлялся к Ленке, а Валя — домой, она остро чувствовала свое одиночество.

Народу явилось много, не смотря на то, что театр был все-таки любительский. Публика собралась разновозрастная: богемного вида молодежь, интеллигентные пары лет тридцати-сорока, интересные пожилые женщины, похожие на преподавателей вузов, мужчины с художественными бородками. А еще много молодых и модных девчонок. «Уж не поклонницы ли Егорова?» — усмехнулась Валентина.

Антон она за все это время увидела впервые, и только на сцене. Как они встретились с Мишей, она не знала. Во время концерта она поймала себя на то, что сравнивает их манеры выступления. Михаил пел серьезно и тихо, слова были очень хорошими и близкими, зал тепло принимал его. Но все явно ждали появления Егорова. Своим исполнением он завораживал зрителей, и Валя поддалась общему чувству, ей хотелось слушать и слушать. После одной из песен, которую она слушала, не дыша, Валя очнулась и поняла, что песня была на ее стихи. В их сторону Антон ни разу не посмотрел, хотя не заметить не мог. Валин рассудок сказал ей, что ее это совершенно не расстраивает.

Концерт закончился, и стайка девчонок потянулась к сцене — неужели за автографами? Так и есть. Элегантный Антон, обаятельно улыбаясь, подписывал им программки. Желание пойти за кулисы и поздравить его с успешным выступлением сразу пропало. С ужасом Валя вспомнила про традиционный фуршет. Она и на работе-то - никогда не оставалась на «мероприятия», а если и оставалась, то на первые полчаса, пока все еще трезвые. А сейчас тем более не хотелось: Ленка с Мишей, Антон выпендриваются...

— Лен, а без фуршета нельзя обойтись?

— Да ты что, у них какой-то юбилей сегодня, ни в коем случае.

— Если я не пойду, может быть, не заметят?

— И речи не может быть!

И Ленка потащила ее за кулисы, где все бурно обсуждали концерт и исполнение друг друга. Валя невольно поискала глазами Антона — он сидел в глубине комнаты с бокалом шампанского. На этот раз дежурной девушкой, вертевшейся возле него, была Наташа. После нескольких бокалов она оказалась у Егорова на коленках, и возражений с его стороны не предвиделось. Миша с Ленкой переглянулись.

«Дура», — в очередной раз привела себя в чувство Валя. Сама же все про него поняла в первый же день, а теперь уже как будто ревнуешь. Она усмехнулась на собственную глупость, повернулась к кому-то из присутствующих, о чем-то заговорила.

Умнее всего было бы остаться, но в какой-то момент ей вдруг стало до невозможности тошно и захотелось на воздух. Дождавшись очередного перекура, она двинулась к выходу, уверенная, что никто даже не заметит.

В маленькой актерской раздевалке она с трудом извлекла из-под груды одежды свое пальто, когда-то приличное и дорогое, а теперь довольно-таки потертое. И когда она перестала заниматься своим гардеробом? Развернулась к дверям... И наткнулась на Антона, перегородившего ей выход.

— Опять убегаешь?

— Ага, — она постаралась придать голосу равнодушия.

— Не хочешь мне что-нибудь сказать?

— О чем?

— Тебе понравилось мое выступление? Как тебе наша с тобой песня?

— Мне все очень понравилось. Я тебе уже говорила, что мне нравится, когда ты поешь.

— Ты говорила, что я нравлюсь тебе, когда пою.

— Это одно и то же.

— Для меня — нет.

— Слушай, я очень хочу на воздух. Давай, пока, увидимся еще. Ну, дай же ты мне пройти! — не выдержала она.

Сделала попытку миновать его и оказалась вдруг у него объятьях. Он держал ее обеими руками вместе с пальто, пакетом и сумочкой, крепко прижимая к себе, и она слышала его сбившееся дыхание. Кажется, около минуты они просто молчали. Наконец, не делая попыток вырваться, Валя тихо произнесла:

— Антон, я очень устала. Пусти.

Он только замотал головой в ответ.

— Я прошу тебя, ну просто как человека... — пробормотала она, пытаясь совладать с сердечным ритмом. — Не нужно.... Там... там тебя ждут, иди. И у меня, и у тебя все будет хорошо. Ладно?

— Нет.

Антон прижимал ее все крепче, он не делал попыток поцеловать ее, но ткнулся лицом в ее волосы.

Ей было трудно сделать вдох.

— Не надо... не надо пользоваться моим одиноким... — Валя вдруг почувствовала, что сейчас заплачет. — Давай... давай поговорим... только отпусти меня...

Антон нехотя разжал объятия и присел на крохотную банкетку, чуть ли не силой усадив ее рядом. Он смотрел прямо на нее, а она куда-то в угол.

Но ей стало легче, она смогла взять себя в руки, чтобы произнести то, что давно произносила про себя мысленно.

— Ты мне нравишься, но это для тебя не новость, ты нравишься многим. Но я не умею испытывать одноразовых чувств. И я, если честно, боюсь... Мне кажется, что ты... ты ведь бегаешь только на короткие дистанции...

— Ага, я понимаю, за кого ты меня держишь. Но не знаю, как тебя переубедить, если ты отказываешься встречаться. Ну чем ты рискуешь?

— Как чем... Привяжусь к тебе, а ты...

— А сейчас ты все время думаешь о нем... Теперь у вас общее дело, каждый день рядом. Вы стали еще ближе, да?

— Полная чушь! Наоборот. Чем больше его узнаю, тем больше понимаю, что жизнь правильно нас развела. Мы с Мишей можем быть только друзьями, — она сказала это, посмотрев ему прямо в глаза. — Было бы иначе, я бы здесь даже не появлялась.

Антон обрадовался:

— Давай, я заеду завтра за тобой на работу.

— Нет, давай до выходных, — сдалась Валя, — подъезжай, пройдемся, поговорим. А сейчас иди обратно, а то будут сплетни.

— Пошли отсюда, — Антон нашел свою куртку, — я провожу тебя.

***

Они не договорились о времени, и в воскресенье он заехал за ней рано, в одиннадцать утра. Валя едва успела позавтракать, на ней был старый халат. Она открыла дверь и несколько секунд изумленно взирала на Антона. Из-за ее спины так же изумленно выглядывала мать.

— Я думала, ты позвонишь...

— Извини, не выдержал. И... боялся, что ты придумаешь причину для отказа.

— Но мы только встали недавно, — она посторонилась, пропуская парня в квартиру. Ей стало смешно.

— И что собираетесь делать?

— Ну, магазины, продукты...

— Так поехали, заодно все и купим. Я на машине.

Валя беспомощно обернулась на мать, но та быстро сориентировалась. Запихнула Антона в кухню пить кофе, а Валю в комнату — одеваться:

— Отличненько, купите тогда картошки, чтобы на себе не тащить. Сейчас напишу вам список.

Валя переодевалась, продолжая посмеиваться — родители на кухне (отец тоже присоединился) выясняли родословную Антона до пятого колена.

Накрутивши километры по рынку, наконец, уложили в его поддержанную иномарку кучу пакетов. Завезли продукты домой, а потом поехали в центр, с трудом припарковались в районе Тверской и погуляли по замерзшей Москве. Как всегда бывает на первом свидании, пытались говорить обо всем сразу, но ни разу не вернулись к опасным разговорам о чувствах.

Первая же попытка Антона снова обнять ее была встречена холодно, почти враждебно. Она боялась собственных проснувшихся желаний, боялась, что они приведут ее не туда. Настаивать он не стал, попыток не возобновлял, и она несколько успокоилась.

Следующие две недели они гуляли после работы, виделись на репетициях — Антон взялся, наконец, за декорации, — потом он ее провожал. Валя настояла, чтобы он ничего не говорил в театре, но это уже стало секретом полишинеля. Наташа перестала разговаривать с Вале́й, а ее замечания по тексту откровенно игнорировала.

А Валя все еще пыталась понять, что происходит, и главное, что она чувствует сама. Антон действительно оказался... не то чтобы другим, просто он не вмещался в отведенные ею рамки. Вне сцены, и не только вне сцены, а когда переставал играть денди, он был тихим и вдумчивым. Снимая концертную оболочку, он терял львиную долю уверенности в себе — по крайней мере, по отношению к ней. Иногда смотрел на нее чуть тревожно и испытующе, а однажды поблагодарил ее за возможность быть самим собой — якобы у него получается это только с ней.

Поползновения симпатизирующих ему девочек он стал пресекать быстро и даже грубо. О себе говорил с самоиронией, очень откровенно. Все время пытался узнать больше о ней самой, и она, сама того не замечая, открывала ему свои сокровенные мысли.

Хотелось ему верить. Но Валя по-прежнему была настороже, сводя все общение к разговорам. А разговоры были, признаться, интересными. Она снова и снова сравнивала двух друзей. При общении с Мишей три года назад Валю поразила близость их взглядов и мыслей, разговаривая, они словно продолжали мысль друг друга, а если и спорили, то так, как может спорить один человек внутри себя. Примерно так же продолжалась и их общение по сценарию, ни капли не затрагивая сферу чувств.

В Антоне ее удивляло иное — он придавал любой теме неожиданный ракурс, поворачивал какой-то новой гранью, открывал неведомую прежде глубину. Иногда Валя

просто терялась, понимая, как плоско она размышляла прежде над тем или иным предметом.

Антон был ей очень, очень интересен. И все больше нравился ей, не только когда поет. А когда он, наконец, взял ее за руку — впервые за все время к ней прикоснувшись, снова ощутила, что ей хочется большего. И снова этого испугалась. Она еще ничего не поняла и ничего не решила.

***

В одну из субботу они посетили Концертный зал Чайковского — Антон обожал музыку в любых ее проявлениях, и теперь на обратном пути рассказывал Вале свои впечатления (она могла только слушать, так как ничего не понимала в музыке). Они уже въехали в Коньково, и вдруг он остановил машину.

— Послушай, у меня к тебе деловое предложение. — Антон старался не волноваться. — Выходи за меня замуж.

Она уставилась на него, не понимая — это что, какой-то прикол?

— Только подожди возражать, — быстро продолжил он. — Сделаем так. Подадим заявление. Там все равно надо ждать два или три месяца. За это время достаточно все понять. А не прийти сможешь всегда.

У Вали даже не было сил смеяться.

— Ты это серьезно? Ты ведь знаешь, я... (она задумалась, как сформулировать свое отношение к браку) — я верующий человек. И если выйду замуж, заставлю тебя венчаться, а это будет для меня на всю жизнь.

— А почему ты считаешь, что для меня это будет иначе? В общем, пойдем пока, напишем заявление, а там посмотрим.

Только сейчас Валя заметила, что машина остановилась у районного загса.

— Никогда здесь не была, — зачем-то сказала она.

— Ну вот и пойдем, посмотрим, что там внутри.

И ей вдруг захотелось стать взбалмошной и легкомысленной, поиграть в эту игру: она собирается замуж. Ну действительно, кто помешает ей все отменить?

Заявление — ей не верилось в это самой, — было подано. Заполняя анкеты и выбирая дату свадьбы с помощью улыбчивой сотрудницы, Валя понимала, что вряд ли появится в этих хрустальных залах. Но представляла себе, что играет в еще одной пьесе, а главные герои — она и Антон, просто хорошие артисты.

Однако заснула вечером и проснулась утром она с мыслями о своем новоявленном женихе. Ни родителям, ни Ленке, ни кому бы то еще про заявление сказано не было.

Глава 9

Через пару дней с Валей произошла еще одна встреча с человеком из прошлого, довольно неприятная. Они с Антоном гуляли на Патриарших, зима в очередной раз растаяла, и они нашли сухую скамейку. Антон подложил на скамейку свою толстую кожаную папку с бумагами, чтобы Валя могла сесть и убрал оставленную кем-то стеклянную пивную бутылку.

Но не успел он протянуть руку к мусорке, как к ним подлетела караулившая неподалеку бабулька. В ее видавшей виды холщовой сумке уже был немалый урожай стеклотары. Узнать ее было бы трудно, если бы не презрительно-скорбное выражение лица. Одежда, как и прежде, мешковатая, была грязной и сильно поношенной. Та самая Вика из бухгалтерии, некогда спасенная Валей от увольнения, протягивала руку за грошовой бутылкой.

Удивление, неловкость, жалость — все это заставило Валю сделать вид, что она ее не узнала. Однако Вика затараторила без капли смущения:

— Ой, Валюшечка, дружочек, солнышко, какая встреча! Ты меня еще помнишь?

Пришлось здороваться и изображать приветливость, довольно неуместную при таких обстоятельствах.

Вика присела рядышком на скамейку и под удивленным взглядом Антона принялась жаловаться на жизнь. Валя слушала ее, лихорадочно соображая, удобно или нет предложить ей хоть какие-то деньги. Сюсюкающая и подобострастная Вика была ей еще более неприятна, чем прежняя высокомерная. Однако жизнь ее действительно не баловала.

После Валиного ухода (в изложении Вики это теперь звучало как несправедливое увольнение защитницы и лучшей подруги) замша проработала всего пару месяцев, а потом снова уселась на больничный. Когда она вернулась, ей вручили приказ о сокращении. Новой работы она найти не смогла, — Валя мысленно порадовалась, что не она стала причиной всех этих бед, как вполне могло произойти. Дочки вышли замуж, младшая уехала за границу, и даже не написала оттуда ни одного письма, а старшая живет с каким-то придурком, вместе пьют, мать ей нужна только в день выдачи пенсии.

— Чем вам помочь, Вика, скажите? Вы только не обижайтесь, я могу вам предложить немножко денег, — решила Валя сжимала, неловко залезая в сумочку, — а разбогатеете, отдадите...

— Ой, солнышко мое, не откажусь. Даже лекарства купить не на что, — Вика радостно приняла деньги, и Вале полегчало.

«Откупилась», — подумала она про себя, и ей стало стыдно.

— А знаете, Вика, может, я спрошу на работе, вдруг там кто-нибудь нужен? — пообещала она и тотчас же пожалела.

Брать Вику бухгалтером — подставлять руководство, а в уборщицы предлагать — значит унижить.

— Да пошла бы, но ты ведь знаешь, деточка, я же на полный день не могу, здоровье...

Тут в разговор вмешался Антон.

— У нас уволился вахтер. Зарплата небольшая, зато не каждый день, по сменам. Пойдете? И кажется, в бюро пропусков человек нужен. У нас огромное здание, бывшее министерство, у вахтеров своя комната на первом этаже. Будете сидеть, пропуска выписывать. Узнать?

— Узнай, милый, узнай, пожалуйста. Если в тепле и сидеть — то пойду.

Валя записала Викин телефон. Вставая и поднимая гремящую бутылками авоську, Вика громким шепотом сообщила Вале: «Какой красивый муж у тебя, такой добрый, я всегда говорила, что Господь тебе поможет, ты у нас самая лучшая была в этом гадюшнике!»

Глядя ей в спину, Валя невесело усмехнулась, вспоминая, кто был в гадюшнике главной змеей. Хорошо бы, Антону действительно удалось ее пристроить...

***

Перед самым Новым Годом что-то разладилось с Ленкой. Причины Валя понять не могла. Долго анализировала, что же она сделала не так. Вроде бы, во всем разобрались, поняли друг друга, все было спокойно и ровно. Однако последнее время общение не шло. Валя звонила, но разговор не получался. То Лена была занята, то отвечала односложно.

На репетиции она не ходила, а если и приходила, то только здоровалась с Валею и садилась в сторонке, якобы чтобы не мешать. Валю это сильно угнетало, не говоря о том, что ее лишили общения с Дашкой. Но выяснить, в чем дело, не получалось. С Мишей они

общались по-прежнему хорошо, по-рабочему. И Миша, и Лена знали, что они с Антоном встречаются.

В очередной раз Валя, позвонив подруге, услышала, что той не хочется сейчас разговаривать. Это уже было слишком, и она решила спросить у Миши, в чем дело.

Она подошла к нему в перерыве.

— Миш, а можно с тобой кое о чем поговорить?

— Да конечно. А что? Пойдем, сядем в зал...

— Что-то Ленка на меня дуется, а я не могу понять, за что. Может, я что-то сказала или сделала не так? — Валя намеренно взяла легкий тон, словно речь шла о пустяках.

— Да нет, какие-то глупости... — забормотал Миша, стараясь не глядеть ей в глаза. — Ленка прекрасно к тебе относится. Тебе показалось.

— Ну теперь ясно, что не показалось, — голос у Вали упал. — И ты отлично знаешь, в чем дело, да?

— Валь, — Миша, наконец, поднял глаза, — я знаю, но понятия не имею, в чем дело. Все у нас с ней хорошо, но стоит случайно упомянуть тебя, она напрягается и злится. И ничего не хочет объяснять. Это началось недавно, я думал, вы повздорили...

На сердце легла тяжесть.

— Но чем же я... Почему бы не объяснить... — голос предательски задрожал.

— Я не знаю.

— Может, не стоит мне приходить сюда? — робко заикнулась Валя.

Ей было неприятно. Получается, сейчас она намекает, что Ленка ревнует, но не верить же в эту глупость именно теперь?

Миша молчал. Неужели он не скажет: нет, ты что, какая ерунда? Она ждала от него ответа, и ей вдруг вспомнилась сцена на набережной.

«Я выхожу замуж...» «А что я могу сказать?»

Ей захотелось плакать, как тогда, от обиды... Но она взяла себя в руки.

— Не расстраивайся, все наладится, — сказала она. — Пойдем, ребята уже ждут.

Она знала, что больше сюда не придет.

***

Праздник в преддверии Нового года в туристической фирме организовали заблаговременно, в уютном ресторанчике, договорились прийти без спутников, только сотрудники.

Зачем, для чего Лена рассказала девчонкам на работе всю эту историю? Хотела, чтобы ее сомнения опровергли? Хотя понимала, что Света для этой цели не подходит, она больше для совместного шопинга и перекуров. Но... как понесло. Лена рассказывала о том, как хорошо, что они с Валею все выяснили, и со страхом видела в Светкиных глазах «бедная, доверчивая ты моя!» Остальные согласно поддакивали Светке, умоляли Ленку быть осторожной.

— А для чего она вообще стала в этот театр ходить? — допрашивала Света. — Как часто они видятся с Мишей?

— Она помогает ему со сценарием, ей это нравится...

— Ага, нравится! Только не то, что ты думаешь... Она считает, что он принадлежит ей.

— Она встречается сейчас с Антоном, — оправдывалась Ленка, совсем забыв, что для Светы эта новость как красная тряпка для быка.

— Чтобы быть ближе к Мишке, чтобы он ревновал, — завелась та. — Да мне еще на твоём дне рождения все стало ясно, только не знала, что там у вас. Она так на твоего Мишу смотрела... До чего же ты наивная, Ленка, столько испытала, до тридцати лет дожила, а все еще в бескорыстную женскую дружбу веришь!

— Ну хватит, я лучше ее знаю! — Лена решительно прекратила спор.

Нет, Ленка все понимала. Светка мизинца Валиино не стоит, да еще ревнует к Антону. Но вирус уже пошел гулять по крови... Ей стало неприятно общаться с подругой. В конце концов, шептала ей ревность, Валя тоже человек, женщина, и у нее никого не было, кроме Миши. Как можно его забыть? Конечно, она его все еще любит.

А он? Теперь в каждом его слове о Валентине мерещился подтекст. Вот он задумался — а вдруг о ней? Вот раздраженно ответил, — злится, что не может быть с Валею?

Нет, она не может потерять Мишу. Но что же ей делать?

***

Объяснить Антону, почему она бросила театр, Вале оказалось сложно. В нем тут же проснулась прежняя ревность, он тут же решил, что у нее воскресли прежние чувства к Мише. Тем более что тот даже не удивился, что Валя перестала приходить, его это, похоже, устраивало.

Антон допытывался, и пришлось рассказывать про Ленку. Он разозлился на Воронича: неужели Мишка не понимает, что заводит таким поведением всех в тупик? Как им теперь общаться всем вместе? Идя на поводу у Ленкиной ревности, он подтверждает все ее худшие опасения! Тут нужны были не уступки, а твердость и спокойствие. Или это проблема самого Воронича? Может, это его совесть не в порядке?

Антон говорил это, а сам вглядывался ей в лицо, в общем, кошмар. Валя перевела разговор на бухгалтершу Вику — Антон действительно устроил ее на работу. Перед тем, как та вышла, Валентина постаралась объяснить ей, что в коммерческой организации часто брать больничные не получится. Она боялась подвести Антона.

Однако, как ни странно, Вика, выйдя на работу, совсем забыла про болезни — работа, чувствовалось, была ей по нраву. От нее теперь многое зависело: могла пустить, могла не пустить. Кроме забытого паспорта, Вика придумала еще много разных препятствий для входа и выхода — нет отметки, нет предварительной заявки... Всякий раз при виде Антона она расточала ему сладкоречивые комплименты. В результате Антон начал прятаться от нее за спины сотрудников и проходить, когда она не смотрит.

Скоро должна была состояться премьера пьесы по Пристли. Антон уговаривал Валу пойти, и ей ужасно хотелось, ведь она столько вложила в эту пьесу столько своей души, но она точно знала, что не пойдет. И не могла понять, как может Миша так поступать с ней. И, если он так может, то не стоит ли, наконец, поблагодарить небеса за то, что их пути тогда разошлись?

А главное, как может так поступать с нею Ленка...

***

Миша действительно не знал, чье спокойствие бережет — свое или Ленкино, и не хотел об этом задумываться. Осталось чувство вины — ведь Валя действительно хорошо помогла ему. Но текст к тому моменту был почти готов. И лучше было чувствовать себя виноватым перед Валею, чем мучить Ленку, решил он. Тем более что сам не знал, все ли так невинно с его стороны. Он знал точно только одно — что любит Лену. Но знал и то, что какой-то кусочек своей души оставлял... не за Валею, нет, но за своим прошлым. За тем самым Другим местом, тем, что могло быть, что не отделимо от Валентины.

Нет, ему ничего не надо было от нее. Он получал удовольствие от общения, дружбы и совместного творчества. Но как это объяснить Лене, если она страдает? Он не пригласил Валу на премьеру, просто потому, что не мог ей позвонить сам, и надеялся, что Ленка это сделает за него. Но она не сделала. Он честно вывел имя Валентины в авторах сценария, и

успокоил себя тем, что она сама решила больше не приходить. Антона он избегал, потому что видел в его глазах молчаливое осуждение. На премьеру Егоров тоже не пришел, ну и ладно. В конце концов, что он, нянька, за всеми бегать — если это их детище, почему им нужно особое приглашение? Он, Воронич, тут не главный, они все делают вместе.

Но осадок остался поскудный. Премьера прошла на ура, и от этого почему-то стало еще хуже, и Ленка тоже, он видел, сидела в углу на банкете мрачная и тревожная. Он решил не трогать ее и не расспрашивать — побоялся, что дело в спектакле, в сюжете, который она могла увязать с Валентиной.

Домой они ехали молча, и только когда уже легли, она произнесла:

— А что из этого сценария придумал ты, а что Валя?

— Так сразу не скажешь, — подумав, ответил он. — Мы все делали вместе, обсуждали каждый эпизод.

Он напрягся, ожидая Ленкиной реакции. Но она спросила тихо:

— Без нее ничего бы не получилось, да?

— Да, — честно сказал Михаил, и, помолчав, добавил неловко:

— Если ты имеешь в виду сценарий.

— А что у них там с Антоном? — снова спросила она.

Миша напрягся — они впервые спустя долгое время разговаривали о Валентине. Не привело бы это к чему-то плохому, и чего Ленка опять взялась за свое...

— Я не знаю. Мы давно не общались, ни с тем, ни с другим, ты же в курсе.

— То есть это я во всем виновата, да? — зло ответила Ленка и вдруг разревелась.

— Ну что ты, что ты, маленькая? — испугался Миша и крепко прижал ее к себе.

— Ми-ишш... это я, я такая дура... и ты из-за меня... — она громко всхлипнула. — Как думаешь, она меня простит?

Глава 10

Перед самым Новым Годом Ленка вдруг позвонила. Валя несказанно обрадовалась, услышав ее голос. Сначала разговаривали, как ни в чем не бывало, как дела и тому подобное, про Дашку, про маму. И вдруг Ленка заплакала.

— Валечка, прости меня, пожалуйста. Я дура страшная, но ты мне очень-очень нужна. У меня ужасная ситуация. Ты только не приезжай, а то вдруг Мишка застанет, услышит, давай встретимся...

Вечером они обе сидели в Ленкиной машине — права были только у нее, Миша водить не умел.

Во-первых, оказалось, что Миша с Леной уже расписались — по-тихому, ничего не объявляя. Но Ленка прервала ее поздравления — это потом, сейчас другое... Все началось с того, рассказывала подруга, что для удочерения Дашки потребовалось согласие, точнее, отказ от родительских прав, от ее отца. Ленка ведь не была матерью-одиночкой, ребенок родился в браке, хотя ни копейки алиментов от так называемого отца не получила. С большим трудом Ленка отыскала концы, и нашла этого Павлика.

И вот здесь началось... Павлика она нашла в старой, донельзя захламленной квартирке, где он жил вместе с полуглухой двоюродной тетушкой. Он стал совсем не адекватным, сначала не узнал, потом попытался поцеловать ее, представлял ее своей тетке как жену. Когда понял, что от него хотят, стал агрессивным. В общем, Ленка с трудом от него сбежала, ничего не добившись.

Мише она рассказывать побоялась — вдруг пойдет выяснять отношения, и соврала, что Павлика не нашла. Но Павлик неожиданно завалился сам — ведь он жил раньше с Ленкой как раз в этой квартире. Ленка как раз болела и сидела дома, Дашка была в садике, а мать в поликлинике. Понять, что он хочет, Лена смогла с трудом. Пьяным он вроде не

был, не шатался, не пахло от него, но глаза были красными, а речь несвязной. В итоге он все-таки смог связать несколько слов и заявил, что решил вернуться в семью и никому не отдаст своего ребенка. Дашку при этом он назвал сыном.

С трудом Ленка выпроводила его, и с тех пор он звонит ей чуть ли не каждый день.

— А где он взял телефон? — не поняла Валя. — Или он домашний твой помнит?

— Слава Богу, не помнит, а то бы уже все были в курсе, маму бы напугал. Я сама ему, дура, мобильный дала, мол, позвони, когда протрезвеешь, поговорим. Ну, когда домой к нему заходила.

— Слушай, по-моему, это опасно. Может, расскажешь Мишке? У него были раньше друзья... Помнишь, я тебе рассказывала, они помогли мне тогда? — малодушно предложила Валя, сразу забыв свои муки совести по поводу «цель оправдывает средства».

— Да ты что? Павлик сразу сказал, что «увидит этого козла, который ему семью разрушил — убьет». И он может, ты мне поверь. Ну, пригрозят они ему, но у него ведь совсем крыша поехала, ему все равно, найдет Мишку, когда он будет один...

— Хорошо, давай пойдем куда надо, напишем заявление об угрозах. Может, его приструнят?

— Ты сама-то в это веришь?

— Ну, хотя бы попробуем... Надо же что-то делать!

В полиции разумеется, все оказалось так, как они и ожидали. Жирное лоснящееся лицо участкового глядело на них с нескрываемым равнодушием.

— Он кого-то убил, этот ваш бывший?

— Убьет, так поздно будет, — напирала Валя.

— А пока мы ничего сделать не можем... — он откровенно издевался.

— Ничего подобного. У нас имеется факт угрозы, вы обязаны принять меры, — давила Валя.

— Девушка, мы ничего не обязаны. Заявление, если хотите, оставьте, но пока фактов побоев нет, я ничего предпринять не могу.

— Пойдем отсюда, я и не надеялась на них, — Ленка тянула Валю к выходу.

Однако Валя все-таки заставила ее оставить заявление. Участковый смотрел поспокойно расписавшись, и нагло посмотрел на девушек.

— Да пожалуйста. Проведем расследование. Факты не подтвердятся. Ответ пришлем вам по почте, — участковый, рассматривая заявление, улыбнулся во весь рот. — Кому вы нужны? У вас мания преследования, а нам возись с такой ерундой. Как будто заняться больше нечем...

Они вышли.

— Я боюсь, — Лена могла и не говорить этого, страх был написан на ее лице. — Боюсь за Мишку...

— А за себя и за Дашку не боишься? Как вообще тебя угораздило в свое время связаться с таким Павликом?

— Да не был он таким раньше. Ну, выпивал в компаниях, ну, ругались. Сама знаешь, по сравнению с моим папашей, Павлик казался еще очень даже хорошим. А сейчас... вообще не ожидала такого. Он изменился, сейчас совершенно другой. Раньше был просто немного со странностями, и строил из себя философа... А сейчас...

— Давай тогда скажем Антону.

— Да чем он может помочь...

— Лишняя голова не помешает.

— А как у тебя с ним, кстати?

— Да нормально. Знаешь, давай так. Если этот тип позвонит, договорись о встрече, позовем Антона, попробуем вразумить его вместе. Может, что-то еще можно ему втолковать. Послушай, а денег он не просит? Если он наркоман, они обычно у всех денег требуют.

— Может, правда, ему заплатить, чтобы отстал?

— Нет, Лен, это не выход. Он вообще потом не отстанет. Да и грех таких людей деньгами снабжать.

***

Ленка все рассказала Антону, попросила ничего не говорить Вороничу.

Близились Новогодние праздники, как отмечать Новый год, Валя не знала. Антон предлагал несколько вариантов, но ей не хотелось проводить новогоднюю ночь с ним наедине с Антоном, а чужие компании ее не прельщали. Звать его к себе домой, встречать Новый год с родителями, как с будущими родственниками — еще хуже.

На Мишу Антон еще дулся, да и Вале тоже не хотелось его видеть, но даже если бы все было в порядке, совместно встречать не получилось бы. Молодожены взяли в Ленкиной же турфирме путевки в теплые края на все выходные и улетали уже первого числа.

Ленка сделала это не без мысли о Павлике — скрыться с его глаз подальше. Посоветовавшись с Валею, бабушку отправили к ее сестре в Ярославль, куда она давно мечтала поехать, а Дашку Валентина забрала к себе на все праздники. Если нагрянет этот «папаша», дома никого не будет, а там, может быть, и забудет совсем о них. К тому же Валя ужасно соскучилась по малышке. А тут такая возможность побыть с ней, при этом не пересекаясь с Вороничем. Молодым, опять же, хотелось в свадебное путешествие, побыть только вдвоем.

При слове «свадьба» Валя всякий раз мысленно вздрагивала, гадая, помнит ли Антон свой финт с заявлением в ЗАГСе. Их отношения словно замерли на одном месте, то ли их заморозила вся эта история с Ленкой и Вороничем, то ли Антон боялся переходить установленную грань, то ли сам уже начинал терять интерес. Настроение у него было каким-то странным, он словно пытался что-то понять, то ли в себе, то ли в ней. А Валя уже ничего не пыталась понимать. Она каждый вечер ждала встречи с ним, и всякий раз сердце ее замирало, когда она представляла, что между ними могло быть. А при встрече они снова держали дистанцию, и к концу вечера она просто ужасно уставала от того, что ничего не происходит. Возможно, это пора было заканчивать.

Однако на Новый год Валя все-таки отправилась к нему домой. Антон придумал компромисс, который ее устроил: они с матерью позвали общих друзей (а у них таковые были!). Таким образом, никакого интима не предполагалось, а праздник встречали все-таки вместе.

Ей было интересно посмотреть, как он живет. Квартирка оказалась небольшой, но уютной, дизайн был спроектирован самим Антоном. Его крохотная комната казалась светлой и просторной. Один угол — для работы и творчества (компьютер, столик для рисования, гитара, его собственные картины на стенах), другой — для отдыха, кресло, диванчик, книжные полки. Валя и раньше могла оценить его талант благодаря декорациям в театре, а сейчас впервые видела его картины. Это впечатляло. Она даже начала испытывать комплекс неполноценности — уж слишком талантлив оказался парень, причем многогранно талантлив. Это была такая тихая, вдумчивая, пастельная живопись, сродни импрессионизму, в основном, пейзажи, но нашлись и портреты. На одном из них Валя узнала себя — романтическую, с задумчивым взглядом. Она прикусила губу, не зная, что и сказать, а Антон никак это не прокомментировал, и она положила работу в общую стопку.

Кроме комнаты Антона и спальни его матери в квартире имелась квадратная гостиная, в которой и поместилось сейчас с трудом человек двадцать. Народ пришел разновозрастной, все были просты в общении, ребята с походов, родственники, кто-то с работы. Из театра не было никого. Все знали друг друга давно, однако появлению нового лица не удивились. Валя решила, это потому, что Антон каждый раз приводит новую девушку.

Реакция матери подтвердила эту догадку. Правда, в первую секунду она глянула на гостью чуть удивленно, но дальше повела себя с ней радушно, и... вполне равнодушно. Ни одного вопроса ей задано не было, ни пристальных взглядов, ни лишних намеков. Валу такой подход вполне устраивал. Выглядела мать в соответствии с голосом — молодая, модная женщина, очень привлекательная и общительная. Вечер прошел весело, долго гуляли, пели, а под утро Антон отвез ее домой на такси. Прощаясь, он даже не целовал ее в щеку, и это уже начинало ее злить.

На другой день, не успела она отоспаться, приехали Лена с Мишей, привезли Дашку и целый чемодан вещей, как будто оставляли ребенка на год. Миша выглядел смущенно и держался сзади. Дашка просто прыгала от радости, тем более что под елкой ее ждал еще один подарок, Дед Мороз расстарался для нее в этом году.

Валя почему-то подумала, что Антон больше не появится, но он приехал к полудню, и они отправились гулять с Дашкой в парк. Со стороны они, наверное, выглядели как молодая семья. Дашка, наклонив голову, как бычок, сосредоточенно рыхлила ногами снег, изображая то ли машину, то ли паровоз. Расчищенная дорожка ее совсем не интересовала.

— А мама-то моя быстро меня раскусила, — сказал вдруг Антон.

— В каком смысле?

— А я когда проводил тебя, она спрашивает: уж не жениться ли ты собрался?

Он снова уставился на нее своим испытующим взглядом. До этого они оба всячески замалчивали эту тему. Смешно, дата предполагаемой свадьбы была уже через две недели — семнадцатого января.

— С чего это она взяла? — пробормотала Валя, когда молчать стало совсем невмоготу.

— Я ее тоже спросил. А она говорит — Валя твоя уж больно особенная...

Валя тут же вспомнила про Руслана, и зло усмехнулась:

— Да, мамы таких как я любят.

— Что ты имеешь в виду?

— Жениться, говорю, на таких хорошо, — Валя не скрывала досады. — Знаешь что, мы пойдем с Дашкой домой. И ты поезжай, я совершенно не выпалась. Уложу ее спать пораньше, и лягу сама.

Антон возражать не стал, настроение испортилось у обоих, и расстались они еще хуже, чем раньше, злые и разочарованные друг в друге. Однако на другой день она начала его ждать прямо с утра, а он... Он опять приехал, как ни в чем ни бывало.

***

Молодожены вернулись после Рождественских праздников, отдохнувшие и полные впечатлений. У Ленки оставались еще несколько дней от отпуска, чтобы съездить за матерью в Ярославль, а Валя выходила на работу только десятого, поэтому Дашку забирать домой пока не стали. Договорились, что в пятницу Валя привезет девочку к Ленке домой и дождется там Мишу, который придет после работы. А Ленка с мамой вернутся на другой день утром.

Вале по-прежнему не хотелось встречаться с Мишей наедине, ей было еще неприятно. Зато Ленка полностью успокоилась, ее ревность казалась ей теперь отвратительно глупой, она так стыдилась себя, что словно нарочно создавала ситуации, в которых могла продемонстрировать свое доверие обоим — подруге и мужу.

В пятницу, перед тем, как отправиться в Ленкину квартиру, Валя накормила Дашку обедом, чтобы не готовить в чужом доме, потом позвонила Антону. Они договорились встретиться после его работы, вечером, уже без ребенка. Вале почему-то казалось, что им предстоит решительный разговор, и она очень его ждала. Впрочем, и боялась тоже — один решительный разговор в ее жизни три года назад кончился совсем не так...

Пришли они с Дашкой все-таки рановато, Миша обещал явиться в пять. Дашка, соскучившаяся по своим игрушкам, быстро нашла себе занятие, поэтому Валя отдыхала, сидя в кресле. Она достала из книжного шкафа Брэдбери и погрузилась в «Марсианские хроники». Наконец она услышала, что двери открывают снаружи ключом, сначала наружную, металлическую, затем простую деревянную. Не вставая, отложила книгу, соображая, как вести себя с Мишей. Человек прошел в комнату, и Валя в недоумении уставилась на незнакомого ей мужчину. Испуг пришел не сразу, но буквально через пару секунд она поняла, кто это. Она подскочила с кресла.

— Что вы тут делаете? — она старалась говорить спокойно.

— А ты тут что делаешь? Нянька, что ли?

Парень говорил грубо и зло. Валя теперь поняла, что имела в виду Ленка, говоря, что глаза у ее бывшего ненормальные — пустые, с красными нитками лопнувших сосудов, но при этом в них словно засела неведомая идея фикс. Пьян он действительно не был, но от этого стало только страшнее.

— Ладно, вали, гуляй, — продолжил он и сделал шаг по направлению к Дашке.

Девочка замерла в углу с деревянной кукольной кроваткой.

— Незачем ей с няньками сидеть, отец есть. Ну-ка, давай, иди ко мне дочка, пойдем к папе домой.

Дико взревев, Дашка кинулась к Валентине, та схватила ее на руки и отскочила к окну.

— Я полицию вызову, убирайтесь немедленно, — крикнула Валя, одновременно лихорадочно оглядываясь в поисках тяжелых предметов.

Ни вазочек, ничего лишнего — Ленка была сторонницей минимализма. Мобильник ее остался на столике в коридоре — не подобраться.

«Это не по-настоящему, это сон, это какой-то фильм... не здесь, не сейчас, не со мной».

Павлик, двигаясь спокойно и уверенно, насмешливо улыбнулся, подошел к ним почти вплотную, Валя отшатнулась. Дашка продолжала орать, вцепившись в нее. Весила она уже немало, но Валя этого не замечала. Физическое сопротивление бесполезно, понимала она, надо как-то отвлечь его, как-то заговорить...

— Дашенька, детка, не плачь, дядя просто пошутил. Вас ведь Павел зовут, правда? Мне Лена рассказывала о вас столько хорошего... Вы ведь хороший отец... Просто Дашенька вас еще не знает, ее надо подготовить, все ей объяснить. Зачем же так нервничать? Давайте так договоримся — вы сейчас уйдете, я ее успокою. А попозже еще заглянете, хорошо?

Тон ей не удался, голос срывался и дрожал. Парень нехорошо усмехнулся.

— Меня за идиота не держи только, детка. Есть охота со мной связываться? Ты знаешь, кто я? Да откуда тебе, курице, знать избранных в лицо?! Отдай ребенка без лишних криков, я ее сам успокою, можешь не волноваться. А матери так и скажи — отец пришел и забрал. Имею полное право, ясно тебе? Все уже predetermined.

Путь был отрезан, ледяное отчаяние охватило Валентину. Сейчас он попытается выхватить Дашку. Ну почему она никогда не занималась спортом? Может, ударить ногой в пах?

И в этот самый момент снова послышался поворот ключа в железной двери. Валя обрадовалась — это Миша! И в тот же момент испугалась еще больше — это же Миша, главный объект для ненависти! Павел резко обернулся, сунул руку в карман. Неужели он еще и с ножом? Миша вошел в комнату и остолбенел, ничего не понимая.

— Что происходит, вы кто? Я вас знаю? — Миша смотрел на парня, словно пытаясь вспомнить.

— Я-то за своим ребенком пришел, он у меня, между прочим, в паспорте записан, а вот ты — кто?

В глазах Павлика появилась страшная точка, и Валя поспешила отвести беду:

— Это... это не... Это мой муж, он за мной. За мной зашел.

К ее удивлению, парень поверил.

— Ну и валите оба отсюда, не лезьте в дела высших сил... Все, хватит трюндеть, давай ребенка.

Он сделал шаг и резким движением рванул из Валиных рук цепляющуюся за нее девочку, однако встретил сопротивление и Дашка, захлебываясь уже в беззвучной истерике, сползла на пол, выскользнув из рук Валентины, но и не попав в руки отцу. Девочка бросилась к Мише:

— Папа, папочка, меня дядька забихает!

Медленно и страшно Павел повернулся к нему, спиной к Вале и вытащил руку из кармана. А Миша понял главное — Дашке грозит опасность. Откинув Дашку себе за спину, он бросился к Павлу, однако раздался неожиданный щелчок, и Валя увидела, что Миша лежит на полу. Между плечом и сердцем на его одежде расплзлось красное пятно.

Глава 11

Она даже не вскрикнула, не бросилась к нему, настало ощущение полной нереальности, ее разум словно вознесся над телом, бессильно наблюдая со стороны, откуда-то сверху. Однако мозг сдаваться отказывался. Она верила, что Миша жив, и знала, что про него надо пока забыть. С невероятной силой мозг прощелкивал варианты, но ничего, совершенно ничего не находилось.

Дашка, которая упала в угол, поднялась, и Валя опомнилась. Она кинулась к девочке, заслоняя ее собой и загородив ей картинку с истекающим кровью Вороничем.

— Дядя играет в войну, и папа тоже, как будто он ранен. А ты быстро лезь под диван, прячься. И не вылезай, пока не скажу.

Поверила ли девочка или нет, но дважды повторять ей не пришлось, мигом она нырнула под диван.

Павел несколько секунд не обращал на них никакого внимания, он все еще держал пистолет направленным сторону Миши, застыл, сам не понимая, что сделал.

— Папа... — пробормотал он, — какой он тебе папа... Будешь знать, козел, как мою семью разваливать... Не удалось тебе моего ребенка прикарманить... ничего... по заслугам... мне дали права... кто мешает, тот...

Тут он вспомнил про Валью. Рука его с пистолетом дрожала, очевидно, он пользовался им первый раз. Утешало это слабо.

— А ну, овца, вытаскивай ребенка, или я тебя тоже... кто мешает... имею право, — и Павел направил оружие на в нее.

Дуло пистолета дергалось в его руках, этакая черная точка описывала в воздухе иероглифы.

Мозги крутились с невероятной быстротой. Если он убьет ее, вызывать полицию будет некому, и куда он потащит девочку, что с нею сделает? Может, лучше отдать ему девочку по-спокойному, а потом вызвать милицию, их догонят, и ребенка спасут? А если не догонят?

Как только Валя представила Дашку, ее маленькую, родную девочку рядом с этим подонком, она поняла, что лучше сначала умрет, чем отдаст ее, даже если это будет неправильно. Она не сможет, просто не сможет. Мысль о конце не сильно волновала ее: сейчас, так сейчас... Вот только Антон будет ждать ее у метро...

Внезапно она успокоилась. Когда выбора нет, все становится проще.

— Ну, что тебе сказано? Считаю до трех! — Павел дергался, крича тонким истерическим голосом.

— Только через мой труп, — она произнесла это тихо и твердо.

— Так ты сейчас и будешь у меня трупом!

Но, хоть он и тряс пистолетом, почему-то отступил на шаг назад — то ли уверенность потерял, то ли все-таки испугался того, что натворил. Он обернулся на Михаила — тот лежал без движения.

Валя выпрямилась. Бешеный, безудержный гнев охватил ее, и, вероятно, в глазах отразилась решимость. Она медленно двинулась вперед.

— Да я тебя сама сейчас удавлю, сволочь, только прикоснись к ребенку, я с того света тебя достану, понял? — она говорила тихо и страшно.

И вдруг поняла, что он не посмеет выстрелить, его безумные глаза забегали.

— Ладно... ничего... — забормотал он. — Скоро и на тебя, тварь, разрешение получим, сегодня же выйду на связь...

Он попятился, споткнулся о Михаила, потом в его пустых глазах зажглась какая-то мысль. Присел перед ним на корточки и не выпуская из рук пистолета, брезгливо оттянул карман Мишиной куртки и вытащил его телефон, спрятал в штаны, а с пола поднял уроненные Мишей ключи от входной двери.

Пошатываясь, Павел двинулся в прихожую, и Валя испытала приступ надежды — сейчас он уйдет. Но провидение было не на ее стороне — из ее открытой сумки в коридоре послышалась громкая мелодия — зазвонил мобильник. Ленка? Безумный схватил сумку, вытряхнул, поднял аппарат, нажал на ответ, поднес трубку к уху, послушал и заорал в трубку:

— Ты, коза, завянь там, не звони сюда больше, — он нажал отбой, потом выключил телефон вообще, кинул себе в карман, а потом в мозгах, у него, видать, что-то включилось, он обежал глазами комнату и уставился на городской аппарат в углу.

Усмехаясь, подошел, несколько секунд он разглядывал телефон, положил пистолет на столик, а потом с мясом выдернул из телефон розетки и зашвырнул в угол комнаты. Аппарат с треском ударился о стену и разлетелся на куски. Потом снова подхватил свой пистолет и снова затряс им.

Вале показалось, что Миша пошевелился и слегка застонал, но Павел этого не заметил. Дашка, однако, лежала так тихо, что Валя боялась, не задохнулась ли она под кроватью. Павлик повернулся к Вале:

— Жди здесь, поняла? Вот получу разрешение и вернусь.

Соображал он явно неплохо, потому что прихватил из открытой ключницы и те ключи, с которыми пришла Валентина, потом, задом, не опуская пистолета, и придурочно посмеиваясь, двинулся к дверям, совершенно забыв про Дашку. Хлопнула металлическая дверь, и ключ повернулся дважды с той стороны.

В ту же секунду Валя бросилась к Мише. Господи, только бы он был жив...

Кажется, он дышал. Она потянула за полу куртки, увидела залитую кровью рубашку, вскочила, вскрикнув, и в ужасе озираясь. Рана была повыше сердца, чуть ближе к плечу. Может быть, сердце не задето? Тогда почему он лежит, почему потерял сознание? Она видела, как в кино раненные в плечо супермены продолжают бегать за бандитами...

Что делать? В голове мелькали обрывки знаний, но ни во что не складывались. Медицина была так же далека от нее, как и космос. Кажется, надо зажать чем-то рану, чтобы он не потерял много крови. Куда-то перетащить? Зачем? Она подложила ему под голову подушку. Миша застонал, приоткрыл глаза, мутно посмотрел на нее и снова закрыл. Живой!

Тут только Валя вспомнила про Дашку, сидящую под диваном в полном безмолвии, бросилась на пол, выглядывая ее:

— Дашенька, вылезай, маленькая, дядька ушел уже.

Дашка вылезла, вся в пыли. Но не плакала, не кричала.

— А что папа лежит? — задумчиво спросила она.

— Мы играем. Мы будем в больницу играть, хорошо? Как будто папу ранили, а ты будешь медсестрой, давай?

— Давай!

— Неси скорее, где у мамы бинтики, аптечка, знаешь?

— Ага, мне бабушка пальчик заматывала! — умненькая девочка побежала в бабушкину комнату и принесла оттуда коробку. Валя извлекла бинт, сложила его во много слоев, вся трясясь от ужаса, расстегнула Мише рубашку. Ее затошнило при виде раны, но она попробовала приложить туда бинт — он моментально пропитался кровью. Тогда она вытащила из гардероба чистую простыню, но не знала, можно ли ее прижимать, и просто подложила между рубашкой и телом.

— Даша, не бойся.

Она бросилась к дверям, деревянная оказалась не заперта, заколотила в металлическую, однако утепленная дверь почти не пропускала звука. Прижалась к глазку — лестничная клетка пуста. Тогда побежала обратно в комнату, распахнула балкон. Внизу, с высоты шестнадцатого этажа, были видны проезжающие по шоссе машины. И ни души — ползет какая-то бабулька вдоль дороги. Валя заорала: «Помогите!» Ее голос потонул в шуме шоссе, бабулька даже не подняла головы.

Дальнейшее описать потом было трудно. Миша периодически приходил в себя, приоткрывал глаза, с каждым разом все реже, и, не произнося ни слова, закрывал. Валя понимала, что он просто умрет от потери крови. Валя меняла тряпки, прижимала их к ране, думая, что так можно остановить кровь. Ей казалось, что никто никогда не придет.

Дашку она отправила в комнату к бабушке, периодически забегала к ней, успокаивала, не пускала в комнату, пыталась отвлечь — девочка уже поняла, что это не игра, и плакала, что дяде Мише больно.

Потом начинала метаться в попытках что-нибудь предпринять, колотилась в дверь, в надежде что кто-то выйдет из квартиры, орала с балкона. Даже стучала в стену и по трубам соседям. Ругала последними словами Ленку, не удосужившуюся за три года поменять замки.

«Господи, помоги, помоги, умоляю, прошу!» — кричала она про себя. А когда в дверь вдруг раздался звонок, даже не сразу осознала, бросилась открывать, опомнилась, что это мог вернуться Павлик, посмотрела в глазок и увидела Антона.

Глава 12

К тому моменту, как Антон, наконец, попал в квартиру вместе со спасателями и бригадой скорой помощи, она, ничего не объясняя, уже не отходила от Миши. Он был бледен, но пульс прощупывался. По лицам врачей она пыталась определить, что с ним будет. Врач разрешил ехать с ними, Валя быстро одела Дашку и велела Антону везти Дашку обратно к своим родителям, они спустились вниз вместе с носилками, и Валя, не оглядываясь, прыгнула следом за медбратьями в машину реанимации.

Полицию вызвали прямо со скорой, или в больнице, и Вале пришлось еще, сидя в кабинете главврача в Склифе давать первые показания следователю — маленькому невзрачному парню в очках и несвежем свитере. Она вспомнила о поданном в полицию заявлении, в котором было указан адрес Павла, и тут же нашла в дебрях своей сумки копию с подписью того толстого сотрудника. Бумажка так и хранилась все это время в Валиной сумке.

Потом следователь ушел, а Валя вернулась на свой пост — в холл перед реанимацией. Она мечтала, чтобы скорее приехал Антон, невыносимо хотелось, чтобы он пожалел ее, да и просто избавил от тягостного ожидания в одиночестве. Позвонить ему было неоткуда. Кроме того, она боялась, не станет ли этот урод Павлик названивать с ее или Мишиного мобильного Ленке, и та в ужасе рванет ночью в Москву, на машине. С другой стороны, надо было как-то ее предупредить, рассказать хотя бы полуправду. Что будет с Ленкой, если Миша умрет, она не хотела себе даже представлять. Она старалась не думать об этом, иначе сошла бы с ума.

Наконец-то лифт выпустил из себя не кого-нибудь, а Антона. Она кинулась к нему, но он только взял ее за плечи и глядел как-то отстранено:

— Ну, как он?

— Не знаю, идет операция... Ты не представляешь себе, что мы... мне было так страшно, я думала... как ты догадался прийти? Я уже не на что не надеялась...

— Скажи спасибо своей склочной Вике. Она позвонила поздравить тебя с Рождеством, ей нахамил, как она выразилась, какой-то мужик, она как раз дежурила, ну и побежала мне ябедничать, что у тебя мужики на мобильном отвечают. Звоню тебе — не доступна... Я сразу испугался.

— Этой Вике надо памятник поставить, если бы не она...

— Я все равно забеспокоился, если бы ты не пришла, но сколько бы времени прошло...

Оба замолчали.

— Это тот самый бывший Ленкин муж был, да?

— Да. Я потом расскажу... ты Дашку отвез, все в порядке?

— Да, конечно. Только маме твоей объяснить много не стал, сказал, что Дашка останется еще на денек.

— А вдруг Дашка сама расскажет? Ее надо будет психологу показать... мне до нее было... и что делать с Ленкой? — Валя спешила выложить все свои страхи, кроме одного — что будет с Мишей, об этом они говорить пока не могли.

— Дашка сказала, вы в войну играли... Да, Ленку вызывать надо...

— Но как она поедет ночью, если будет знать?

В итоге позвонили Ленке с мобильного Антона, объяснили, что у Вали кончились деньги, а Миша потерял телефон. Валя довольно естественно каялась Ленке, что не смогла открыть ее железную дверь, и, кажется, что-то там сломала. Поэтому Миша поехал ночевать к кому-то из друзей, и просил Валю ей позвонить. Ленка, конечно, встревожилась, но, кажется, поверила. В итоге договорились, что Лена выезжает с матерью завтра утром, придет сразу к Вале домой, а звонить будет пока через Антона.

— Да тебе надо первые роли у нас играть, — грустно усмехнулся Антон, — очень натурально врешь...

В этот момент в коридоре за стеклянными дверями послышалось движение, и Валя резко повернулась в ту сторону. Вышел врач, спросил:

— Вы жена Воронича?

— Да, — не задумываясь, соврала Валя. — Ну что?!

Врач никуда не торопился, медленно и нудно он начал рассказывать в медицинских терминах, как прошла операция, а Валя никак не могла сосредоточиться на его словах, понять из них, жив Миша или... В итоге она поняла, что крови Миша потерял не так много, как полагали сначала, сейчас спит, и жить будет. Похоже, у него еще были проблемы с сердцем, не связанные с раной.

Валя выдохнула. Было уже около одиннадцати вечера, и хирург рекомендовал им ехать домой, все равно до утра никого не пустят. Антон сунул врачу в карман деньги, Валя даже не стала спрашивать, сколько. Потом они медленно вышли с территории больницы, сели в машину. Валя позвонила домой с телефона Антона, узнала, что Дашка уже спит. У нее начался отходняк, и впервые за весь день полились слезы, но Антон словно не видел, и не собирался ее утешать, а у нее больше не было сил говорить, она думала о том, как преподнести новости Ленке.

Когда машина затормозила у подъезда, Валя обернулась к Антону:

— Пойдем, переночуешь у нас. Куда ты на ночь глядя?

— Что тут ехать — десять минут по пустой дороге, — глухо ответил тот.

— Останься, пожалуйста... Завтра придет Ленка, я не знаю, как с ней одна...

— Ничего, справишься. Это уже не самое страшное, — Антон пребывал в своих мыслях

— Ты меня пожалеть немножко не хочешь? — жалобно спросила она. — Хоть бы обнял, честное слово...

Антон как-то странно на нее посмотрел:

— Ну кто же жалеет Багиру?

Валя не знала, что и сказать. Антон на что-то сердился, но в чем она провинилась? Разбираться сейчас не было сил.

— Ну, тогда до завтра. Ты приедешь с утра в больницу? И еще — дверь у Ленки надо менять. Может, им вообще пока не стоит возвращаться в квартиру...

— Я понял. Завтра заеду за тобой в девять. Думаю, раньше смысла нет, в реанимации утром бригада сменяется, так пообщаемся с новыми.

— Тогда я пошла?

Антон молча кивнул.

— Будь осторожен, ладно? Позвони мне, когда приедешь...

Валя вышла из машины, вошла в подъезд. Дверь открыла своим ключом, в ее комнате спала Дашка, было темно. Родители смотрели телевизор. Она вышла на кухню, зажгла свет. Подошла к окну, и увидела, как в тот же момент тронулась с места машина Антона.

Он не позвонил, и через полчаса ей пришлось самой набирать его номер. Трубку взяла мать.

— Извините, я вас не разбудила? Это Валентина. Скажите, Антон приехал, он обещал позвонить, когда придет?

— Да, дома, сейчас я его позову.

— Нет, не надо, спасибо, пускай отдыхает.

***

Всю ночь ей снились кинофильмы, на манер американских боевиков, про маньяков и похитителей детей. Проснувшись, сразу не смогла понять — приснилась ли ей вчерашняя история, или этот дешевый боевик на самом деле проник в ее обыденную жизнь. Киноистория снаружи и внутри — оказывается, это совсем разные вещи. Наверное, она никогда больше не сможет смотреть подобные фильмы...

Поцеловав еще спящую Дашку, Валя оделась, тихонько разбудила мать, вкратце предупредила ее, чтобы позвонила, когда появится Ленка. Ровно в девять заехал Антон, с не выспавшимся и несчастным лицом. Вел он себя по-прежнему отчужденно. Валя решила, что потом разберется с этим. Пока надо было убедиться, что Миша в порядке.

Все утро, до самого обеда, они провели в больнице, Антон раздавал деньги направо и налево, в итоге их одели во все белое, выдали специальные бахилы и разрешили пройти в реанимацию. Миша был в сознании, очень слабый и бледный. Улыбнулся им, сразу же спросил про Ленку и Дашку. Валя, как могла, успокоила его. Дежурный врач тоже сыпал терминами, но стало ясно, что все обойдется.

Позвонили следователю, узнали, что Павла задержали в тот же вечер в его же квартире. При нем нашли один телефон, похоже, что Валин, второго, Мишиного, не было, то ли выбросил, то ли обменял на зелье. Пока сидели у Миши, на телефон Антона позвонила Ленка. Хотя мама ничего ей не сказала, да и не знала почти ничего, подруга словно предчувствовала ужасное и ее голос был полон тревоги. Поэтому Миша сразу взял трубку, поговорил с ней немного, а потом Валя, как могла, объяснила ей, что произошло.

Затем их вежливо прогнали из реанимации, и они спустились к выходу ждать Лену.

— Интересно, как она представится врачам — жена номер два? — спросил Антон, когда увидел у ворот Ленкину машину.

Подруга побежала наверх, снабженная деньгами Антона — надо было снова попасть в закрытую зону реанимации, а Антон повез Валю к следователю. Вечером, порядком вымотанные, все собрались на квартире у Ленки. Вызванные мастера ставили стальную

дверь. Дашка сидела на коленках у своей бабушки, веселая, словно ничего не случилось. Ленка поставила на стол бутылку водки, налила всем, кроме Антона: надо снять стресс. Она все время плакала и во всем винила себя.

— У Мишки голова словно поехала, — внезапно сказала она. — Говорит странные вещи. Мол, Павлик стал таким из-за него, что он его раньше знал.

— Не знаю... Вообще, когда он пришел, то как-то странно сказал этому Павлику, вроде они знакомы. Может, и правда? Бывают же совпадения.

Антон уехал домой, а Валя осталась ночевать у Ленки. Они всю ночь просидели на кухне, вновь и вновь перемалывая произошедшее, и тем самым постепенно от него избавляясь.

***

Миша быстро шел на поправку, постоянное Ленкино присутствие действовало на него благотворно. Его перевели в обычную палату, и Дашка уже ждала «папу» из больницы.

Валя несколько раз навестила Мишу вместе с Ленкой, а потом решила, что можно больше им не мешать. Ей пришлось рассказать Вороничу всю историю, большую часть которой он провел без сознания. Никто не понимал, почему Павлик ушел, почему так легко сдался. Валя сказала, что он сам испугался того, что натворил, и ни слова не сказала, как он целился в нее саму.

Антон, кажется, тоже приезжал в больницу ежедневно, однако всякий раз так, что с Валею они не пересекались. И не звонил ей, совсем. Она не понимала, в чем дело. Если ревность — то это глупо, эгоистично, даже низко в таких обстоятельствах. Ей было обидно и больно.

Перед выпиской Валя приехала в больницу по Ленкиной просьбе — подругу задержали дела, а надо было переговорить с врачом. Тот озвучил рекомендации, и Валя зашла к Мише в палату. Он обрадовался, и они вышли с ним в рекреацию, уселись под жуткими пейзажами. Миша вертел в руках новый мобильный.

— Смотри, Антошка мне подарил.

— Здорово... — кажется, энтузиазм в ее голосе был слишком фальшивым.

Миша внимательно посмотрел на нее. Вздохнул.

— Послушай... Антон молчит, вообще не хочет говорить на эту тему. Но я так понял, что вы разбежались? Он сказал, что у вас... все. Почему, не скажешь?

Валя даже не ожидала, что ее так резанут эти слова — «всё». Значит, и правда, «всё».

— Я с ним не ругалась, — выдавила она, — все было нормально, пока...

— Пока мы с тобой не попали в передрыгу, да? Тебе ведь хуже меня пришлось, правда?

Валя резко тряхнула головой.

— Если он ничего не понимает... И это — вместо поддержки... Значит, он просто... моральный урод.

— Зря ты так... Это точно не про него. Он... он очень тебя любит, настолько сильно, что ты и не подозреваешь. Я его слишком долго знаю, чтобы не видеть, как ему хреново. Может, сама ему позвонишь? Он ведь тоже не железный. Все мы хотим, чтобы понимали и жалели только нас... Посмотри на все его глазами, — Миша замолчал, боясь сказать слишком много.

Они глядели друг на друга в глаза.

— Хорошо, я попробую... — неожиданно для самой себя пообещала Валя.

***

Ей действительно ужасно, до боли в сердце, не хватало Антона. «Так я и знала, ведь знала же», — пыталась ругать себя она. Вроде как нельзя было влюбляться в него. Но знала она на самом деле совсем другое. За это время Валя так привыкла к тому, что он есть в ее жизни, и только сейчас осознала, что ее чувства к нему отличаются от того, что она когда-то испытывала к Мише, примерно так же, как отличается романс от симфонии. Симфонией стал Антон, и она уже ничего не могла с этим сделать, только пытаться обмануть себя, внушить себе, что он не настолько ей дорог, что она это переживет.

Она промучилась весь вечер — звонить-не звонить. Гордость подсказывала ей второе, но она ведь обещала Мише... по крайней мере это ее оправдывает. Наконец, она

Вечером, закрыв дверь, Валя набрала номер Антона. Он долго не подходил, и, когда Валя уже подумывала положить трубку, наконец-то раздался его голос:

— Да.

— Привет.

— Да, привет, — ровно сказал он.

— Не хочешь встретиться и поговорить? — прямо в лоб начала она.

— Нет, не хочу.

— Вот и все твои чувства, да? — деланно усмехнулась она. — Ну что же, я это предвидела.

— Я тоже все знал, но решил, что могу что-то изменить. Видимо, это не в моих силах.

— Ты в своем уме, что ты несешь?

— Да нет, теперь я как раз в своем уме.

— Понятно. Наверное, уже нашел себе кого-то?

— Допустим, угадала.

— И чего ради я унижаюсь? В жизни никогда так не делала.

— Как чего? По-моему, тебе очень удобно под моим прикрытие.

Валя потеряла дар речи. Наконец выдохнула:

— То есть... ты считаешь меня настолько подлой, что я могу, прикрываясь тобой, мечтать о другом — о муже лучшей подруги? Ты ведь это имеешь в виду?

— Ты не специально. Но ты сама за собой не замечаешь... Когда Мишку ранили, я же всё видел — ты бы умерла, если бы с ним что случилось...

— Я бы так же... из-за любого друга, понятно?! — почти орала она.

— Было бы понятно... Если бы ты все это время не отскакивала от меня, как от мерзкой жабы. Я даже дотронуться до тебя не мог...

— Да ты... ты же сам... сам был как истукан! Господи... — она уже не могла подобрать слов — ведь все с ее точки зрения было наоборот. — Ладно, хватит. Наверное, ты прав. Лучше так, чем будешь потом до старости мучить меня своей ревностью к нему.

— Что ты сказала — до старости? — голос Антона странно изменился.

Валя помолчала, не понимая, что его так поразило.

— Пока, Антон, — вымолвила она как можно суше и положила трубку.

А потом пошла в ванную, чтобы мама не видела, как она плачет.

***

«Вот и еще одна несостоявшаяся свадьба», — думала Валя.

Она только что вышла из кабинета начальника, который мягко журил ее — она совершенно упустила из виду одно из его поручений, и если уж шеф решил ей указать на это, значит, она действительно его довела.

Мишу выписали, у них с Ленкой все было нормально. Она же ощущала пустоту, ей ничего не хотелось. Ни рисовать, ни писать стихи, ни тем более работать.

После обеда выдали зарплату. Валентине вдруг захотелось купить себе что-нибудь новенькое, что-нибудь из одежды, например, платье. В конце концов, что она, не заслужила, чтобы у нее было хоть одно красивое платье?

Хотя куда ей наряжаться... Некоторые выходят замуж снова и снова, а она снова и снова не выходит — ха-ха, замечательный каламбур. Ну и плевать. Все равно, она купит себе наряд

Вечером Валентина отправилась по магазинам. Она входила в бутики, и под оценивающими взглядами продавщиц решительно примеряла какие-то платья и костюмы. Потом ей стало противно, однако она продолжала ходить по торговому центру с маниакальной настойчивостью — словно и правда, без этого платья ей не обойтись. В одном небольшом магазинчике оказалась приветливая и скучающая продавщица.

— А что вы ищете? Давайте, я вам помогу.

Что-то в ее голосе было такое сочувственное, что Валя согласилась, хотя обычно от таких предложений отказывалась: спасибо, сама.

— Что-то нарядное, но не вычурное, на выход...

— А куда выходить-то будешь? — продавщица внезапно перешла на ты.

— На свадьбу пойду. Свидетельницей, — соврала Валя.

— По цене на что рассчитываешь?

В итоге продавщица кивнула и скрылась среди вешалок. Потом вылезла, держа в руках аккуратное темно-синее платье с небольшим вырезом и рукавом в три четверти.

— Вот, смотри, и на праздник можно, и потом пригодится.

Платье было чуть выше колен и красиво облегало фигуру, смотрелось нарядно, но без претензий на парадность. «Антону бы понравилось», — невольно подумала она. Цена была приемлемой, и Валя вышла из магазина с покупкой. На душе стало скверно — и чего ради деньги потратила... и было жаль себя до невозможности.

Дома, бросив пакет с обновкой, снова закрылась в своей комнате. Завтра, в субботу, у нее была бы свадьба... Она представила себе Антона, его тонкую фигуру, руки, темные, выразительные глаза, всегда смотрящие на нее с затаенным вопросом. Ей захотелось, чтобы его руки обняли ее, захотелось прижаться к нему и поцеловать. Всего этого у нее не будет теперь никогда. Это был ее последний шанс, но не в общепринятом пошлом смысле. Просто больше она никогда не захочет никого любить...

Утром, за завтраком, Валя вдрызг разругалась с матерью. Она даже не могла вспомнить, с чего все началось, слово за слово. В итоге мать швырнула заварной чайник на пол, в разные стороны разлетелись чаинки и осколки. Валя вылетела из кухни. Куда бы уйти? О, да у нее же свадьба, в загс и отправимся!

Скандалное, сумасшедшее состояние — как раз то, что нужно. И так, что для начала? Прическа, макияж... И — да, у нее есть подходящий наряд. Валя распаковала сверток. Посмотрелась в зеркало — потрясающе, только глаза немного припухли от вчерашних слез. Ничего, все равно никто на нее смотреть не будет. Она погуляет у загса и — мало ли кого она ждет, сама будет смотреть на всех. Развлекаться. Валя надела пальто и буквально выбежала из дома, как будто на самом деле опаздывала к назначенному времени.

Около дворца бракосочетаний толпился нарядный люд, никому, как она и предвидела, не было до нее дела. Кажется, тут тусовалось около пяти свадеб с полным комплектом гостей и свидетелей. Она уселась в зале ожиданий, словно одна из гостей.

Главное, не разреветься, но слезы уже были наготове. «Что я тут делаю, надо уходить!». Но что-то сдерживало, не отпускало. Внезапно она с ужасом осознала, что служащая скоро выйдет и назовет их фамилии — откуда здесь могут знать, что свадьбы не будет? Или что... она что, надеется, что он придет?

Валя вскочила и бросилась к выходу. И... замерла. Навстречу ей в зал заходил Антон в элегантном костюме. Они уставились друг на друга. И в тот же момент в зал ожидания вышла девица-администратор:

- Егоровы — здесь?
- Здесь, — поспешно крикнул Антон, громко, словно она может не услышать.
- Это вы? Музыка заказывать будете? Фото, видеосъемку? Свидетели есть?
- Мы без свидетелей. Музыка — будем, все будем, — Антон схватил Валю за руку, как будто боялся, что она исчезнет.
- Давайте паспорта и кольца.
- У нас нет колец, а можно мы пока без колец?
- Как без колец?! Жених, да вы даже цветов не купили? — девушка подняла удивленный взгляд, — вас что, просто расписать, без церемонии?
- Будут цветы. Нет, все с церемонией, все, как положено, хорошо?
- Ну, поднимайтесь, готовьтесь, — девушка пожала плечами и отошла.
- Где же кольца, жених? — серьезно спросила Валя, глядя Антону в глаза.
- Кольца теперь только на венчание будут, — ответил он.